

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2025

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретицин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волцецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Дата выхода в свет 18.02.2026 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Подлесных С.Н.</i> Упразднение совестных судов в Российской империи: общие положения (1828 – 1866 годы).....	5
<i>Иванов В.В., Барсукова А.А.</i> Личное поручительство в системе мер пресечения и проблемы его применения	16
<i>Ткачева Н.В.</i> Промежуточные решения в производстве по уголовному делу суда первой инстанции.....	28
<i>Железняк И.Ю.</i> Установление умысла на незаконный сбыт наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как условие привлечения к уголовной ответственности	42

История. Исторические науки

<i>Петров М.Д.</i> Ирландец, католик, коллаборационист и «кромвелевский пенсионер»: лорд Антрим на службе пуританской республики и Протектората.....	54
<i>Бытко С.С.</i> Старообрядческий вопрос в трудах классиков русской анархической мысли.....	69
<i>Вальдман Д.А.</i> Император Николай II в годы Первой мировой войны глазами монархических кругов русского общества.....	79
<i>Смирнов М., Максимов И.П.</i> Конституционный кризис в Эстонской Республике в 1932 – 1934 годах.....	91
<i>Ушпаров И.А.</i> Региональная политика памяти в период коммеморации годовщин исторических событий в Республике Ингушетия	105

Общество и политика

<i>Евграфов В.И.</i> Обеспечение информационного суверенитета России: противостояние киберугрозам.....	121
<i>Менчиков Д.Ю.</i> Членство в ЕС де-факто: попытка адаптации к текущим вызовам.....	133

CONTENTS

State and law

<i>Podlesnykh S.N.</i> Abolition of Courts of Conscience in the Russian Empire: general provisions (1828 – 1866)	5
<i>Ivanov V.V., Barsukova A.A.</i> Personal surety in the system of preventive measures and the problems of its application.....	16
<i>Tkacheva N.V.</i> Interim decisions in criminal proceedings of the court of first instance.....	28
<i>Zheleznyak I.Yu.</i> Establishing intent to illegally sell drugs using information and telecommunication technologies as a condition for criminal liability	42

History. Historical sciences

<i>Petrov M.D.</i> The Irish, Catholic, collaborator and «Cromwellian pensioner»: lord Antrim in the service of the Puritan Republic and Protectorate	54
<i>Bytko S.S.</i> The Old Believer question in the works of the classics of Russian anarchist thought	69
<i>Waldman D.A.</i> Emperor Nicholas II during the First World War through the eyes of Russian monarchical circles	79
<i>Smirnov M., Maksimov I.P.</i> Constitutional crisis in the Republic of Estonia in 1932 – 1934	91
<i>Ushparov I.A.</i> Regional politics of memory during the commemoration of the anniversaries of historical events in the Republic of Ingushetia	105

Society and politics

<i>Evgrafov V.I.</i> Cybersecurity and information sovereignty: the role of technology in protecting Russia's interests.....	121
<i>Menchikov D.Yu.</i> EU de facto membership: an attempt to adapt to current challenges	133

УДК 355.131+94(47)

С. Н. Подлесных

УПРАЗДНЕНИЕ СОВЕСТНЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ (1828 – 1866 ГОДЫ)

Воронежский государственный лесотехнический университет
им. Г. Ф. Морозова, Воронеж, Россия
Поступила в редакцию 08.09.2025 г.
Принята к публикации 14.11.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-1

5

Для цитирования: Подлесных С. Н. Упразднение совестных судов в Российской империи: общие положения (1828 – 1866 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 5 – 15. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-1.

На основе широкого круга неопубликованных архивных источников проанализирован процесс упразднения совестных судов в Российской империи в 1828 – 1866 гг. Их массовое упразднение относится к 1852 г., когда с учетом всех нормотворческих процедур были закрыты 18 совестных судов. Должности совестных судей при этом упразднялись не всегда – в некоторых случаях они входили в местные судебные палаты (как правило, в палаты уголовного суда). Формально именно небольшое количество дел, рассматриваемых в совестных судах после издания закона от 13 ноября 1850 г., стало основной причиной ликвидации этих судебных учреждений в 18 губерниях Российской империи в 1852 г. Второе массовое упразднение совестных судов относится к 1857 г., когда было закрыто еще 22 учреждения. Анализ механизма упразднения совестных судов позволяет утверждать, что большинство из них было упразднено по схеме, утвержденной Государственным советом в 1852 г. По ней были ликвидированы в 1861 г. последние в Российской империи совестные суды. В то же время должности совестных судей по-прежнему сохранялись. Они были окончательно расформированы лишь в соответствии с законом от 25 ноября 1866 г., а исправлять обязанности совестных судей поручалось товарищам председателей местных судебных палат.

Ключевые слова: дореформенный суд, министерство юстиции, Российская империя, совестный суд, судебная система, судейский корпус, упразднение совестных судов

Введение

Как известно, совестные суды были учреждены Екатериной II в 1775 г. и на практике во многом воплощали идеи эпохи Просвещения. Совестный суд отличался от иных отечественных учреждений правосудия, в

которых господствовало формальное судопроизводство, своей компетенцией, отражавшей специфический субъектный состав лиц, дела которых разбирались по существу. Специфика совестного суда также обозначалась в институте принятия судебного решения, где большую роль играло внутреннее убеждение судьи, основанное на таких понятиях, как *справедливость, равенство, человеколюбие* и т.д. Основная цель совестного судьи в рамках гражданского судопроизводства — примирение сторон. Компетенция этого вида суда распространялась как на гражданские, так и на уголовные дела. Защита личного интереса в юридическом процессе совестного судьи преобладала над защитой публичных интересов и служила альтернативой формальному судопроизводству [21, с. 458].

Истории упразднения совестных судов Российской империи в отечественной исторической литературе, на наш взгляд, не уделено должного внимания, хотя сегодня и появляются работы, посвященные совестным судам [22]. Из работ дореволюционных авторов обращает на себя внимание небольшой, но уже ставший классическим труд Г. М. Бараца «Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести», в котором, в частности, кратко охарактеризованы причины упразднения совестных судов [3]. Советские ученые-историки специально о совестных судах не писали.

Современные российские авторы, исследующие совестные суды, надо отметить, нередко путаются как в фактических вопросах истории упразднения рассматриваемых судебных учреждений, так и в понятийном аппарате. Так, В. А. Илюхина и С. Ю. Агафонов ошибочно пишут, что «совестные суды формально существовали в Российской империи с 1775 по 1852 годы» [13, с. 24]. В. Г. Тур в статье «Учреждение и значение совестных судов в Российской империи» указывает, что «совестные суды были отменены в 1866 году» [31, с. 195], не конкретизируя, идет ли речь о совестном суде как учреждении или о правовом институте. Ряд авторов (Ю. В. Баранов [2], В. А. Воропанов [5], Л. Ю. Мхитарян [17], Е. В. Разумов [23], А. А. Самсонов [25], Н. В. Старикова [29]) посвятили свои работы истории совестных судов отдельных губерний и регионов Российской империи. Частными вопросами деятельности совестных судов интересовались Т. Ю. Амплеева [1], Е. А. Кузнецова [15], Т. Л. Мигунова [16], Л. М. Свердлова [26], А. С. Смыкалин [28], И. Г. Федин [33].

Однако анализ современной отечественной историографии по теме совестных судов показал, что история закрытия в губерниях Российской империи совестных судов исследователями практически не рассматривалась. Данное обстоятельство показывает, что в истории упразднения совестных судов Российской империи еще много пробелов, есть вопросы, требующие более конкретного анализа, что и обуславливает актуальность заявленной темы.

Основными источниками исследования послужили следующие материалы:

— делопроизводственная документация, представленная архивными делами, введенными в научный оборот впервые: 1) Российский гос-

ударственный исторический архив (РГИА) — фонды 1149 «Департамент законов Государственного совета» и 1286 «Департамент полиции исполнительной МВД»; 2) Государственный архив Воронежской области (ГАВО) — фонды И-2 «Воронежское губернское правление» и И-167 «Воронежская палата гражданского суда»;

— нормативно-правовые акты: документы из Полного собрания законов Российской империи; документы из Свода законов Российской империи.

Целью настоящего исследования является рассмотрение истории упразднения совестных судов в Российской империи в 1828—1866 гг.

Основная часть

7

В настоящей статье под упразднением совестных судов периода 1828—1866 гг. мы будем понимать реорганизацию совестных судов в форме их закрытия как самостоятельных учреждений с передачей компетенции в соответствующую местную судебную палату с сохранением или без сохранения должности совестного судьи.

Для максимального понимания истории упразднения российских совестных судов необходимо разграничивать понятия «закрытие совестного суда» и «упразднение должности совестных судей». Учитывая результаты анализа нормативных актов рассматриваемого периода, а также архивных материалов, отражающих правоприменительную практику относительно упразднения совестных судов, необходимо выделять следующие формы упразднения совестных судов:

1) закрытие совестных судов без сохранения должности совестного судьи;

2) закрытие совестных судов с сохранением должности совестного судьи.

Первая форма предполагала учреждение в местных судебных палатах особого отдела (как, к примеру, произошло при упразднении Архангельского совестного суда [6, с. 863]), в котором производились дела, подлежащие ведомству совестного суда. Вторая форма предполагала сохранение должности совестного судьи, который относился к одной из судебных палат соответствующей губернии (как, к примеру, это было в Воронежской губернии [20, с. 446]).

Исходя из сущности форм упразднения совестных судов, можно сказать, что первая форма — это радикальный способ реорганизации совестных судов, предполагавший не только закрытие самого суда, но и ликвидацию самой должности совестного судьи. Вторую можно назвать умеренной формой реорганизации рассматриваемых судебных органов, когда закрытие суда как самостоятельного учреждения не влекло за собой ликвидацию должности совестного судьи. В губерниях Российской империи, в которых упразднение совестных судов проходило в соответствии со второй формой упразднения, выборы на должность совестного судьи продолжались и после закрытия совестных судов.

Совестные суды занимали губернский уровень правосудия и, как судебные палаты, были всесловными судами [32, с. 278–279]. Поскольку совестный суд с точки зрения законодательного устройства был максимально близок к судебным палатам, по компетенции совестный суд присоединялся именно к судебным палатам — на губернском уровне судебной системы просто не было иных учреждений для этого.

Упразднение совестного суда в первой форме главным образом было связано с малочисленностью местной дворянской корпорации, которая препятствовала проведению выборов в совестные судьи. Это «недворянские губернии» — Астраханская, Архангельская, Олонецкая.

Передача компетенции совестного суда судебным палатам не шла на пользу судебному процессу по тем делам, которые были подведомственны совестному судье. Хотя в специальных актах о присоединении совестных судов к палатам особо указывалось, что дела совестных судов должны быть разбираемы по правилам «в Учреждении о губерниях для совестных судов предписанным» [8, с. 676].

Важно разграничивать упразднение совестных судов и упразднение должностей совестных судей. Совестные суды как самостоятельные учреждения правосудия, исключая время правления Павла I, существовали с 1775 г. по 1861 г., когда были закрыты последние совестные суды в Санкт-Петербурге и Москве. Стоит согласиться с В. А. Томсиновым, который указывает, что «в результате этого институт совестных судов фактически прекратил свое существование в России» [30, с. 24]. Однако совестные суды как правовой институт в государственно-правовой системе Российской империи просуществовали как минимум на пять лет дольше, чем совестные суды-учреждения — до 1866 г., когда должности совестных судей были упразднены законодательно.

В этой связи в истории упразднения совестных судов Российской империи как самостоятельных судебных учреждений и совестного суда как правового института можно выделить несколько этапов. Начиная с 1828 г. совестные суды в губерниях упразднялись в следующем хронологическом порядке:

- 1828 г. — Астраханская губерния [8; 24, ф. 1149, оп. 1, 1828, д. 39];
- 1847 г. — Архангельская губерния [6; 24, ф. 1149, оп. 3, 1847, д. 75];
- 1848 г. — Олонецкая губерния [7; 24, ф. 1149, оп. 3, 1848, д. 76];
- 1852 г. — Владимирская, Витебская, Вологодская, Гродненская, Ковенская, Калужская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Новгородская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Таврическая, Тверская, Тульская и Ярославская (всего 18 губерний) [Там же, оп. 4, 1852, д. 48];
- 1857 г. — Бессарабская, Виленская, Волынская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Казанская, Киевская, Костромская, Курская, Оренбургская, Орловская, Пермская, Подольская, Полтавская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Тамбовская, Харьковская, Херсонская, Черниговская (всего 22 губернии) [3, с. 23];
- 1861 г. — Санкт-Петербургская, Московская губернии [9].

— 1866 г. — законодательное упразднение должностей совестных судей и вменение их обязанностей товарищам председателей судебных палат по принадлежности во всех губерниях, где действовало совестное разбирательство [27].

Первое упразднение совестного суда в Российской империи состоялось в 1828 г. Тогда инициатором изменения судебной системы, организованной в 1775 г., выступил генерал А. П. Ермолов, главноуправляющий в 1827 г. Астраханской губернии, Грузии и Кавказской области, в руках которого была сконцентрирована серьезная власть [4, с. 40]. Высшее руководство империи поддержало Ермолова в вопросе упразднения совестного суда по двум причинам: бывшая особенностью Астраханской губернии малочисленность дворянского сообщества, выступавшего кадровым источником для назначения на должности по выборам; малое количество тяжёлых дел, поступавших на рассмотрение в Астраханский совестный суд.

Изменения в судебной системе Астраханской губернии в 1828 г. стали своеобразным прецедентом в целом для ряда губерний Российской империи в вопросе упразднения совестных судов. Сначала шаги правительства в деле упразднения совестных судов были достаточно робкими. До массового упразднения ряда совестных судов, которое последовало в 1852 г., поэтапно только в трех губерниях (Астраханской, Архангельской, Олонецкой) такие судебные учреждения были закрыты как самостоятельные суды. Особенности этих губерний были связаны с количественным и качественным составом местного дворянства. Малочисленность дворянского сообщества в этих губерниях не позволяла проводить полноценные выборы председателей судебных палат, поэтому на данные должности чиновники назначались правительством, хотя у руководства Архангельской, Астраханской, Вятской, Олонецкой и Пермской губерний сохранялось право избирать председателей судебных палат местным дворянством [18, с. 475].

Во время действия временных штатов совестных судов, утвержденных 3 мая 1848 г., последовало образование Самарской губернии. Николай I подписал указ об этом 6 декабря 1850 г. [14, с. 200–201]. На открытие Самарского совестного суда из государственного казначейства отпускалась сумма в размере 2 309 руб. 28 коп., «и сверх того предоставлено министру юстиции назначить совестным судьей одного из благонадежнейших чиновников министерства с производством содержания по 1500 руб. сереб. в год, пока в сей должности будет состоять чиновник от Правительства» [24, ф. 1149, оп. 4, 1852, д. 48, л. 7 об.—8]. После избрания совестного судьи от дворянства жалование ему назначать не предполагалось [10]. Однако Самарский совестный суд был закрыт в числе 18 совестных судов в 1852 г., о причинах чего оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский 23 августа 1852 г. спрашивал товарища министра внутренних дел М. И. Лекса [24, ф. 1286, оп. 13, д. 440, л. 1—1об.].

Небольшое количество дел, рассматриваемых в совестных судах, стало основной причиной упразднения этих судебных учреждений в 18 гу-

берниях Российской империи в 1852 г. К тому времени действовало 40 совестных судов [24, ф. 1149, оп. 4, 1852, д. 48, л. 1 об.]. В Министерстве юстиции отмечали: «Посему, так как количество поступающих в Совестные суды дел уменьшилось после издания закона от ноября 1850 года более чем на половину, то штаты судов необходимо подлежат в настоящее время сокращению соответственным действительному размеру занятий этих мест» [Там же, л. 5 об. — 6].

По схеме 1852 г. были упразднены совестные суды 22 губерний в 1857 г.: совестные суды как учреждения были закрыты, а должность совестного судьи вошла в местную судебную палату [3, с. 23].

В 1861 г., как указывалось выше, были закрыты последние совестные суды — в Санкт-Петербурге и Москве. В Высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 26 июня 1861 г. отмечалось, что совестные суды в этих городах должны быть преобразованы «на основаниях, изложенных в пунктах 4—7 и 10 Высочайше утвержденного 23 июня 1852 года (26396) мнения Государственного совета» [9].

Сбережения от упраздненных совестных судов в Санкт-Петербурге и Москве в размере 7593 руб. 40 коп. шли на усиление канцелярий столичных судебных палат (первым департаментам гражданских палат — в Санкт-Петербурге 987 руб. 16 коп., в Москве 700 руб. в год; уголовным палатам — в Санкт-Петербурге 1030 руб. 16 коп., в Москве 700 руб. в год), на годовые оклады чиновникам канцелярий, которые не переводились в столичные судебные палаты или иные присутственные места. Остаток средств обращался на счет Государственного казначейства [Там же].

Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. не вводили повсеместно и сразу новые принципы судоустройства и судопроизводства. Новые судебные присутствия открывались постепенно. Чтобы сгладить введение в России новой судебной системы и вместе с тем дать возможность завершить в приемлемой форме производство судебных дел на основе старой судебной модели, государством принимался ряд законов переходного и временного периода действия. Одним из таких нормативных актов, касавшихся работы совестных судей, был принятый 25 ноября 1866 г. закон «О постепенном упразднении должностей совестных судей и о поручении исправления их обязанностей товарищам председателей палат уголовного и гражданского суда» [27]. В соответствии со ст. 51 Положения о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. министру юстиции предоставлялось право «соединять и закрывать нынешние суды первой и второй степени, с передачей их дел, в случае нужды, в другие ближайшие суды равной степени» [11, с. 80]. Основываясь на этом полномочии, министр юстиции Д.Н. Замятин предложил: «По мере окончания совестными судьями срока службы, на который они избраны, а также по мере выбытия их по другим причинам до срока избрания, должности совестных судей упразднять, поручив исправление соединенных со званием совестного судьи обязанностей товарищам председателей палат по принадлежности: товарищам председателей палат уголовного суда — по делам уголовным, а товарищам председателей палат гражданского суда — по делам гражданским» [27].

Ввиду того, что в разных губерниях совестные судьи избирались в различное время, срок их полномочий, по общему правилу исчислявшийся шестью годами, истекал не в одно время. Так, к примеру, 17 января 1867 г. Воронежское губернское правление в переписке с местной палатой гражданского суда по вопросам новых правил об изменении гражданской подсудности указывало судебной палате на исполнение закона от 25 ноября 1866 г., подразумевавшего упразднение правового института совестных судей. Воронежское губернское правление среди прочего отмечало: «При этом ввиду того, что в министерстве юстиции не имеется сведений о времени окончания лицами, состоящими ныне в должности совестных судей, срока службы, на который они были избраны, просит, по мере окончания сроков службы на нынешних совестных судей, доводить о том до его сведения для распоряжения о поручении товарищам председателей палат согласно вышеизложенному исполнению соединенных со званием совестных судей обязанностей» [12, ф. И-167, оп. 2, д. 8841, л. 49 об.].

В Воронежской губернии последним совестным судьей был Л. Д. Богушевский. Чиновник был избран местным дворянством на эту должность в сентябре 1862 г. на шесть лет [12, ф. И-2, оп. 1, д. 799, л. 1], к исполнению своих обязанностей приступил после утверждения его в должности 8 октября 1862 г. [Там же, д. 1038, л. 27–28]. По общему правилу полномочия Богушевского должны были истечь в октябре 1868 г.

Таким образом, в разных губерниях Российской империи должность совестного судьи упразднялась в разное время начиная с ноября 1866 г. В проектах Устава судопроизводства уголовного (1864 г.) чиновниками Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии по поводу процесса у совестного судьи было указано, что «сие особенное судопроизводство не внесено в наш проект по причине упразднения совестных судов» [19, с. 13]. Институт совестного суда окончательно прекратил свое существование.

Заключение

Совестные суды — это одни из тех дореформенных судебных учреждений, которые на протяжении 1820–1860-х гг. претерпевали, пожалуй, максимальные организационные изменения в сравнении с иными дореформенными органами правосудия Российской империи. Сущность совестного разбирательства, основанная на принципах эпохи Просвещения, которые в том числе обозначали в совестных судах альтернативу формальному судопроизводству, предопределила их особое положение в системе дореформенного отечественного правосудия. Вместе с тем такая альтернативность не позволяла совестным судам лаконично вписаться в дореформенную судебную систему империи.

Упразднение совестных судов проходило в соответствии с двумя формами (без сохранения должности совестного судьи и с сохранением должности совестного судьи). Схема упразднения совестных судов в

соответствии со второй формой упразднения была выработана Министерством юстиции в 1852 г. и сохраняла свою жизнеспособность до 1861 г. В соответствии с ней были закрыты практически все совестные суды. Сумма бюджетных сбережений от упраздненных в 1828–1861 гг. совестных судов составляла примерно 100 тыс. руб. Большая часть из этой суммы обращалась на счет Государственного казначейства или причислялась к запасной сумме Министерства юстиции.

Список источников и литературы

1. Амлеева Т. Ю. Совестный суд в системе местных судебных учреждений Екатерины Великой // Право и государство: теория и практика. 2008. №4 (40). С. 100–102.

2. Баранов Ю. В. Судебная практика Московского совестного суда (1782–1861 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. №1. С. 67–73.

3. Барац Г. М. Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: историко-юридический этюд. СПб., 1893.

4. Бочарников И. В. А. П. Ермолов: стратег и дипломат // Военно-исторический журнал. 2013. №12. С. 39–43.

5. Воропанов В. А. Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Научный вестник Уральского академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. №2 (11). С. 126–130.

6. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О закрытии Архангельского совестного суда и о передаче дел его в Архангельскую Палату уголовного и гражданского суда» от 24 ноября 1847 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. XXII. Отд. 1. №21730. СПб., 1848. С. 862–863.

7. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О закрытии Олонецкого Совестного суда и о передаче дел оного в тамошнюю Палату уголовного и гражданского суда» от 29 ноября 1848 г. // ПСЗРИ-II. Т. XXIII. Отд. II. №22768. СПб., 1849. С. 57–58.

8. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О порядке наполнения в Астраханской губернии мест, зависящих от выборов дворянства, и о присоединении дел Совестного суда к Палате уголовного и гражданского суда» от 8 июля 1828 г. // ПСЗРИ–II. Т. III. №2138. СПб., 1830. С. 675–677.

9. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О преобразовании совестных судов в Санкт-Петербурге и Москве» от 26 июня 1861 г. // ПСЗРИ-II. Т. XXXVI. Отд. I. №37151. СПб., 1863. С. 996.

10. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «О учреждении во вновь открываемой Самарской губернии присутственных мест и должностных лиц ведомства Министерства юстиции» от 20 декабря 1850 г. // ПСЗРИ-II. Т. XXV. Отд. II. №24746. СПб., 1851. С. 307.

11. Высочайшее утвержденное Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. от 19 октября 1865 г. // ПСЗРИ-II. Т. XL. Отд. II. №42587. СПб., 1867. С. 74–84.

12. Государственный архив Воронежской области.

13. Илюхина В. А., Агафонов С. Ю. Институт совестного суда в Российской империи (1775–1852) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. №1. С. 23–32.

14. *История Самары (1586–1917 гг.)* / П. С. Кабытов, Э. Л. Дубман, О. Б. Леонтьева [и др.]. Самара, 2015.

15. *Кузнецова Е. А.* Чародейство, обман или безвредная шутка: диалог о магических практиках в следственных делах совестных судов первой половины XIX в. // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2023. Т. 6, №1. С. 10–73.

16. *Мигунова Т. Л.* Совестный суд Екатерины II // *Закон и право*. 2007. №2. С. 116–121.

17. *Мхитарян Л. Ю.* Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2014. №1 (23). С. 37–43.

18. *Общее учреждение губернских судебных мест* // *Свод законов Российской империи*. Т. 2, ч. 1. СПб., 1857. С. 474–489.

19. *Объяснительная записка к проекту Раздела VII Устава судопроизводства уголовного, об особенных родах судопроизводства в делах по преступлениям и проступкам* // *Материалы по судебной реформе в России 1864 г.* СПб., 1857–1866. Т. 7, №2.

20. *Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 гг.* Воронеж, 1866.

21. *Подлесных С. Н.* Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775–1866 годы // *Научный диалог*. 2024. Т. 13, №10. С. 445–462.

22. *Подлесных С. Н.* Современная отечественная историография об институте совестного суда в Российской империи // *Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации*: сб. науч. тр. XVIII междунар. науч.-практ. конференции, Белгород, 25 октября 2024 г. Белгород, 2024. С. 451–456.

23. *Разумов Е. В.* Создание и деятельность совестного суда в Казанской губернии // *Теория и практика общественного развития*. 2014. №16. С. 159–160.

24. *Российский государственный исторический архив*.

25. *Самсонов А. А.* Новгородский совестный суд // *История государства и права*. 2015. №6. С. 42–47.

26. *Свердлова Л. М.* Казанский совестный суд, как суд примирительной инициативы // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2013. №3. С. 214–220.

27. *Сенатский*. О постепенном упразднении должностей совестных судей и о поручении исправления их обязанностей товарищам председателей палат уголовного и гражданского суда. 25 ноября 1866 г. // *ПСЗРИ-II*. Т. XLI. Отд. II. №43898. СПб., 1868. С. 293.

28. *Смыкалин А. С.* Сравнение совестного суда Екатерины II и английского суда Канцлера // *Инструменты современной научной деятельности*: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Ижевск, 22 июня 2017 г. Ижевск, 2017. Ч. 2. С. 150–153.

29. *Старикова Н. В.* Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // *Вестник Мининского университета*. 2013. №4. С. 6.

30. *Томсинов В. А.* Судебная система Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов). Статья первая // *Вестник Московского университета*. Сер. 11: Право. 2016. №3. С. 3–24.

31. *Тур В. Г.* Учреждение и значение совестных судов в Российской империи // *Вопросы развития государства и права: теория, история и практика*: сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (к 100-летию Верховного Суда РФ), Симферополь, 09 ноября 2022 г. / ред.-сост. В. Г. Тур. Симферополь, 2023. С. 191–196.

32. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи. Часть первая от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. XX. Отд. 1. №14392. СПб., 1830. С. 229–304.

33. Федин И.Г. Институт совестного суда в контексте генезиса концепта «добросовестность» в российской правовой культуре // Юридическая наука в XXI веке : сб. науч. ст. по итогам работы IV междунар. круглого стола, Шахты, 31 июля 2018 г. Шахты, 2018. С. 56–58.

Об авторе

Сергей Николаевич Подлесных – канд. юрид. наук, доц., Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия.

ORCID ID: 0009-0001-2613-5777

E-mail: agera3@yandex.ru

14

S. N. Podlesnykh

ABOLITION OF COURTS OF CONSCIENCE IN THE RUSSIAN EMPIRE: GENERAL PROVISIONS (1828–1866)

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Received 8 September 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-1

To cite this article: Podlesnykh S.N. 2025, Abolition of Courts of Conscience in the Russian Empire: general provisions (1828–1866), *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 5–15. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-1.

Based on a wide range of unpublished archival sources, the process of abolishing courts of conscience in the Russian Empire between 1828 and 1866 is analyzed. The mass abolition of courts of conscience dates to 1852, when, following all regulatory procedures, 18 courts of conscience were closed. At the same time, the positions of judges of conscience were not always abolished – in some cases, they were incorporated into local judicial chambers (as a rule, criminal chambers). Formally, the small number of cases considered by courts of conscience after the promulgation of the law of 13 November 1850 became the main reason for the abolition of these judicial institutions in 18 provinces of the Russian Empire in 1852. The second wave of mass abolition of courts of conscience dates to 1857, when another 22 courts of conscience were closed. An analysis of the mechanism of abolishing courts of conscience makes it possible to assert that the majority of these courts were abolished according to the scheme approved by the State Council in 1852. Under this scheme, the last courts of conscience in the Russian Empire were liquidated in 1861. At the same time, the positions of judges of conscience continued to be retained. Only in accordance with the law of 25 November 1866 were they gradually abolished, and the duties of judges of conscience were assigned to the deputies of the chairmen of local judicial chambers.

Keywords: conscientious court, abolition of conscientious courts, judicial system, judicial corps, pre-reform court, Ministry of Justice, Russian Empire

The authors

Dr Sergey N. Podlesnykh, Associate Professor, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov, Voronezh, Russia.

ORCID ID: 0009-0001-2613-5777

E-mail: agera3@yandex.ru

В. В. Иванов¹, А. А. Барсукова²

**ЛИЧНОЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ**

¹ Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, Самара, Россия

² Прокуратура города Самары

Поступила в редакцию 11.08.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-2

16

Для цитирования: *Иванов В. В., Барсукова А. А. Личное поручительство в системе мер пресечения и проблемы его применения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 16–27. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-2.*

Рассмотрено личное поручительство как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве, проанализированы проблемы эффективности ее применения. На основе исторического анализа показано, как менялось нормативное регулирование данной меры пресечения до Судебных уставов, после их принятия, в советский период и в настоящее время. Охарактеризованы спорные моменты, возникающие при избрании этой меры пресечения, а также крайне низкая ее востребованность в глазах правоприменителей. Особое внимание уделено толкованию понятия «заслуживающее доверия лицо» и критериям, которые в настоящее время не закреплены в законе, но могут быть предъявлены к этому лицу. Также описан размер штрафа, взимаемый за нарушение данной меры пресечения, отмечена его несообразность. Даны рекомендации по многократному увеличению размера данного штрафа либо его привязке к размеру причиненного преступлением вреда. Показаны результаты проведенного авторами анкетирования работников правоохранительных органов и судов, а также сбора нарративных историй по рассматриваемому вопросу. Сформулированы рекомендации по повышению эффективности применения данной меры пресечения и увеличению количества случаев ее избрания. В частности, предлагается увеличить размер штрафа за нарушение меры пресечения, а также уточнить понятие «заслуживающее доверия лицо» на уровне подзаконных актов правоохранительных органов либо в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ.

Ключевые слова: личное поручительство, меры пресечения, обвиняемый, подозреваемый

Введение

В целях создания надлежащих условий осуществления уголовного судопроизводства и устранения препятствий к выполнению его назначения в уголовном процессе существует система мер процессуального

принуждения. Она представляет собой самостоятельный институт уголовно-процессуального права, применению которого уделяется большое внимание во многих общих и специальных работах по уголовному процессу.

Применение мер пресечения допускается только в строго ограниченных условиях, в определенном порядке, так как это существенно нарушает принцип неприкосновенности личности. Ограничение прав личности осуществляется не только при заключении под стражу, как наиболее известной в обществе мере пресечения, но и при применении других мер пресечения. Правда, степень ограничения личной свободы, а также способы, посредством которых происходит это ограничение, в каждом случае различны. Но единая цель для всех мер пресечения заключается в том, чтобы помешать подозреваемому / обвиняемому уклониться от уголовного расследования.

Рассмотрим личное поручительство как меру процессуального принуждения. Начнем с исторического аспекта.

История вопроса

Во время правления императора Николая I в 1832 г. был издан Свод законов Российской империи, который не только систематизировал действовавшие на территории государства законодательные акты, но и закрепил основные положения о системе принудительных мер, применяемых к подозреваемым и обвиняемым лицам для обеспечения надлежащего расследования, в том числе поручительства, домашнего ареста, полицейского надзора. При этом было введено и ограничение на использование такой меры, как поручительство. Она могла быть применена только к лицам, которые обвинялись в совершении преступлений, не предусматривающих тяжкого наказания.

Принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных содержало в том числе нормы, регулирующие применение личного поручительства. Особенность состояла в том, что применяться эта мера могла только в определенных Уложением случаях. Подробный анализ статьи 134 показывает, что личное поручительство могло применяться к лицам, которые за совершение противоправного деяния подлежали наказанию менее строгому, чем было обозначено в данной статье. То есть, если санкция за преступления не предполагала лишения прав состояния, ссылки, направления в исправительные арестантские роты или в рабочий дом, то лицо при отсутствии признака рецидива в его деянии могло быть отпущено под поручительство.

Отметим, что уже в то время в научной среде велась активная дискуссия относительно вопросов, связанных с применением этой меры пресечения. Так, дореволюционный юрист И. Я. Фойницкий достаточно критически высказывался относительно существовавшего порядка закрепления поручительства, утверждая, что сама конструкция данной

меры пресечения была лишена своей основной сущности: на поручителя не возлагалось какой-либо материальной ответственности за неисполнение обязательства явки, в связи с чем применялась такая мера достаточно редко [10, с. 54].

О поручительстве также писал В.К. Случевский. Он считал, что такая мера пресечения необходима в первую очередь для лиц, имеющих высокое материальное положение, поскольку такое лицо может нести финансовую ответственность в случае уклонения обвиняемого от явки, а также если последний скрылся от следствия и суда [8, с. 387]. То есть, по мнению Случевского, такая мера пресечения представляет собой возложение обязанности на поручителя понести денежную ответственность за действия лица, за которого он поручился; тем самым финансовое состояние поручителя является ключевым аспектом возможности ее применения. Кроме того, он отмечает, что следователь и суд не могут знать всех обвиняемых, поэтому закон предоставляет возможность тем лицам, которые знают обвиняемого, поручиться за него и тем самым помочь расследованию.

Обсудим вопросы нормативной регламентации поручительства в советское время. В статье 78 Положения о военных следователях от 30 сентября 1919 г. предусматривалась возможность отдачи обвиняемых на поруки. Общественное поручительство было предусмотрено постановлением Совета Обороны «О производимых ВЧК арестах ответственных служащих и специалистов» от 14 декабря 1917 г.

УПК РСФСР 1922 г. предусматривал имущественное поручительство, сохраняя и личное поручительство. В основах уголовного судопроизводства 1958 г. было два вида поручительства — личное и общественное. Можно выделить основные особенности меры по данному акту:

1. Весь комплекс обязательств по надлежащему поведению обвиняемого возлагался именно на поручителя, при этом сам обвиняемый никаких обязательств не давал.

2. Основной целью данного института было создание условий для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого и гарантирование его явки по вызовам в государственные органы.

3. Несмотря на различие в видах поручительства, к обвиняемому не применялось никаких ограничений его прав.

4. В случаях, если обвиняемый не выполнял данных им обещаний, поручитель имел право на отказ от поручительства.

5. Процессуальное оформление данной меры пресечения происходило путем вынесения соответствующего постановления (определения) о поручительстве. Оно должно было быть мотивированным и содержать данные о поручителе. Поручитель должен был вызывать доверие. Следователю надлежало убедиться в этом по итогам сбора данных о нем, для чего можно было проводить допросы либо иные следственные действия.

И.Л. Петрухин в книге «Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе» выразил интересную мысль о доверии

при общественном поручительстве. Она состоит в том, что при общественном поручительстве необходимо собрать сведения о микроклимате в соответствующей общественной организации [5, с. 233].

Процессуальный порядок в советское время был следующий. Вызывался представитель от общественной организации и давал письменное согласие о том, что общественная организация ручается за надлежащее поведение обвиняемого. Сначала поручителя знакомили с постановлением об избрании данной меры пресечения. Ему вручалась копия. Далее следователь еще раз выяснял характер взаимоотношений между обвиняемым и поручителем и ставил поручителя в известность о характере дела, разъяснял ему его ответственность. Составлялся протокол и ставились подписи.

Итак, в советское время под личным поручительством понималось принятие на себя заслуживающими доверия лицами письменного обязательства в том, что они ручаются за надлежащее поведение и явку подозреваемого / обвиняемого по вызову лица, производящего дознание, а также следователя, прокурора и суда.

Рассмотрим поручительство в системе мер пресечения в настоящее время.

Современное состояние вопроса

Данная мера пресечения предусмотрена в статье 103 УПК РФ. Согласно формулировке данной статьи личное поручительство состоит в письменном обязательстве заслуживающего доверия лица в том, что оно ручается за выполнение подозреваемым или обвиняемым обязательств, предусмотренных в п. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ, то есть в назначенный срок являться по вызовам к дознавателю, следователю, в суд и не препятствовать производству по уголовному делу иным образом.

Личное поручительство по своей сути является самой демократичной мерой пресечения, так как не ограничивает права самого подозреваемого / обвиняемого.

Ранее действовавший УПК РСФСР содержал количественный критерий поручителей — необходимо было выбрать не менее двух лиц. На данный момент такое правило в законе не закреплено. Должностное лицо самостоятельно определяет количество поручителей. На практике поручителем может становиться одно лицо.

При избрании меры пресечения должностное лицо должно убедиться в добропорядочности поручителя, в том, что ему можно доверить надлежащее поведение подозреваемого / обвиняемого. В свою очередь, поручитель должен быть уверен, что сможет обеспечить надлежащее поведение, явку подозреваемого или обвиняемого по вызовам дознавателя или следователя. Поручителю сообщается о сути дела, по которому избирается мера пресечения, разъясняется существо подозрения или обвинения, его обязанности и ответственность,

связанные с выполнением личного поручительства. Поручитель предупреждается, что в случае невыполнения поручителем своих обязательств на него может быть наложено денежное взыскание. Правда, размер этого взыскания в настоящее время является символическим. Действующая редакция закона не говорит о том, может ли поручитель отказаться по тем или иным причинам от взятого на себя письменного обязательства. Полагаем, что ответ на данный вопрос должен быть утвердительным. В таком случае при невозможности его замены избирается иная мера пресечения.

Решение об избрании меры пресечения в виде личного поручительства оформляется постановлением полномочных должностных лиц, определением суда.

В постановлении об избрании личного поручительства содержатся данные о личности поручителя, закрепляется факт разъяснения ему сущности подозрения / обвинения, обязанностей и ответственности за их невыполнение.

Копия постановления (определения) вручается подозреваемому, обвиняемому, защитнику и поручителю.

Возникает вопрос: кто может стать поручителем?

Критерии выбора поручителя

УПК РФ не определяет критерии выбора лица, заслуживающего доверия. Представляется, что таковым может быть признано любое лицо. В практической среде сложилось мнение, что наиболее важным критерием, который должен предъявляться к поручителю, является наличие достаточного авторитета у такого лица в глазах подозреваемого или обвиняемого, что будет способствовать надлежащему исполнению меры пресечения последним посредством осуществления в его отношении контроля, гарантируя тем самым надлежащее поведение.

В научной среде в настоящий момент отсутствует единый подход к определению критериев при выборе поручителя. Некоторые представители научного сообщества считают, что поручителем может выступать только дееспособное совершеннолетнее лицо, которое может нести ответственность в случае нарушения обвиняемым или подозреваемым избранной меры пресечения. Так, например, П. И. Люблинский высказывал точку зрения, согласно которой в качестве лица, выступающего поручителем, может быть только гражданин, занимающий определенное служебное положение, а также имеющий достаточно высокий уровень общественного доверия [4, с. 33]. З. Д. Еникеев считал, что в качестве поручителя может выступать лицо, которое имеет близкие межличностные отношения с обвиняемым или подозреваемым, а также в силу собственного отношения к трудовой дисциплине, авторитета у коллег по месту работы и правомерного поведения может послужить ролевой моделью для обвиняемого или подозреваемого [2, с. 232]. И. Л. Трунов выделяет собственный критерий для определения поручителя: такое лицо не должно иметь судимостей, но должно быть тру-

доустроенным и иметь постоянное место регистрации или пребывания [9, с. 135]. Отметим, что данное мнение больше отвечает современным реалиям, но требование отсутствия судимости вызывает вопросы. Возможно, наличие судимости — это не показатель отказа в поручительстве. Ведь главный смысл поручителя в том, что поручитель сможет оказать воздействие на поведение подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, несмотря на разнящиеся мнения в научной среде относительно критериев, которые должны применяться к поручителю, можно выявить некое единство позиций относительно того, что такое лицо должно обладать доверием со стороны должностных лиц, в полномочия которых входит назначение такой меры пресечения, а также должно иметь достаточно высокий уровень личного доверия со стороны подозреваемого или обвиняемого, на что, в частности, указывает возможность применения личного поручительства лишь с согласия последнего.

Одной из проблем данной меры пресечения является то, что основой личного поручительства выступает доверие. Доверие — это уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, правильности чего-либо и основанное на ней отношение к кому-либо. Закон говорит только об одном лице, которое должно заслуживать доверия, — поручителе (ч. 1 ст. 103 УПК РФ). Но о чьем доверии к лицу, желающему стать личным поручителем, идет речь? Следователя или подозреваемого / обвиняемого? Представляется, что ответ должен быть комплексным. Это и первый вариант, так как следователю важна эффективность применения меры пресечения, выражающаяся в результате. И если следователь на основании своего опыта видит, что лицо не сможет повлиять на подозреваемого или обвиняемого, обеспечить его надлежащее поведение и тем самым выполнение основной цели назначения такой меры пресечения не будет обеспечено. При этом и само лицо, в отношении которого избирается данная мера пресечения, должно доверять своему поручителю. То есть аспект доверия должен непосредственно влиять на обеспечение добросовестного поведения подозреваемого или обвиняемого.

Сотрудник органов предварительного расследования только посредством проведения комплексного исследования целого ряда факторов, характеризующих потенциального поручителя, может сформировать убеждение о наличии доверия к такому лицу. Попробуем сформулировать ряд требований, которые могут предъявляться к лицу, которое рассматривается в качестве кандидата в поручители. Личным поручителем может стать лицо:

- совершеннолетнее;
- дееспособное;
- не имеющее судимости;
- не имеющее зависимостей (лудомания, алкоголизм, наркомания);
- имеющее постоянное место жительства;
- имеющее постоянный источник дохода;
- имеющее почетные звания, государственные награды или общественные поощрения и т. д.

Основными факторами, которые могут свидетельствовать о существовании доверительных отношений между подозреваемым или обвиняемым и доверителем, являются:

— имеющаяся между ними родственная или иная близкая социальная связь, то есть доверитель может выступать в роли члена семьи или иного родственника, а также близкого друга;

— имеющаяся между ними связь как руководителя и подчиненного, то есть доверитель может выступать в роли начальника на месте работы, службы, быть научным руководителем или преподавателем учебного заведения.

При этом возникает закономерный вопрос, как описанное реализуется на практике и насколько распространенной является данная мера пресечения.

Правоприменительная практика

В 2002 г. Л.К. Трунова провела опрос 200 следователей ОВД и прокуратуры, выявив 14 случаев избрания этой меры пресечения в 2000—2002 гг. (см.: [9]).

На практике эта мера распространена слабо. Периодически по громким, резонансным делам слышно, что известные люди обратились в органы следствия или в суд с просьбой отпустить обвиняемого из-под стражи под их личное поручительство. Однако, как правило, следствие и суд не находят возможным применение данной меры пресечения, и обвиняемый отправляется под стражу или под домашний арест.

Авторы настоящей статьи также провели опрос следователей в 2024—2025 гг. Большинство сотрудников органов предварительного расследования отметили достаточно низкий уровень эффективности применения такой меры пресечения. Как известно, основной целью любой меры пресечения является предупреждение возможности подозреваемого или обвиняемого уклониться от участия в производстве по уголовному делу и пресечение возможности продолжать преступную деятельность.

При этом такие базовые цели при применении личного поручительства практически не достигаются в силу того, что не сам подозреваемый или обвиняемый обязывается не препятствовать производству по уголовному делу, а иное лицо. Также в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым обязательства законодатель предусмотрел возможность наложения штрафа. И опять же это неэффективная мера для органов предварительного расследования, так как главная цель органа предварительного расследования — раскрыть и расследовать преступление, найти виновного и изобличить его. Наложение штрафа на поручителя никак не поможет достичь данной цели.

В рамках данного опроса следователям задавался вопрос о том, какая мера пресечения будет более эффективной по сравнению с личным

поручительством. В большинстве ответов сотрудники следственных органов отметили, что применение подписки о невыезде и надлежащем поведении имеет более значимый эффект, поскольку обладает характеристикой личного обязательства подозреваемого или обвиняемого. Более того, некоторые из должностных лиц правоохранительных органов высказали мнение о том, что личное поручительство как мера пресечения фактически бессмысленно, поскольку в случае признания доверителя виновным в совершении преступления сам поручитель понесет возможный репутационный ущерб.

Закономерно будет рассмотреть проблемный вопрос о природе доверия как о крайне субъективном факторе. В настоящий момент в УПК РФ нет регламентации перечня конкретных оснований, при наличии которых орган уголовного судопроизводства может доверять поручителям. По этой причине процесс применения такой меры пресечения значительно осложнен.

Более того, нет и законодательного закрепления порядка обеспечения надлежащего поведения обвиняемого или подозреваемого со стороны их поручителей. В этом случае может возникнуть проблема: нет никакой гарантии, что избранные меры окажут должное воздействие и действительно поспособствуют выполнению обвиняемым своих обязательств.

Представляется, что поручитель должен, с одной стороны, заслуживать доверия должностных лиц, уполномоченных применить данную меру пресечения, а с другой — находиться в особых доверительных отношениях с подозреваемым или обвиняемым.

Что касается доверия со стороны следователя, дознавателя или суда к потенциальному поручителю, то сформироваться оно может только на основе предварительного анализа данных о его кандидатуре.

Многие авторы верно отмечают, что этапу непосредственного применения личного поручительства предшествует этап проведения подготовительной процедуры, в рамках которого сотрудники органа предварительного расследования или суд проводят всестороннюю оценку представленных данных о личностных характеристиках возможного поручителя.

Таким образом, для построения комплексной картины личности поручителя, достаточной для принятия решения о применении такой меры пресечения, должен наличествовать ряд сведений, включая данные о личностных характеристиках лица, его социальном статусе, семейном положении, трудовой деятельности и т. д. Полагаем, что мотивированное решение о наделении конкретного лица статусом поручителя принимает должностное лицо на основе внутреннего убеждения посредством опоры на данные об этом человеке, в том числе на основании информации, что он имеет близкие личные отношения с подозреваемым или обвиняемым и имеет реальную возможность обеспечить его законопослушное поведение.

Несомненно, при принятии такого решения важно учитывать сведения, позволяющие сформировать определенную уверенность в том,

что такое лицо действительно способно исполнить возложенную на него обязанность и предпринять меры воздействия на подозреваемого или обвиняемого, которые удержат последнего от совершения нежелательных действий и будут способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства. При этом возникает справедливый вопрос о том, что именно можно отнести к таким сведениям. Считаем, что единственно возможными сведениями являются только те, которые обеспечивают реальную возможность оказать должное воздействие на лицо с тем, чтобы оно не препятствовало процессу расследования.

Для сравнения, будет целесообразно привести в пример существующие в рамках уголовного процесса меры пресечения, такие как просмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым и наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым. В рамках обеих указанных мер пресечения лицо, которое отдается под контроль других лиц, подвергается силе убеждения, а в некоторых случаях и принуждения к надлежащему поведению. Но на первом месте, и это нельзя отрицать, находится убеждение.

С целью добиться усиления превентивности такой меры пресечения путем оказания определенного авторитетного воздействия на подозреваемого или обвиняемого целесообразно привлекать в качестве лица, выступающего в роли поручителя, человека более старшего возраста, нежели сам подозреваемый или обвиняемый. Но указанное является лишь одной из форм повышения эффективности применяемой меры и может применяться только, если это обусловлено обстоятельствами конкретного дела.

Учитывая, что данная мера пресечения является обеспечительной по отношению к подозреваемому / обвиняемому, то целесообразнее было бы применять ее при посягательстве на определенные объекты преступлений. Возможно, целесообразнее применять данную меру пресечения по экономическим и должностным преступлениям.

Возникает вопрос: как в материалах дела отразить тот факт, что поручитель — это лицо, заслуживающее доверия?

Личное поручительство — это мера пресечения, на основании которой лицо, заслуживающее доверия, ручается за кого-то. Представляется, что необходимо ходатайство этого лица. Подтверждая свои качества, оно вправе предоставить о себе характеризующие сведения — например, копию диплома об окончании университета, подтверждающий родственную связь с подозреваемым / обвиняемым документ, характеристики с места работы, учебы, жительства, сведения о наградах и т. п.

Предполагаем, что на практике в уголовных делах не так часто прилагаются дополнительные документы (справки с места работы или учебы и т. п.). Ведь предоставить их — право лица, заслуживающего доверия, а не обязанность. Также одной из причин отсутствия характеристик и иных подобных документов является необходимость для следователя доказать эффективность применения этой меры пресечения.

Это дополнительное время, которого следователю зачастую не хватает, учитывая текущую картину укомплектованности следственных органов кадрами и объем нагрузки уголовных дел.

С другой стороны, ничего плохого в отсутствии этих справок нет, ведь следователь по своему внутреннему убеждению, на своем опыте понимает, когда эту меру пресечения нужно применять и какое лицо заслуживает доверия. Предполагаем, что для проверки и подтверждения того факта, что поручитель заслуживает доверия, в первую очередь должен быть проведен допрос этого лица (поручителя), а также допрос обвиняемого / подозреваемого об обстоятельствах их знакомства, характере взаимоотношений и т. д.

Что касается нарушения ограничений при исполнении данной меры пресечения, то последствия уже были показаны выше. Мера пресечения заменяется на иную, например на запрет определенных действий, домашний арест или заключение под стражу. Но дополнительной мерой ответственности в личном поручительстве является наложение штрафа на личного поручителя. Ранее мы отмечали, что размер штрафа сегодня носит символический характер, но ничто не мешает его повысить или привязать к сумме причиненного преступлением ущерба. В таком случае взысканные в качестве штрафа суммы могут быть направлены на формирование фонда возмещения вреда потерпевшим [3, с. 66].

Аргументами в пользу того, что вместо личного поручительства следователи выбирают иную меру пресечения, а именно подписку о невыезде, являются простота оформления и личный характер применения меры пресечения. При написании данной статьи наряду с анкетированием проводился сбор нарративных историй по рассматриваемой проблеме (о нарративном подходе см.: [1; 6]). Во время анкетирования один из следователей на вопрос, избирал ли он когда-либо меру пресечения в виде личного поручительства, ответил отрицательно. На вопрос о причинах он ответил прямо: «Если мое руководство мне прикажет избрать такую меру пресечения (личное поручительство), я ее избираю». Иначе говоря, следователи и суды предпочитают идти по проторенной дорожке, экономя время и силы, а также руководствуясь принципом целесообразности [7].

Заключение

Как мы видим, у личного поручительства как меры имеются недостатки в виде сложности оформления (по сравнению с подпиской о невыезде) и непривычности для правоприменителя. Эти недостатки обуславливают частоту применения этой меры. Не следует забывать и о том, что избрание любой меры пресечения зависит и от сложности уголовного дела, и от личности обвиняемого, и от резонансности дела, и от тактики следователя при расследовании.

Подводя итог, констатируем, что данная мера пресечения является достаточно мягкой и не связана с применением физических ограниче-

ний. С учетом современной правоприменительной практики полагаем, что ужесточение и формализация требований, предъявляемых к поручителям, не будут способствовать активному применению этой меры. Хотя нельзя исключать идеи закрепления таких критериев на уровне рекомендаций либо в межведомственных нормативных актах МВД, СК РФ, Генпрокуратуры РФ и иных правоохранительных органов либо в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ. Не вызывает сомнений необходимость повышения штрафа за нарушение обязательств. Как говорилось ранее, штраф может быть многократно увеличен либо кратно привязан к сумме причиненного преступлением вреда. Полагаем, что решающим фактором активизации в избрании данной меры пресечения станет смелость конкретного правоприменителя и отсутствие у него боязни выйти за рамки традиций.

Список литературы

1. Гончарова В. А., Иванов В. В., Трубникова Т. В., Чурилов А. Ю. Нарративный подход в правовых исследованиях: назначение и методология // Вестник Томского государственного университета. 2022. №483. С. 240–252. doi: 10.17223/15617793/483/26.
2. Еникеев З. Д. Избранные труды. М., 2012.
3. Иванов В. В. Способы повышения эффективности возмещения причиненного преступлением ущерба // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. №1. С. 62–67.
4. Люблинский П. И. Меры пресечения. 3-е изд., испр. и доп. М., 1926.
5. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.
6. Право и нарративы / общ. ред. В. В. Денисенко, А. К. Соболевой, И. Л. Честнова. М., 2022.
7. Савельев К. А., Иванов В. В. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. №3. С. 54–58.
8. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса: Судоустройство – судопроизводство. СПб., 1910.
9. Трунов И. Л. Применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве: практическое пособие. М., 2007.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.

Об авторах

Вячеслав Васильевич Иванов – канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-9915-0521

E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Анастасия Александровна Барсукова – помощник прокурора города Самара, Самара, Россия.

E-mail: anast.bars@mail.ru

V. V. Ivanov¹, A. A. Barsukova²

**PERSONAL SURETY IN THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES
AND THE PROBLEMS OF ITS APPLICATION**

¹ Samara National Research University, Samara, Russia

² Samara Prosecutor's Office

Received 11 August 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-2

To cite this article: Ivanov V. V., Barsukova A. A. 2025, Personal surety in the system of preventive measures and the problems of its application, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 16–27. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-2.

27

The article examines personal surety as a preventive measure in contemporary criminal proceedings and analyzes problems related to the effectiveness of its application. Using historical analysis, the authors trace changes in the legal regulation of this preventive measure prior to the adoption of the Judicial Statutes, after their enactment, during the Soviet period, and in the present day. The study characterizes controversial issues that arise when selecting this preventive measure and notes its extremely low demand among law enforcement practitioners. Particular attention is paid to the interpretation of the concept of a “trustworthy person” and to the criteria that, although not currently enshrined in law, may be applied to such individuals. The article also describes the amount of the fine imposed for violation of this preventive measure and points out its disproportionality. The authors propose significantly increasing the amount of the fine or linking it to the amount of damage caused by the crime. The article presents the results of a survey conducted among law enforcement officers and judges, as well as an analysis of narrative accounts collected on the issue under consideration. Based on the findings, the authors formulate recommendations aimed at increasing the effectiveness of the application of this preventive measure and expanding the number of cases in which it is selected. In particular, they propose increasing the amount of the fine for violation of the preventive measure and clarifying the concept of a “trustworthy person” at the level of subordinate regulatory acts of law enforcement bodies or in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: preventive measures, personal surety, trustworthy person, suspect, accused

The authors

Dr Vyacheslav V. Ivanov, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University, Samara, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-9915-0521

E-mail: Ivanov_sl@rambler.ru

Anastasia A. Barsukova, Assistant Prosecutor of Samara, Samara, Russia.

E-mail: anast.bars@mail.ru

Н. В. Ткачева

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ РЕШЕНИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Поступила в редакцию 30.09.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-3

28

Для цитирования: Ткачева Н.В. Промежуточные решения в производстве по уголовному делу суда первой инстанции // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 28 – 41. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-3.

Актуальность исследования промежуточных решений в производстве суда первой инстанции обусловлена, во-первых, их разнообразием, во-вторых, правовой ценностью и значением для движения уголовного дела в процессе рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора по существу, в-третьих, разрозненными требованиями, предъявляемыми к ним. Цель исследования состоит в формулировании дефиниции промежуточного решения, определении его места среди решений суда первой инстанции и разработке универсальных рекомендаций с требованиями, способствующими продуктивной и качественной его деятельности. В рамках проводимого исследования применены аксиологический, синергетический и диалектический методы, а также положения о теории социального действия. Используются методы синтеза, анализа, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Непосредственной эмпирической базой исследования послужили результаты анализа законодательства РФ, данные Судебного департамента при Верховном суде РФ и правоприменительная практика. Итоги исследования позволяют обогатить теорию уголовного процесса новым определением, уяснить сущность промежуточных решений суда первой инстанции, создать условия для внедрения сформулированных рекомендаций в судебную практику.

Ключевые слова: правосудие, производство в суде первой инстанции, промежуточное решение, суд

Одно из общих условий производства в суде первой инстанции касается порядка вынесения судом решений в ходе судебного разбирательства. Такие акты выносятся судом в рамках судебного производства с целью разрешения текущих вопросов или подведения итогов всего уголовного дела.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. №433-ФЗ в ст. 5 УПК РФ были внесены изменения, которые поставили точку в определении итогового и промежуточного решений при производстве по уголовному делу. Итоговое судебное решение — это приговор, иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное

дело разрешается по существу (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ). Промежуточное судебное решение – это все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ).

Для определения сущности промежуточных решений необходимо выявить их место и значение в производстве при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора, так как от них во многом зависят законность, обоснованность, мотивированность, справедливость итогового решения – приговора, поскольку, как отметила П. А. Лупинская, нельзя исключать социальную значимость иных форм решений судов, обеспеченную их основной функцией по достижению задач уголовного судопроизводства [15, с. 13].

Наряду с судебными и иными процессуальными действиями промежуточные решения составляют содержание судебного производства, поэтому выявление их природы и классификация позволят их систематизировать, произвести оценку непосредственного влияния на вектор судебного процесса, а также определить основные критерии, предъявляемые к ним, посредством исполнения которых возможны прагматизация их содержания, минимизация допускаемых правовых ошибок при их применении, а также ускорение динамики рассмотрения и разрешения дела.

Природа промежуточного решения суда первой инстанции связана с его управленческим характером как любого правового акта, поскольку, как отмечал С. С. Алексеев, правоприменение по своей сути есть деятельность, основной направленностью которой является непосредственное обеспечение реализации положений закона посредством индивидуализации в регуляции общественных отношений [1, с. 278], а уголовно-процессуальные акты, как замечают Б. В. и С. Б. Россинские, имеют все признаки формы реализации публично-правовых функций государства и правовых актов управления [22, с. 249]. С этой точки зрения процессуальное решение можно рассматривать не только как объект, посредством которого субъект реализует возложенные на него в силу закона обязанности, но и как один из непосредственных способов реализации прав участниками процесса [2, с. 42–62]. Можно отменить, что такой акт судебной власти, как судебное решение, обладает всей полнотой властных полномочий суда как представителя этой ветви государственной власти [23, с. 304]. Процессуальное судебное решение в обширном смысле обнимает все ответы, которые даются судебной властью по какому бы то ни было вопросу, возникающему в данном деле и подлежащему судебному рассмотрению [31, с. 341].

Под процессуальным судебным решением в контексте сложившейся научной парадигмы понимается правовой акт, вынесенный судом в установленной законом процессуальной форме, посредством которого достигаются основные цели уголовного судопроизводства путем разрешения судом правовых вопросов, возникающих в процессе рассмотрения дела [15, с. 15, 36, 37].

Поскольку семантика слова «акт» означает действие или его оформление (фиксацию) [17, с. 22], то посредством выяснения соответствующего судебного акта, в данном случае промежуточного решения, в рамках уголовного дела судом производится отправление своих властных полномочий, облеченных в форму применения правовой нормы с созданием соответствующих правовых последствий для участников производства.

Таким образом, промежуточное судебное решение в производстве суда первой инстанции — это акт государственно-властного волеизъявления суда, вынесенный в письменной или устной форме, направленный на решение задач и достижение цели производства, сущность которого заключается в его индивидуализированном конкретном велении, направленном на реализацию правовой нормы определенными участниками производства.

Механизм принятия решений суда и предъявляемые к ним требования являются значительными, по своей роли, аспектами в обеспечении верного вектора правоприменительной деятельности, выступая, помимо прочего, элементами содержания уголовно-процессуальных процедур, которые обеспечивают соблюдение прав человека в его конфликте с государством, уменьшают элемент случайности и субъективизма в принятии решений [15, с. 29]. Уголовно-процессуальная процедура принятия конкретного промежуточного решения судом первой инстанции определяется этапом производства, процессуальный порядок (процедура) которого направлен на решение конкретных задач, имеющих ключевое значение для движения уголовного дела по пути рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора.

В научной литературе отмечается множественность характеристик судебного решения — таких, как лингвистическая, логическая, информационная, мотивационная, аксиологическая, нравственная, интеллектуально-волевая, политическая, правовая и функциональная [29, с. 15]. Все они естественным образом оказывают влияние на требования, предъявляемые к решению, и механизм его принятия судьей, обладающим не только процессуальным статусом в рамках функции рассмотрения и разрешения уголовно-правового спора, но и личностными (человеческими) качествами.

В целях устранения влияния данных качеств на механизм принятия судьей решения в научной литературе высказывались предложения алгоритмизировать его деятельность. Обычные, упрощенные, усложненные группы алгоритмов в зависимости от вида правосудия предлагаются Е.В. Рябцевой [24, с. 343–361]. Поскольку под алгоритмом понимаются точные операции, выполненные в определенном порядке из некоего установленного их набора для решения задачи определенного типа [28, с. 13], представляется, что алгоритмизация сродни применению искусственного интеллекта, использование которого в деятельности суда пока не урегулировано. Деятельность судьи — это не просто формально-логический (технический), но и творческий (когнитивный)

процесс с заложенными в него на уровне смысла правосудия категориями: «совесть», «справедливость», «внутреннее убеждение», «тайна совещания судей», «особое мнение судьи». Специфическое (профессиональное) мышление, присущее судье, проявляющееся в квалифицированной способности (умении) справедливо по своему внутреннему убеждению, руководствуясь совестью, применить общие правила закона для разрешения конкретного уголовно-правового спора, не могут быть совмещены в формальном алгоритме. Но поскольку механизм принятия решения по осуществлению правосудия, как подчеркивал С.С. Алексеев, будучи государственно-властной деятельностью компетентных органов, характеризуется одновременно как логический, так и творческий процесс [1, с. 280], представляется необходимым выработать единые требования, предъявляемые ко всем промежуточным решениям суда первой инстанции.

Требования зависят от таких факторов, как состав суда, содержание и порядок вынесения решения. Коллегиальный состав суда выносит определения, единоличный состав — постановления. Тайный или гласный порядок принятия решения зависит от его важности. Несмотря на то что все судебные решения являются волеизъявлением суда, в силу реализации принципа состязательности и равноправия сторон, реализованного посредством общего условия судебного производства — равенства прав сторон, инициатива принятия решения может быть, как совместной (судом и / или стороной / сторонами), так и исключительной (усмотрение суда или ходатайство стороны).

Таким образом, механизм принятия решения — это упорядоченная и последовательная государственно-властная, интеллектуально-волевая деятельность суда, включающая совокупность его логически обоснованных правовых действий, направленная на формирование мысли-формы, воплощенной в результат в виде вывода.

Механизм принятия решения состоит из конкретных действий суда в виде его поведения в производстве по рассмотрению и разрешению конкретного уголовно-правового спора. Грань между конкретными действиями, выраженными поведенческими реакциями суда в процессе принятия решения, определить достаточно сложно, поскольку это цельная мыслительная деятельность, зависящая от когнитивных (познавательных) способностей личности судьи, подверженного когнитивным искажениям. Д. Канеман отметил, что процесс мышления невозможно отследить, поскольку умственная работа, ведущая к впечатлениям, предчувствиям и решениям, обычно происходит незаметно [11, с. 10]. Поэтому разделить действия по принятию решений «колючей проволокой» невозможно, но установить их последовательность путем отграничения — задача выполнимая и необходимая.

Деятельность в производстве суда первой инстанции охватывается механизмом принятия промежуточных решений, имея целью рассмотрение и разрешение уголовно-правового спора по существу. Поэтому можно заключить, что один механизм находится внутри другого. И хо-

тя, как отметил В. А. Теплов, различий между приговором, определением или постановлением суда нет, так как все они исходят от суда при осуществлении правосудия [26, с. 34], промежуточные решения, принятие которых нацелено на принятие итогового судебного акта, обусловлены задачами конкретного этапа производства.

На каждом этапе процедуры (порядка) производства решения принимаются в результате разнообразной и сложной оценки судьей достоверности различных видов информации [9, с. 6], поэтому в зависимости от собранных, исследованных, проверенных, оцененных доказательств суд формулирует веления для участников производства, облеченные в форму промежуточного решения.

Сложный процесс принятия судом решения П. А. Лупинская называла распознаением «правового образа» установленных фактов [15, с. 39]. Действительно, суд как властный субъект имеет право на обнаружение и собирание доказательств посредством проведения судебно-следственных действий. Собранные доказательства исследуются, проверяются на основе имеющихся у суда как профессионального субъекта знаний, оцениваются им в процессе когнитивной (познавательной) деятельности, приводящей его к выводу о достаточности данных для вынесения необходимого (наиболее правильного, по убеждению суда, в данный момент рассмотрения уголовно-правового спора) решения. Невозможность сделать вывод побуждает суд к дальнейшей доказательственной деятельности (эволюции по спирали) накопления доказательств для единственно правильного вывода, воплощенного в промежуточном решении.

Таким образом, вынесение промежуточного судебного решения сводится к упорядоченной и структурированной интеллектуально-волевой деятельности государственно-властного характера, включающей совокупность взаимосвязанных процессуальных приемов и аргументационно-логических операций, направленных на формирование законной, обоснованной и мотивированной позиции с ее отражением в отдельном правоприменительном акте либо в протоколе судебного заседания.

Выбор решения, с одной стороны, основан на внутреннем убеждении суда, а с другой — ограничен установленным законом перечнем. Поэтому установление фактических обстоятельств уголовного дела настолько полно, насколько это необходимо для вынесения законного и обоснованного промежуточного решения сообразно конкретной ситуации, является обязанностью суда.

В процессе принятия / непринятия промежуточного решения, суд должен иметь в виду право участников производства на обжалование действий (бездействий) суда. Таким образом, участники вправе подвергнуть сомнению не только решение, выраженное в форме судебного акта, но и его отсутствие, являющееся волевой деятельностью суда. С. Н. Братусь заметил, что всякое подлинное волевое решение есть избирательный акт, включающий сознательный выбор и решение [3, с. 12].

Поскольку механизм вынесения промежуточного решения является государственно-властной и интеллектуально-волевой деятельностью суда, представляется, что уместно выделить следующие этапы этого процесса: сбор информации; исследование, проверка и оценка доказательств (возможно информации); вывод о наличии или отсутствии определенных обстоятельств и признаков; формулирование задачи на основе полученных данных в соответствии с правовыми условиями; выбор действия, которое необходимо совершить в данном случае для решения конкретной задачи; оценка коэффициента полезности выбранного действия для решения имеющейся задачи; выбор субъекта исполнения решения; оценка реальности исполнения решения указанным в нем субъектом; формулирование решения; формализация решения.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ свидетельствует о разнообразии определений и постановлений, вынесенных по делам, находящимся в производстве судов. В 2023 г. вынесено свыше 171,6 тыс. решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, что составляет около 22 % от общего количества окончанных уголовных дел; частных определений (постановлений) — 11 тыс.; решений о соединении уголовных дел — 1,5 тыс.; о розыске лиц — 3,9 тыс.; о приостановлении уголовных дел — 11,4 тыс.; об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу — 17,5 тыс.; об освобождении из-под стражи — 4,3 тыс.; о продлении заключения под стражу — 4,3 тыс.; о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий — около 630 [18].

Изучение уголовных дел показало, что суд первой инстанции решает задачи производства посредством большого перечня решений: об отложении судебного разбирательства, порядке исследования доказательств, удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайств. Суды практически не выносят решения о проведении следственных осмотров, предъявлениях для опознания и иных следственных действиях (были вынесены менее чем по 1 % уголовных дел), также относительно редко назначаются судебные экспертизы и исключаются доказательства (по 17 % и 19 % уголовных дел соответственно), чаще принимаются решения о вызове новых свидетелей и истребовании доказательств (по 42 % дел). Наиболее частыми решениями, принимаемыми судами, являются оглашение показаний лиц, протоколов, иных документов, а также рассмотрение дела в отсутствие участника процесса (80 % и 98 % уголовных дел соответственно).

Можно заключить, что принятие судом соответствующего решения выступает в роли составного элемента сложного механизма отправления судебной власти, в том числе на каждой из стадий уголовного процесса [23, с. 311]. Широкий круг промежуточных решений позволяет суду гибко управлять процессом, формируя позиции его участников.

Решение об отложении и приостановлении производства вынужденно временно его прерывает. Производство откладывается при возникновении объективной необходимости в определенный судом срок

решить вопросы о явке кого-либо из участников, истребовании новых доказательств, замене защитника или обвинителя, возможности реализации участниками своих прав. Приостановление же возможно на неопределенный срок, поскольку возникают препятствия для рассмотрения уголовного дела по существу, устранить которые в ходе производства невозможно. Эти препятствия могут быть связаны, например, с психическим заболеванием подсудимого.

Необходимость отложения или приостановления производства может возникнуть на любом из его этапов. И если, откладывая судебное производство и принимая меры к вызову неявившихся лиц либо истребованию доказательств, суд может рассчитать срок их исполнения, то установить сроки розыска или выздоровления лица он не имеет возможности. В силу отсутствия такого условия, как непрерывность судебного разбирательства при выполнении требований, для которых судебное производство откладывалось, а также устранения препятствий, по которым оно приостанавливалось, производство продолжается, если выполняется условие неизменности состава суда. Учитывая, что сроки отложения или приостановления могут быть разными, возможна и смена состава суда. В этом случае рассмотрение уголовного дела должно начинаться заново, что повлечет его затягивание. Поэтому важным условием при принятии решения об отложении (приостановлении) производства видится взвешенный подход суда, позволяющий найти баланс между возможностью рассмотрения уголовно-правового спора без отложения (приостановления) и соблюдением прав участников производства и принципа разумного срока. Так, для соблюдения принципа разумного срока производства необходимо проанализировать, неявка каких участников не препятствует процессу доказывания и проведению судебных действий без нарушения их прав.

Решение вопроса о мере пресечения в судебном производстве, с одной стороны, упрощается, по причине того что судом такое решение может быть принято непосредственно в ходе судебного разбирательства, причем инициирован он может быть как судом, так и стороной при заявлении соответствующего ходатайства. При принятии решений об избрании конкретной меры пресечения суд производит тщательную и объемную работу по исследованию материалов и доказательств, представленных сторонами, тем самым устанавливая значимые условия, подтверждающие обоснованность применения такой меры. Появляется опасение, что суду не удастся соблюсти границу между доказательствами, подтверждающими основания избрания меры пресечения, и доказательствами виновности/невиновности лица. Поскольку в процессе принятия решения мыслительную деятельность разделить на части невозможно (в силу нейрофизиологии человеческого мозга), судья обязан контролировать границы исследования доказательств при принятии решения о мере пресечения. Представляется, что решение вопроса о мере пресечения в судебном заседании имеет двойственную природу: это не только обеспечительная мера для надлежащего пове-

дения подсудимого, но и осуществление судебного контроля при изменении ранее избранной меры пресечения. Например, учитывая тенденцию гуманизации уголовного судопроизводства, суд вправе принять решение о замене заключения под стражу на более мягкую меру пресечения [27]. Конституционный суд РФ, Пленум Верховного суда РФ отметили, что суд первой инстанции принимает решения, устраняя нарушения закона, допущенные в досудебном производстве, в том числе путем изменения или отмены ранее избранной меры пресечения [20; 21].

Решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по своей сущности не является промежуточным или итоговым (как его определяет законодатель) решением в чистом виде. На его двойственную природу указывает перечень оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования в судебном заседании (ст. 254 УПК РФ). Имея качества итогового судебного решения, постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования не обладает способностью давать ответы на основные вопросы юстиции (такой способностью в силу закона (п. 28 ст. 5 УПК РФ) и правовой природы обладает только приговор). В случаях прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям требуется согласие подсудимого. По сути, это и придает постановлению о прекращении уголовного дела или уголовного преследования итоговый характер, а отсутствие деятельности суда и сторон, направленной на установление виновности или невиновности подсудимого, отличает его от приговора.

В научной среде по-прежнему продолжается обширная дискуссия относительно того факта, является ли отказ государственного обвинителя от обвинения основанием для прекращения уголовного дела или уголовного преследования судом первой инстанции. В настоящее время представители научного сообщества полностью разошлись в своих оценках, высказываемых относительно данного обстоятельства. В авангарде исследователей, которые не согласны с существующей позицией законодателя, стояла П. А. Лупинская [15, с. 37], которая заявляла о том, что в таких случаях должен быть вынесен оправдательный приговор. Можно отметить, что получаемое лицом, в отношении которого вынесен оправдательный *приговор*, право на реабилитацию идентично в рамках вынесения *постановления (определения)* о прекращении уголовного преследования лица в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, но при этом сама юридическая природа таких решений будет абсолютно различна. По своей сути, приговор ставит точку в рамках процесса уголовного преследования, выступая именно итоговым решением, при этом постановление (определение) о прекращении уголовного преследования так охарактеризовать невозможно, оно является лишь законным подтверждением несостоятельности позиции обвинения. Таким образом, арсенал действий суда в таком случае сильно ограничен, обязывая его прекратить уголовное дело или уголовное преследование, лишая при этом возможности разрешить дело по суще-

ству. Поэтому ранее высказанное предложение о расширении полномочий суда в пределах судебного разбирательства находит еще одно подтверждение.

Классификация, будучи способом упорядочения большого объема материала, выделения сущностных черт и качественных особенностей ее объектов, облегчает вынесение решения, отвечающего законным требованиям [13, с. 50], способствуя уяснению его природы, отдельных особенностей и предъявляемых к нему требований [15, с. 45].

В научной литературе довольно часто можно встретить условное деление всех судебных актов на две группы – протоколы судебных заседаний и судебные решения [24, с. 361], с дальнейшим делением решений на основные и промежуточные, при этом промежуточные определяются как вспомогательные, способствующие процессу рассмотрения дела [15, с. 46, 53] и оформляемые в формате процессуальных документов [6, с. 38]. Наряду с перечисленными многие исследователи выделяют и иные формы – судебные акты-решения, акты удостоверения, акты фиксации факта, хода, результатов процессуального действия, акты поощрения и др. [25, с. 10].

Некоторые представители научного сообщества классифицируют постановления и определения суда первой инстанции по иным критериям. Так, например, М.В. Пальчикова проводит систематизацию таких актов по характеризующим их признакам, к которым относит выносящих их субъектов, форму и содержание, преследуемые их вынесением цели [19, с. 87]. По форме, функциональному назначению и порядку обжалования классифицирует промежуточные решения В.А. Константинова [12, с. 11]. Результатом реализации полномочий суда обуславливает С.В. Бурмагин деление судебных актов [5, с. 117].

Несмотря на плеяду сложившихся в научном поле различных классификаций, представляется целесообразным предложение универсальной авторской классификации решений судов первой инстанции. Эта классификация строится на основе конкретных задач, разрешаемых данными актами, и с учетом градации их целей на определенных этапах производства:

1) к первой группе относятся те решения, которые непосредственно оказывают влияние на вектор развития всего процесса судебного разбирательства, – о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о возвращении уголовного дела прокурору, а также решения, относящиеся к условиям судебного разбирательства (отложение, приостановление, объявление перерыва, окончание судебного следствия и т.п.);

2) ко второй группе относятся решения, которые непосредственно затрагивают процессуальный статус участвующих в судебном разбирательстве лиц, – об избрании меры, приводе кого-либо из участников, вызове свидетелей и т.п.;

3) в третью группу входят решения, которые относятся к вопросам, связанным с непосредственным отправлением судом своей уголовно-процессуальной деятельности, – о производстве судебных действий, об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайств и т.п.

Ко всем указанным решениям, которые выносятся судом в рамках отправления его деятельности в производстве суда первой инстанции, предъявляется ряд обязательных требований, регламентированных законом. Такие критерии, как законность, обоснованность и справедливость, обязательны для всех процессуальных решений. Более того, эффективность деятельности судов прочно связана характером принятых ими в контексте решений судебной деятельности, связанных с той базой, которая позволяет выносить их на законных основаниях, соответствуя также разумным срокам рассмотрения дел [4]. Качество решения суда обусловлено соблюдением принципов правоприменения и обеспеченностью реальности его исполнения [8, с. 9] в соответствии со здравым смыслом, без лишних затрат [10].

Поскольку каждое производство по рассмотрению и разрешению уголовного дела изобилует судебными актами, грамотное изложение и правильное их оформление являются показателями уровня культуры и уважения к гражданам страны [16, с. 101].

Промежуточные решения суда первой инстанции должны иметь определенную форму, структуру и содержание.

Первое, на что следует обратить внимание, — это наименование промежуточного решения суда, зависящее от его состава (п. 23, 25 ст. 5 УПК РФ). Коллегиальность подразумевает одинаковый процессуальный статус судей, сохраняющий за ними их независимость, самостоятельность, право высказывать свое, в том числе особое, мнение, основанное на принятии решения в каждом конкретном случае с опорой на свое внутреннее убеждение и закон. Председательствующий в коллегии выполняет организационные и распорядительные функции, относящиеся к управлению ходом судебного разбирательства. Коллегиальная деятельность суда, с одной стороны, связана с обеспечением беспристрастности и независимости суда, поскольку на всю коллегия судей повлиять значительно сложнее, чем на одного судью, с другой — позволяет использовать совокупный потенциал интеллектуальных способностей, знаний, профессионального опыта и практических навыков нескольких лиц для решения особо сложных мыслительных и практических задач [30, с. 3, 4].

Второе касается таких атрибутивных требований решения, как сущность наименования (о чем решение), дата, место, время, состав суда. Отдельное место отводится составу всех участников производства, присутствующих при его вынесении.

Третье, что должно найти отражение в критериях качества, — мотивированность решения. Она рассматривается во взаимосвязи с его обоснованностью. Необходимость мотивировать решение не только дисциплинирует суд, поскольку ограничивает его возможность принимать необдуманные, упрощенные, нарушающие права участников судопроизводства решения, но и способствует пониманию аргументированности выводов и утверждений суда, которые могут стать предметом обжалования.

Конституционный суд РФ отметил, что требование мотива вынесения решения предполагает возможность его последующей проверки

[20]. Формированию полноты мотивов судебного решения способствуют условия их предметности, оптимальности, объективности, категоричности (однозначности) и конкретности [7, с. 54].

Четвертое, чем обусловлено качество судебного решения, — это нормативная литературная форма его изложения. Создание текста судебного решения — это труд высокого уровня языковой компетентности, научиться которому можно, практикуясь и обучаясь этому искусству, постигая особенности официально-делового стиля речи и законов построения текста [10, с. 11–12]. Смысловые типы текстов, к которым относятся судебные решения, классифицируются на предписания, выражающие волеизъявления должностного характера, относящиеся к группе директив, и констатации, подчеркивающие факт вступления в силу новых отношений и характеризующиеся высокой степенью императивности и декларативности [14]. Использование официально-делового стиля с учетом особенностей языковых средств подтверждает профессиональную квалификацию автора судебного решения (судьи).

Таким образом, промежуточные решения суда первой инстанции должны отвечать следующим универсальным требованиям, выполнение которых гарантирует качество и эффективность правоприменительной практики: а) тождественность статуса суда вне зависимости от его состава; б) законность, обоснованность, мотивированность и справедливость; в) правильное юридическое оформление, предполагающее все предусмотренные законом атрибуты (реквизиты), использование практических рекомендаций в области судебного актотворчества и делопроизводства.

Оценка соответствия требованиям, предъявляемым к промежуточным решениям суда первой инстанции, может осуществляться по следующим критериям:

- сохранность одинакового процессуального статуса судей независимо от состава суда, гарантирующая каждому судье состава независимость, самостоятельность, право на принятие решения, по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью, а также на выражение особого мнения;

- соответствие решения атрибутивным характеристикам, предъявляемым к его форме: полное (отражающее сущность) название, дата, место, время, наименование и состав суда, состав участников;

- мотивированность решения во взаимосвязи с его обоснованностью;

- указание на субъект (субъекты), которому оно адресовано для исполнения;

- содержание перечня задач, разрешаемых при успешном исполнении решения;

- составление решения в соответствии с языковыми и стилистическими особенностями текстов в сфере правосудия;

- указание на порядок и срок обжалования решения с отметкой о разъяснении права на обжалование заинтересованным лицам.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975.
3. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
4. Бурдина Е. В., Петухов Н. А. Эффективность использования судебных ресурсов и проблемы организации судов // Экономическая политика. 2018. Т. 13, №2. С. 126–147.
5. Бурмагин С. В. Уголовный суд России. М., 2010.
6. Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975.
7. Васяев А. А., Калинин Л. Д. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе. Саранск, 2008.
8. Гильмутдинова М. И. Теоретические основы эффективного правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.
9. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в современном уголовном процессе. Харьков, 1979.
10. Гуценко К. Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 1995. №5. С. 3–15.
11. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М., 2020.
12. Константинова В. А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012.
13. Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного суда РФ: теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006.
14. Кыркунова Л. Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007.
15. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006.
16. Настольная книга судьи. Методика написания судебных постановлений : учебно-методическое пособие / отв. ред. О. А. Егорова. М., 2013.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
18. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 23.09.2024).
19. Пальчикова М. В. Определения и постановления суда первой инстанции в российском уголовном процессе. М., 2013.
20. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 №18-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 27.02.2022).
21. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 №1 (ред. от 01.06.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47059/ (дата обращения: 10.09.2022).
22. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Уголовно-процессуальные акты как формы государственного управления // Вестник Томского государственного университета. 2019. №448. С. 246–253.

23. Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021.
24. Рябцева Е.В. Правосудие в уголовном процессе России. М., 2008.
25. Сухова О.А. Правовая природа, понятие, значение и классификация процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве : лекция. Саратов, 2007.
26. Теплов В.А. Определение суда первой инстанции. Саратов, 1977.
27. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004.
28. Трахтенберг Т.А. Алгоритм и машинное решение. М., 1960.
29. Тузов Н.А. Детерминация правоприменения и связь источников права // *Философия права*. 2009. №1. С. 14–18.
30. Фадеева Е.И. Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
31. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996.

Об авторе

Наталья Викторовна Ткачева — канд. юрид. наук, доц., Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет), Челябинск, Россия.

E-mail: tkachevanv@susu.ru

N. V. Tkacheva

INTERIM DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE

South Ural State University (national research university),
Chelyabinsk, Russia

Received 30 September 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-3

To cite this article: Tkacheva N. V. 2025, Interim decisions in criminal proceedings of the court of first instance, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 28–41. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-3.

The relevance of the study of interim decisions in proceedings before courts of first instance is due, first, to their diversity; second, to their legal value and significance for the progress of a criminal case during the consideration and resolution of a criminal-law dispute on the merits; and third, by the fragmented requirements applied to them. The aim of the study is to formulate a definition of an interim decision, to determine its place among the decisions of the court of first instance, and to develop universal recommendations containing requirements that contribute to its effective and high-quality functioning. Within the framework of the research, axiological, synergistic, and dialectical methods were applied, as well as provisions of the theory of social action. Methods of synthesis and analysis, along with formal-legal and comparative-legal methods, were employed. The immediate empirical basis of the study consisted of the results of an analysis of the legislation of the Russian Federation, data from

the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, and law enforcement practice. The findings of the study make it possible to enrich the theory of criminal procedure with a new definition, to clarify the essence of interim decisions of courts of first instance, and to create conditions for the implementation of the formulated recommendations in judicial practice.

Keywords: interim decision, justice, court, proceedings in the court of first instance

The author

Dr Natalia V. Tkacheva, Associate Professor, South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia.

E-mail: tkachevanv@susu.ru

И. Ю. Железняк

**УСТАНОВЛЕНИЕ УМЫСЛА НА НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ
НАРКОТИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ КАК УСЛОВИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

42

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.06.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4

Для цитирования: Железняк И. Ю. Установление умысла на незаконный сбыт наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как условие привлечения к уголовной ответственности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 42 – 53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4.

Актуальность темы статьи предопределена возникающими на практике вопросами формирования умысла на незаконный сбыт запрещенных веществ, когда он реализуется в ходе проведения таких оперативно-разыскных мероприятий, как «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка», поскольку в случаях формирования данного умысла под воздействием правоохранительных органов это с необходимостью влечет за собой вывод об отсутствии состава преступления. Рассмотрены вопросы установления формирования умысла на незаконный сбыт наркотиков с использованием IT-технологий, а также вопросы провокации и последствий ее применения. Запрет на применение провокации на совершение преступления, который содержится в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», следует рассматривать не иначе как юридическую фикцию, поскольку в уголовном праве отсутствуют меры реагирования на данное негативное явление, за исключением единственной ст. 304 УК РФ, касающейся взяток и должностного подкупа. Цель исследования состоит в выработке критериев, по которым можно судить о причинах и побудительных мотивах возникновения умысла на совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков. В процессе исследования использовались судебные постановления и учитывались мнения российских ученых по данной тематике. Предложены варианты решения возникающих проблем в целях достижения публичных интересов в виде защиты прав и интересов граждан от различных провокационных действий, направленных на формирование преступного умысла.

Ключевые слова: квалификация, сбыт наркотиков, формирование умысла, юридическая фикция, IT-технологии

Введение

То, что фальсификация доказательств виновности лица в совершении преступления присутствовала и присутствует в деятельности правоохранительных органов, никогда не составляло какого-либо секрета,

но и не афишировалось в средствах массовой информации, поскольку такие сведения наносят огромный имиджевый урон всей правоохранительной системе. Известный пример фальсификации доказательств с использованием наркотических средств стал достоянием общественности в связи уголовным делом в отношении журналиста Ивана Голунова, которому оперативные сотрудники МВД подбросили наркотики в рюкзак и по месту жительства только потому, что он проводил журналистское расследование о злоупотреблениях в органах МВД России. Это дело высветило проблемы, связанные с искажением и подделкой результатов ОРД [13, с. 51].

Точное установление истинного намерения лица, совершающего или уже совершившего преступное деяние, — это фундаментальная концепция в уголовном праве, которая играет решающую роль как при квалификации содеянного, так и в судебном разбирательстве [14, с. 66], особенно по делам, связанным с незаконным сбытом психоактивных веществ. В данной статье перед нами не стоит вопрос исследования процесса определения умысла в рамках уголовного права, излишним будет и рассмотрение его значения для решения задач обеспечения законности и справедливости принимаемых судебных постановлений. Наша задача — исследование процесса формирования преступного умысла на совершение преступления, а конкретно — на незаконный сбыт наркотических средств или психотропных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (в том числе Интернета).

В научной литературе нет однозначного мнения по вопросам отнесения процесса возникновения и формирования умысла к какой-либо стадии совершения преступления. Следует обратить внимание на два наиболее распространенных суждения. Одни авторы выделяют его в качестве самостоятельной стадии совершения преступления, другие, наоборот, считают, что следует неукоснительно придерживаться законодательно установленного правила о том, что умысел не является криминально значимым [11, с. 57].

Сторонник первой точки зрения А. П. Козлов обосновывает мнение о необходимости выделения возникновения умысла в отдельную самостоятельную стадию совершения преступления тем, что в каждом умышленном преступлении присутствуют только два этапа: возникновение умысла, которое всегда предшествует преступному поведению, и само преступление, которое непосредственно создает общественную опасность защищаемым уголовным законом отношениям. Остальные стадии могут быть, а могут отсутствовать в составе совершенного умышленного преступления [7].

Иное мнение имеет большинство ученых, которые обоснованно считают, что процесс возникновения и развитие умысла происходит в глубинах умственной деятельности, и о наличии его не может подозревать никто. Даже когда созревший умысел будет выражен вовне путем опубликования противозаконной мысли, но без подкрепления какими-либо

подготовительными материальными действиями, он не может приобрести статус преступления, поскольку и в этом случае он не будет содержать основополагающего признака преступления — общественной опасности, и, соответственно, не будет ставить объекты уголовно-правовой охраны под какую-либо угрозу причинения вреда [1, с. 174].

Автор данной статьи придерживается того мнения, что процесс формирования преступного умысла не является, в соответствии с действующим уголовным законом, преступлением, не относится ни к одной из форм неоконченного преступления и не должен влечь последствий в виде уголовного преследования.

44

Доктринальная отечественная наука уголовного права давно сформулировала принцип «мысль ненаказуема», то есть сформированный умысел как не объективированный вовне психологический процесс не является предметом уголовно-правовых отношений [15, с. 364], но это вовсе не отрицает необходимости изучения стадий возникновения и формирования умысла на совершение преступления. Процесс формирования умысла проходит ряд стадий, прежде чем материализуется в конкретных действиях, связанных, например, с поиском поставщика наркотиков, потенциальных покупателей и т.д., — действиях, которые с необходимостью оставят материальный след. Именно этот этап будет предшествовать непосредственному запланированному действию.

Переход умысла из умозрительного состояния в реальность является частью преступления, что может способствовать своевременному пресечению планируемого преступления либо применению мер предупреждения. При этом не следует забывать, что само по себе обнаружение умысла не влечет за собой уголовной ответственности, поскольку не подразумевает реальных действий или создания условий для осуществления преступления [6, с. 197].

Общеизвестно, что умысел не входит в перечень подлежащих доказыванию обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Доказыванию подлежит лишь форма вины по уже частично или полностью материализованному преступному умыслу. В связи с этим может возникнуть вопрос: «Почему была избрана именно данная тема?» Дело в том, что по делам о незаконном сбыте психоактивных веществ обстоятельства формирования умысла имеют первостепенное значение, поскольку практически по всем таким делам фиксация и пресечение преступления происходят в ходе оперативно-разыскных мероприятий: либо «проверочная закупка», либо «оперативный эксперимент», которые не исключают участия оперативных работников и (или) их конфиденентов в подстрекательстве на совершение данного преступления, то есть в формировании преступного умысла, поэтому выяснение всех обстоятельств формирования умысла имеет значение для исключения судебной ошибки.

К тому же требование об обязательном выяснении обстоятельств формирования умысла на незаконный сбыт наркотических средств на предмет возможного участия в формировании этого умысла сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия, требует п. 14 постановления Пленума ВС РФ №14 от 15.06.2006 г. (ред. 30.06.2015 г.).

Методология

Методы материалистической диалектики применены при исследовании законодательного регулирования проведения оперативно-разыскных мероприятий, связанных с незаконным сбытом наркотиков; методы анализа и синтеза — при исследовании существующих правовых позиций различных авторов научных статей, касающихся обозначенной темы. Частнонаучные методы использовались при анализе конкретных судебных актов во взаимосвязи с судебной практикой высшей судебной инстанции (включая постановления Пленума Верховного суда РФ).

45

Основные результаты и выводы исследования

Сегодня без преувеличений можно говорить о том, что учение об умысле является основой не только уголовного законодательства, но и практики правоприменения [17, с. 145]. Современное состояние развития данной тематики следует охарактеризовать как продолжающиеся дискуссии, наполненные поиском новых определений умысла и его видов. Что касается вопросов формирования прямого умысла, с которым совершается незаконный сбыт психоактивных веществ, то в этом вопросе мы придерживаемся позиции А.В. Шеслера. По его мнению, к признакам интеллектуального момента в формировании прямого умысла следует отнести предвидение субъектом возможности наступления желаемых общественно опасных последствий как результата готовящегося деяния [16, с. 136]. Тот факт, что виновный осознаёт неизбежность наступления преступных последствий, говорит о том, что в его сознании уже прогнозируется их наступление. Говоря о волевом моменте, следует заметить, что он в своей основе предполагает наличие воли как средства реализации интеллектуального момента, поскольку воля направлена на достижение предвиденного результата. Желание наступления общественно опасных последствий образует волевой признак прямого умысла. Желание тесно связано с целью: если цель отсутствует, то нет и желания [9, с. 137].

Кроме того, для наступления уголовной ответственности за незаконный сбыт запрещенных веществ с использованием IT-технологий, доказательства которого были получены в результате проведенного оперативно-разыскного мероприятия, недостаточно установить прямой умысел обвиняемого. По данной категории дел важно исключить влияние сотрудников правоохранительных органов на формирование указанного умысла непосредственно или опосредованно через добровольных помощников.

Приведем пример судебного постановления по делу, связанному с незаконным распространением наркотиков. Апелляционным приговором Калининградского областного суда был отменен обвинительный

приговор районного суда в отношении Ж. по ч. 5 ст. 33 и ч. 2 ст. 228 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления и вынесен оправдательный приговор. Фабула дела: к Ж., являвшемуся потребителем наркотических средств, обратился его знакомый под псевдонимом Пак, привлеченный оперативными сотрудниками к участию в ОРМ «проверочная закупка». Пак попросил Ж. приобрести для него и за его же деньги наркотическое средство. Выполняя просьбу Пака, Ж. приобрел у неустановленного следствием лица наркотическое средство и передал его Паку. Суд первой инстанции квалифицировал содеянное Ж. по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Оправдательный приговор областного суда мотивирован тем, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантирует освобождение от уголовной ответственности лицам, оказывающим содействие сотрудникам правоохранительных органов в выявлении участников преступлений.

Авторская позиция состоит в том, что ни приговор первой инстанции, ни апелляционный приговор не основаны на требованиях закона. Во-первых, освобождение от уголовной ответственности помогающего оперативным сотрудникам полиции на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» — это юридическая фикция. Единственным нормативным документом, регулирующим привлечение к уголовной ответственности и освобождение от таковой, является Уголовный кодекс РФ, в котором указанного судом апелляционной инстанции основания освобождения от уголовной ответственности нет. Кроме того, Ж., как следует из судебных постановлений, оказывал содействие Паку во все не из желания помочь правоохранительным органам, производившим ОРМ «проверочная закупка», а лишь их помощнику, то есть являлся невольным помощником помощника, но лицо с таким статусом не является субъектом упомянутого закона. При таких условиях Ж. мог быть освобожден от уголовной ответственности на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления только ввиду наличия умысла на приобретение наркотика, сформированного под влиянием некоего Пака — добровольного помощника оперативных сотрудников, производящих оперативно-розыскные мероприятия, и по их указанию.

В процессе подготовки данной статьи был произведен анализ достаточно большого количества судебных постановлений (из кассационной практики Верховного суда РФ и апелляционной практики судов субъектов РФ), связанных с незаконным сбытом психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Практически все дела имеют единую фабулу совершения преступления, суть которой состоит в том, что закладчик приобретает посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет наркотики у «неустановленного лица», которое передает ему наркотики через тайники-закладки. Приобретенные таким образом наркотики расфасовываются меньшими дозами, после чего делаются новые закладки, о месте нахождения которых закладчик сообщ-

щает тому же «неустановленному лицу», используя информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. После этого закладчик задерживается сотрудниками правоохранительных органов, производящими оперативно-разыскные мероприятия, а наркотические средства изымаются из закладок. Органами предварительного расследования содеянное квалифицируется как незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети (включая сеть Интернет).

В ходе анализа приведенных судебных постановлений возникает вопрос: «Каким образом правоохранительные органы узнали о времени и месте производства закладок?» Соответствующими техническими средствами контроля информационно-телекоммуникационной сети Интернет они не обладают, судя по тому, что в деле имеется «неустановленное лицо», которое приняло заказ и оплату, организовало доставку наркотиков для «закладчиков» и обязалось проинформировать конечных потребителей. И это при том, что в распоряжении сотрудников полиции были телефоны задержанных закладчиков.

Авторская гипотеза заключается в том, что «неустановленное лицо» по всем таким делам — это, как правило, оперативные сотрудники правоохранительных органов, разместившие в ходе ОРМ (оперативный эксперимент) объявления в сети Интернет. После получения заказа и его оплаты «закладчик» приходит в указанное сотрудниками правоохранительных органов место, забирает наркотики, и с этого момента прекращается его анонимность, организуется наблюдение и задержание. При этом наркотики гарантированно не поступили в незаконный оборот, поскольку они постоянно были под наблюдением, а затем были изъяты в полном объеме из мест закладок.

Если данная гипотеза верна, то возникает вопрос: «Была ли проведена проверка материалов ОРМ, как того требует п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ №14 от 15.06.2006 г. (ред. 16.06.2015 г.) на предмет выяснения процесса формирования умысла задержанных закладчиков? Этот вопрос никак не отражен в судебных постановлениях, в которых утверждается, что оперативно-разыскные мероприятия начались в момент доставки расфасованного наркотика к месту закладок. По нашему мнению, осуществление исследования умысла маловероятно, а данные мероприятия были начаты с организации сайтов-приманок в ходе проведения оперативного эксперимента. Если это так, то зачем умалчивать об этом, тем более что ничего противозаконного в такого рода деятельности нет?

Органам следствия, а затем суду следовало лишь выяснить у обвиняемых, каким образом они выбрали именно данные сайты для приобретения наркотических средств с целью их последующей продажи, и проверить их показания процессуальными методами, ведь вполне возможны и иные случаи. Например, Н., никогда не занимавшегося сбытом наркотиков, друг (товарищ) попросил отнести и передать конкретному лицу пакет с наркотиком. При передаче пакета оба участника незаконного распространения запрещенных веществ были задержаны

сотрудниками правоохранительных органов. Только в суде выяснилось, что упомянутый друг (товарищ) является помощником оперативных служб, который и сформировал у Н. умысел на сбыт запрещенных веществ.

Другой пример: некий М. приговором суда первой инстанции был оправдан по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Как следует из приговора, М. по просьбе П. и за его же деньги приобрел у неустановленного лица наркотическое средство, передал его П., после чего был задержан сотрудниками полиции.

48

В судебном заседании М., как указано выше, был оправдан на том основании, что его умысел на сбыт наркотика был сформирован под воздействием сотрудников полиции, под контролем которых находился П.

В апелляционном определении Московского городского суда (от 10.09.2020 г. по делу № 10-14388/20) указано на то, что о виновности М. в совершении сбыта наркотиков, по версии следствия, свидетельствуют результаты оперативно-разыскного мероприятия «проверочная закупка», проведенного с участием П. в роли покупателя, с которым М. ранее употреблял гашиш.

Судом же было установлено, что П. по указанию сотрудников полиции неоднократно звонил М. и, несмотря на отказ последнего, вновь настаивал на приобретении для него наркотика, при этом обещал оплатить поездку на такси, чем в результате фактически склонил М. к совершению преступления.

Таким образом, суд правильно оценил установленные обстоятельства содеянного и пришел к законному и обоснованному выводу о том, что умысел М. на приобретение и сбыт наркотического средства П. был сформирован сотрудниками полиции. Показания сотрудников полиции о том, что еще до задержания М. они обладали оперативной информацией о его причастности к незаконному распространению наркотиков, материалами дела не подтверждены.

Можно привести множество примеров дел, в которых имеются данные, свидетельствующие о формировании умысла на приобретение и сбыт наркотиков сотрудниками оперативно-разыскных подразделений, но действия закладчика квалифицированы как совершенные в группе лиц по предварительному сговору либо в составе организованной группы. В таких случаях в состав группы включаются сам закладчик, «неустановленное лицо», которое обеспечило доставку наркотика в тайник, получившее оплату за товар и взявшее обязательство сообщить конечным покупателям местонахождения тайников-закладок. Часто данное неустановленное лицо именуется как организатор или руководитель преступной группы, созданной специально для незаконного сбыта наркотиков. Личности перечисленных персонажей, кроме закладчиков, обычно являются неустановленными.

Если в суде будет выяснено, что все описанные события произошли в ходе проведения оперативного эксперимента, работодателем был со-

трудник полиции, а «товарищ», который посоветовал связаться с данным работодателем, был его добровольным помощником, то квалификация содеянного в группе лиц представляется проблематичной.

Возможны и другие варианты, по которым видно, что формирование умысла на незаконный оборот наркотиков произошло при опосредованном влиянии сотрудников, производящих оперативно-разыскные мероприятия.

Чтобы убедиться в том, что умысел обвиняемого сформировался самостоятельно до начала оперативно-разыскных мероприятий, достаточно выяснить давность возникновения умысла. Если просматривается только что возникший умысел, то с большой долей вероятности можно утверждать, что он был сформирован при участии оперативных сотрудников правоохранительных органов.

Проведение оперативно-разыскных мероприятий при отсутствии каких-либо ранее полученных данных о причастности объекта ОРМ к незаконной наркоторговле может свидетельствовать о наличии непродуманного умысла, возникшего под воздействием провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Такой умысел характерен для тех случаев, когда между возникновением и реализацией умысла на совершение преступления практически нет разрыва во времени либо этот разрыв крайне незначителен.

В.И. Акимочкин и С.Ю. Кораблева пишут о том, что следует различать заранее обдуманнный умысел и непродуманный умысел [2, с. 125]. В нашем случае заранее обдуманнный умысел может характеризоваться тем, что между появлением намерения совершить преступление и его осуществлением имеется существенный разрыв во времени, в течение которого человек взвешивает все «за» и «против», обдумывает детали преступления и мысленно готовится к различным ситуациям, подыскивает в сети Интернет поставщиков наркотиков и т.д. В таком случае проведение оперативно-разыскных мероприятий после начала выполнения объективной стороны преступления будет вполне обоснованным.

Для квалификации незаконного сбыта и приобретения наркотиков не имеет значения мотивация преступления. Для нас большое значение имеет установление источника возникновения преступного мотива, то есть первопричина его формирования. Иными словами, кто (или что) спровоцировал человека на незаконный сбыт запрещенных веществ или их приобретение.

Следует сказать, что в уголовном праве нет понятия «провокация» и нет толкования данного термина. Лишь в соответствии с единственной статьей уголовного закона (ст. 304 УК РФ) провокация представлена как попытка создать видимость получения должностным лицом взятки или лицом, выполняющим управленческие функции, — коммерческого подкупа. Целью таких компрометирующих действий является либо последующий шантаж, либо создание доказательств виновности указанных лиц в совершении преступления. Естественно, перечисленные действия не являются исчерпывающими. Г.Г. Радионов, например, расши-

ряет список возможных действий за счет подбрасывания предметов и документов [12, с. 19]. Сюда же следует отнести подбрасывание наркотических средств или психотропных веществ.

Между тем эта норма имеет слишком узкий диапазон применения (она относится лишь к указанным в диспозиции должностным лицам государственных и коммерческих организаций), и ее нельзя применять по аналогии. Кроме того, приведенная официальная трактовка понятия провокации вовсе не соответствует полному пониманию данного преступления, например, оперативными сотрудниками правоохранительных органов, что практически сводит на нет возможность привлечения их к уголовной ответственности за совершение должностного преступления, как считает А. А. Бурмистрова [5, с. 49].

В. Н. Борков, в свою очередь, справедливо указывает на то, что ч. 4 ст. 303 УК РФ (фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности) применима к случаям, например, когда проводится явно необоснованный обыск, а затем тем или иным способом фальсифицируются сведения о причастности обыскиваемого к незаконному распространению наркотиков [3, с. 19]. Однако данная норма не может быть применена в случае обнаружения причастности сотрудников оперативно-разыскных подразделений к процессу формирования умысла на участие в незаконном обороте наркотиков.

Из изложенного следует вывод о том, что специальной нормы для сотрудников правоохранительных органов, виновных в формировании умысла на незаконный оборот наркотиков, в уголовном праве нет.

По мнению автора, любые провокационные действия, направленные на незаконный оборот наркотиков, в том числе связанные с формированием соответствующего преступного умысла, следует рассматривать как подстрекательство (ст. 33 УК РФ) к совершению преступления, предусмотренного Специальной частью Уголовного кодекса.

Провокатор, как и подстрекатель, — это лицо, которое непосредственно не участвует в совершении преступления, его задача сводится к тому, чтобы различными путями склонить лицо к совершению противоправного деяния [8, с. 100]. Иными словами, действия провокатора и подстрекателя имеют четкую цель — любыми способами склонить лицо к совершению определенного преступления, например к незаконному сбыту или приобретению наркотиков, а затем применить меры пресечения преступления, что позволяет удовлетворить свои личные, зачастую корыстные интересы.

Заключение

Вопрос о законности возбуждения уголовного дела возникает тогда, когда выясняется, что задержанный закладчик узнал о возможности много заработать без особых знаний и усилий от знакомого или товарища, который оказывал содействие оперативным сотрудникам, организовавшим оперативный эксперимент. В таком случае будет налицо провокация в виде формирования противоправного умысла, запрет на допущение которого содержится в ст. 5 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности». Последствием этого будет исключение из обвинения

доказательств виновности закладчика. Например, обвиняемый даст показания о том, что знакомый рассказал ему о своих больших заработках в Интернете и предложил поработать с конкретным сайтом, но в ходе проверки данных показаний будет установлено, что указанный «знакомый» или «товарищ» участвовал в проведении оперативного эксперимента.

А. А. Бурмистрова указывает на то, что при наличии законодательного запрета на саму возможность применения провокаций сотрудники оперативно-разыскных подразделений допускают возможность их применения в своей деятельности, что при отсутствии в законе раскрытия понятия провокации порождает проблемы в правоприменительной практике [5, с. 51]. С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку провокация имеет те же признаки, что и подстрекательство. Как пишет А. С. Некоз, границы подстрекательства определены прежде всего объективными и субъективными признаками соучастия [10, с. 56]. Перечисление признаков можно ограничить любыми действиями, повлиявшими на формирование у человека умысла на совершение преступления.

Относительно мнения А. П. Козлова о необходимости выделения в самостоятельную стадию совершения преступления процесса возникновения и формирования замысла на совершение преступления следует сказать, что данное предложение избыточно. В п. 14 постановления Пленума Верховного суда РФ речь идет не о доказывании формирования умысла на незаконные сбыт и приобретение наркотиков независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а лишь о соответствующей проверке. Иными словами, необходима проверка действий сотрудников, проводящих оперативно-разыскные мероприятия на предмет возможной провокации к незаконному обороту наркотиков в форме подстрекательства, которое имеет свойство обладать множественностью форм своего выражения: убеждение, уговор, подкуп, угроза, провокация, создание ситуационной зависимости или иные действия, способные вызвать внутреннее согласие на совершение преступления [4, с. 35–36].

Подводя итог вышесказанному относительно провокации в процессе формирования умысла, стоит отметить, что этот вопрос требует дальнейшего изучения и законодательного разрешения.

Список литературы

1. *Абдулханьянов И. А.* Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №2 (58) С. 172–176.
2. *Акимочкин В. И., Коралева С. Ю.* Виды умысла и их влияние на квалификацию // Бизнес в законе. 2012. №2. С. 124–130.
3. *Борков В. Н.* Квалификация провокационно-подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов // Уголовное право. 2015. №1. С. 16–21.
4. *Будкова А. А., Устинова Е. П.* Подстрекательство как вид соучастия в совершении преступления: основные проблемы и перспективы // Сфера науки. 2025. №1. С. 31–41.

5. Бурмистрова А. А. Провокация преступления в законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №6. С. 48–51.
6. Глухов Д. В. Формирование и обнаружение умысла при провокации взятки // Форум молодых ученых. 2018. №9 (25). С. 196–201.
7. Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002.
8. Корзун И. Г. Пособник и подстрекатель как вид соучастников преступления, предусмотренный законодателем. Часть 1 статьи 33 УК РФ // Государственная служба и кадры. 2020. №4. С. 98–101.
9. Муромцев А. М. К вопросу о сущности умышленной формы вины // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8, №3 (31). С. 137–143.
10. Некоз А. С. Подстрекательство как самостоятельное преступление // Молодой ученый. 2018. С. 55–58.
11. Паносян А. Т. Формирование и обнаружения умысла как стадии развития умышленного преступления // Вектор науки. ТГУ. Юридические науки. 2016. №2 (25). С. 56–59.
12. Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
13. Радченко А. А. Соотношение фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и провокации (ст. 304 УК РФ) // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. №1. С. 51–56.
14. Романова Г. В., Нурисламова К. Р. Умысел и его виды // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №10 (120). С. 65–67.
15. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
16. Шеслер А. В. Содержание умысла по действующему российскому уголовному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. 2017. №3(44). С. 135–138.
17. Шогенов А. М. Умысел в уголовном праве Российской Федерации и проблемы его установления в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. №1. С. 143–147.

Об авторе

Илья Юрьевич Железняк – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: zheleznyak.iy@gmail.com

I. Yu. Zheleznyak

ESTABLISHING INTENT TO ILLEGALLY SELL DRUGS USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A CONDITION FOR CRIMINAL LIABILITY

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 9 June 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4

To cite this article: Zheleznyak I. Yu. 2025, Establishing intent to illegally sell drugs using information and telecommunication technologies as a condition for criminal liability, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 42–53. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-4.

The relevance of the topic of the article is determined by practical issues arising in the formation of intent to illegally distribute prohibited substances when such intent is realized in the course of operational-search measures such as an “operational experiment” and a “test purchase,” since, in cases where this intent is formed under the influence of law enforcement agencies, this necessarily leads to the conclusion that the elements of a crime are absent. The article examines issues related to establishing the formation of intent to illegally distribute narcotic drugs using IT technologies, as well as issues of provocation and the consequences of its application. The prohibition on the use of provocation to commit a crime contained in the Federal Law “On Operational-Search Activity” should be regarded as a legal fiction, since criminal law lacks effective response measures to this negative phenomenon, with the sole exception of Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, which concerns bribery and official corruption. The aim of the study is to develop criteria by which it is possible to assess the causes and motivating factors behind the emergence of intent to commit crimes related to illicit drug trafficking. In the course of the research, judicial decisions were analyzed and the views of Russian scholars on this subject were taken into account. The article proposes possible solutions to the identified problems in order to achieve public interests in the form of protecting the rights and interests of citizens from various provocative actions aimed at forming criminal intent.

Keywords: drug sales, legal fiction, IT, qualifications, formation of intent

The author

Ilya Yu. Zheleznyak, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: zheleznyak.iy@gmail.com

УДК 94

М. Д. Петров

**ИРЛАНДЕЦ, КАТОЛИК, КОЛЛАБОРАЦИОНИСТ
И «КРОМВЕЛЕВСКИЙ ПЕНСИОНЕР»: ЛОРД АНТРИМ НА СЛУЖБЕ
ПУРИТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПРОТЕКТОРАТА**

54

Школа Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия

Поступила в редакцию 17.03.2025 г.

Принята к публикации 29.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-5

Для цитирования: *Петров М. Д.* Ирландец, католик, коллаборационист и «кромвелевский пенсионер»: лорд Антрим на службе пуританской республики и Протектората // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 54–68. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-5.

На примере Рэндала Макдоннела, графа и маркиза Антрима, рассмотрены особенности отношения политического истеблишмента Англии периода Содружества и Протектората к представителям ирландского католического сообщества. Этот аристократ в годы Первой гражданской войны был ярким сторонником монархии и оказывал вооруженную помощь Карлу I в его борьбе с шотландскими ковенантерами. Затем он резко поменял сторону и начал оказывать содействие Кромвелю во время его кампании в Ирландии. В рамках исследования охарактеризованы причины перехода сэра Рэндала на сторону «врагов католицизма», а также те услуги, которые были оказаны им новому режиму. Помимо этого обозначен круг покровителей лорда-католика, выявлены причины, по которым он так и не смог полноценно интегрироваться в установившуюся государственную систему. Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы познания (историко-генетический, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и метод анализа и синтеза), так и микроисторический анализ.

Ключевые слова: Английская республика, Войны трех королевств, Генри Айртон, завоевание Ирландии Кромвелем, Протекторат, Рэндал Макдоннел, Чарльз Флитвуд

Период британской истории, начавшийся с издания «акта об объявлении Англии Содружеством» в 1649 г. и закончившийся Реставрацией Стюартов в 1660 г., справедливо ассоциируется с доминированием в общественной и государственной жизни так называемого «политического пуританизма», возникшего задолго до революционных событий и отличавшегося резким осуждением «идолопоклонства» и «потворства римскому антихристу» [28, р. 72–73]. Установление новой формы

правления вылилось в острую борьбу между пришедшими к власти индепендентами-сектантами с одной стороны и роялистами-англиканами — с другой. Отдельную категорию противников нового правительства составили жители Ирландии, в большинстве своем исповедовавшие католическую веру. Конечно же, конфессиональный антагонизм был лишь одним из факторов начала Войн трех королевств (1639—1653). И тем не менее в эпоху, когда религия во многом являлась «суррогатом национальной и политической идентичности» [38, р. 175], он был одним из самых важных.

Широко известно, что во время покорения армией «Новой модели» Изумрудного острова завоевателями были установлены суровые законы против ирландцев-католиков. Согласно им, лица, объявленные делинквентами, подвергались различного рода санкциям, наиболее распространенными из которых были конфискация земельной собственности и насильственное переселение [4, с. 346—348]. По утверждению Ш. Коннолли, это «коллективное наказание» во многом было вызвано возникшим среди англичан убеждением, что местное население «как единое целое, было виновно в кровавой резне такого масштаба, что любое проявленное к его представителям снисхождение считалось преступлением против самого Бога» [11, р. 108]. Распространение такого рода заблуждений было связано как с рассказами беженцев-протестантов, пострадавших от грабежей и убийств в 1641—1642 гг., так и с многочисленными публикациями книг и свидетельств, посвященных «зверствам папистов» [Ibid.].

Однако можно ли в связи с этим трактовать покорение Изумрудного острова как своеобразную «священную войну Кромвеля против папистской Ирландии», как, к примеру, утверждает современный американский медиевист Ф. Бак? Считал ли сам «архитектор» системы Протектората, что все ирландцы-еретики без исключения выступали «главным оружием международного католического заговора, направляемого самим римским понтификом и включавшего в себя советников короля, вероятно, его жену, и, возможно, самого Карла I» [9, р. 42] и, следовательно, должны были быть подвергнуты санкциям и репрессиям? Или же, следуя тезису Р. Хаттона, он относил к последним лишь повстанцев [25, р. 74], различая тем самым «личный» и «политический» католицизм?

Вторую точку зрения разделяют и другие исследователи — представители различных исторических школ и научно-исследовательских парадигм. Еще русский историк Н.И. Кареев писал, что, «распространяя принцип свободы совести... лишь на известную категорию верований, Кромвель относился в высшей степени терпимо к католикам, англиканам и даже евреям». Помимо этого, он «держал себя таким образом, что имел право указывать... что никогда католики не имели так мало оснований жаловаться на притеснение их совести, как в его правление» [3, с. 457]. Советские исследователи В.М. Лавровский и М.А. Барг в соответствии с философией исторического материализма рассматривали предприятие будущего лорда-протектора через призму колониза-

ции и экспроприации у местного населения принадлежавшей ему земельной собственности [4, с. 346–348], что само по себе говорило о второстепенности религиозных мотивов покорения Ирландии. Также современный британский ученый Д. Моррилл утверждает, что врагом Кромвеля «был роялизм, а не католицизм» и знаменитую резню после взятия крепости Дроэда¹ он устроил не по конфессиональному признаку; сам же гарнизон «состоял из полков роялистов маркиза Ормонда, поднятых как раз против католической конфедерации» [32].

Не вдаваясь в детальный анализ нюансов историографических споров, происходивших в рамках описываемой проблематики, автор ставит перед собой совершенно иную цель. Она заключается в рассмотрении особенностей отношения политического истеблишмента Англии периода республики и Протектората к представителям ирландского католического сообщества на примере судьбы одного из его ярких представителей – Рэндала Макдоннела, графа и маркиза Антрима. Этот политический деятель, практически неизвестный отечественному читателю, хоть и не внес значимый вклад в государственное и военное строительство, тем не менее прославился своими амбициозными проектами, наиболее значимым из которых стало формирование двух «папистских» армий для короля Карла I [6; 24]. После окончания Первой гражданской войны в Англии, завершившейся пленением монарха в 1646 г., Антрим стал активно сотрудничать со своими бывшими противниками и оказал значительную помощь соратникам Кромвеля в процессе установления контроля над Ирландией.

Автор статьи ставит перед собой следующие задачи: во-первых, выявить причины, из-за которых Макдоннел изменил свою политическую позицию и перешел на сторону «врагов католицизма». Во-вторых, определить, в чем именно заключалось содействие «лорда-паписта» пуританскому правительству. В-третьих, обозначить круг покровителей сэра Рэндала среди протестантского истеблишмента и определить их подлинное отношение к нему и его действиям. И, в-четвертых, сделать вывод о том, смог ли этот представитель «враждебной» религии полноценно интегрироваться в новую государственную элиту и стать «своим» для членов правящего класса Протектората.

В рамках исследования были задействованы различные источники, которые можно условно разделить на две большие группы. Во-первых, это личная корреспонденция таких исторических деятелей, как сам Рэндал Макдоннел, граф Антрим, а также его вторая жена Роуз О'Нил, Джеймс Батлер, маркиз Ормонд, король Карл I, Чарльз Флитвуд и др. Во-вторых, это различные петиции, которые были направлены на имя Карла II после Реставрации. Последние, хотя их авторами являются политические противники сэра Рэндала, при грамотном анализе могут предоставить значительное количество достоверной информации о сотрудничестве Макдоннела с властями Протектората.

¹ Произошла в начале сентября 1649 г. и стала символом жестокости армии Кромвеля по отношению к ирландцам — погибло около 3,5–4 тыс. чел., среди которых было множество некомбатантов и других гражданских лиц.

Пленение короля и завершение Первой гражданской войны в Англии в очередной раз изменило соотношение политических сил на территории раздробленной Ирландии. Наиболее влиятельной из них, контролирующей большую часть острова, все еще оставалась так называемая Католическая конфедерация — самопровозглашенное государство, формально действовавшее от имени монарха, однако преследовавшее собственные, прежде всего религиозные и национальные, цели. Разумеется, членам ее Верховного совета было выгодно ослабление роялистов, однако после того как в июне 1647 г. герцог Ормонд сдал парламентским войскам Дублинский замок — крупнейший опорный пункт сторонников Карла I в «третьем королевстве Стюартов» [7, р. 323–324], перед конфедератами возникла угроза полномасштабного вторжения из Англии. В связи с этим им было необходимо либо за короткий срок найти нового союзника в лице принца Чарльза или иностранного государя, либо продолжить войну в одиночку [34, р. 201].

Ведение переговоров с сыном плененного монарха и его матерью Генриеттой Марией, находившимися во Франции, было поручено лорду Антриму. Будучи человеком тщеславным, он с энтузиазмом принялся за это дело. С целью «обуздать чрезмерную предприимчивость» Макдоннела к нему даже был представлен цистерцианец аббат Крелли — человек, «заслуживающий доверия и пользующийся большим авторитетом у маркиза» [Ibid., р. 369].

Инструкции настойчиво требовали от послов не идти ни на какие религиозные уступки. В частности, в них говорилось о том, что Стюарты должны обязательно поставить на должность наместника католика, если только папа лично не отменит данный пункт [7, р. 325]. Даже перспективное компромиссное назначение двух лордов-судей, лишь один из которых был бы англиканином, не устраивало конфедератов и Римскую курию. Как указывал Дж. Б. Ринуччини, архиепископ Фермо, «последствия от этого будут более фатальными», так как «еретики всегда будут сильнейшей партией, по крайней мере если возьмутся за оружие». Поэтому, по его словам, было очевидным, «что вице-король католик — единственное средство навести порядок» в Ирландии и вновь объединить остров [43, р. 369–370]. Сплочение разнородного населения планировалось осуществить в том числе и за счет идеи борьбы с внешним врагом — английскими круглоголовыми. Союзником в этом деле должен был стать один из лидеров шотландских роялистов — маркиз Монтроз, а перенос боевых действий в Шотландию, по словам святого отца, «стал бы верным способом принести пользу Ирландии» [44, р. 368–369].

Нежелание идти на компромисс в вопросе религии стало важной причиной провала миссии сэра Рэндала. Однако был и другой, не менее значимый фактор. При дворе королевы, расположившемся в Сен-Жермене, было сильно влияние давнего соперника Макдоннела — Джеймса Батлера, маркиза Ормонда. Будучи протестантом, он вновь стремился получить должность лорда-лейтенанта Ирландии и, так же как Антрим и Крелли, убеждал супругу Карла I заключить союз с «шотландскими сторонниками короля». Однако, в отличие от гэльских

послов, он рассчитывал и на альянс с пресвитерианской фракцией в английском парламенте [10, р. 8], которая выступала против терпимости к «последнему британскому оплоту папства» [26, р. 130]. В итоге, приняв после некоторых колебаний сторону бывшего наместника [20, р. 163], Генриетта Мария указала послам, что «мы быстро предоставим полномочия тому, кого сочтем нужным, получать на месте более конкретные и полные предложения от вас или любого другого лица, которое будет на это уполномочено Католической конфедерацией Ирландии» [27, р. 231].

Затем Ормонд и королева без участия не желавшего идти на такие уступки Антрима разработали план отправки французских войск в Ирландию на помощь местным роялистам. Его целью было объединить все антипарламентские силы острова для взятия Дублина и последующего снаряжения экспедиционного корпуса под командованием принца Чарльза в целях вторжения в Англию и Шотландию. Взамен правительство девятилетнего Людовика XIV должно было получить под контроль все крупные форты и порты «третьего королевства Стюартов». Дипломатическую миссию же самого Макдоннела приостановили и даже запретили ему летом 1648 г. на время покидать Францию [34, р. 207–208].

В связи с этим Антрим совместно с Крелли разработал новую политическую стратегию. Ее целью стало заключение союза с основными противниками пресвитериан в английском парламенте – индепендентами, более терпимо относившимися к религиозному многообразию [26, р. 285]. Отстаивание ими принципа «полного отделения церкви от государства и требование свободы совести» [39, р. 18] вселили в Макдоннела уверенность в том, что католицизм в Ирландии можно будет сохранить и при помощи протестантов. К тому же ставка на этот альянс выглядела даже более привлекательно, так как «независимых» поддерживало подавляющее большинство командиров армии «Новой модели», победивших войска Карла I в годы первой Гражданской войны.

Однако можно ли с уверенностью утверждать, что Антрим был последовательным защитником интересов ирландских католиков и в условиях неизбежного установления на острове власти протестантских элит он осознанно выбрал наименьшее из зол? Семнадцатого января 1649 г. между конфедератами и роялистами во главе с сэром Джеймсом был заключен «Второй Ормондский мир» – единоверцам Макдоннела были предоставлены свобода исповедовать свою религию, право баллотироваться на выборах и возможность занимать государственные должности. С них были сняты все обвинения, предъявленные им начиная с 1641 г. Позже пресвитериане, кавалеры и «паписты» заключили военный союз, направленный против молодой¹ пуританской республики [22, р. 23]. Казалось бы, то, к чему стремился сэр Рэндал, полностью осуществилось, и он был обязан принять сторону противников парламента.

¹ Акт об объявлении Англии Содружеством (в отечественной историографии принято называть эту форму государственного устройства Республикой) был принят 19 мая 1649 г.

Тем не менее Макдоннел наотрез отказался признать мирное соглашение. В то время как Ормонд пригласил Карла II¹ в Ирландию, «Антрим, О'Нил² и некоторые епископы выступили против этого шага и... стали вести переговоры с парламентариями, которые обещали безопасность и свободу католикам» [45]. В связи с этим необходимо лишь частично согласиться с утверждением Дж. Олмейер, что «вероятно, только личная ненависть Антрима к Ормонду, власть которого была официально признана конфедератами... помешала ему вернуться в лагерь роялистов» [34, р. 222]. Как полагает автор настоящей статьи, назначение сэра Джеймса лордом-лейтенантом Изумрудного острова и последующие его успехи в деле установления мира стали лишь своеобразным финальным «триггером» для лорда-католика, чья религиозная и, во многом, национальная принадлежность не позволили ему сделать полноценную политическую карьеру при дворе английского монарха.

Да, до Гражданской войны и во время нее сэр Рэндал играл весьма значимую роль в «партии» монархистов, но она была «второплановой» и «периферийной». Его усилия в деле укрепления королевской власти с помощью создания двух укомплектованных из ирландцев «папистских» армий, разумеется, были оценены Карлом I, и в январе 1645 г. он получил от правителя титул маркиза. Однако Антрим все время находился в тени исповедовавших протестантизм королевских заместителей и генералов — сначала графа Страффорда, а затем маркизов Ормонда и Монтроза.

Первый сознательно чинил препятствия Макдоннелу, когда тот формировал полки в 1638–1640 гг., а затем напрямую добился отстранения генерала-еретика от командования его же собственными подразделениями [6, с. 134–136]. Что же касается остальных, то сэр Джеймс также стремился помешать Антриму сформировать новую армию для короля в 1643 г., однако личное вмешательство Карла I [42] на время приостановило враждебные действия. Но затем монарх вновь подчеркнул низкий статус лорда-католика, подчинив созданное им войско протестанту Монтрозу. Последний не только получил титул маркиза, но и стал лордом-лейтенантом Шотландии, а также капитан-генералом всех войск, расквартированных в этом королевстве. Сэр Рэндал же вынужден был довольствоваться лишь званием генерала шотландского нагорья и островов [34, р. 130; 15, р. 145].

Отчетливо видя, что сложившаяся в монархии Стюартов система не позволяет ему удовлетворить все свои политические амбиции, Антрим решил делать параллельную карьеру в Католической конфедерации. Такому нестандартному решению способствовало заключение в 1643 г. перемирия между восставшими ирландцами и роялистами, которое дало возможность бывшим противникам объединить силы против круглоголовых [29, р. 246]. Однако и здесь надежды Макдоннела не оправда-

¹ Карл I был казнен 30 января 1649 г., после чего английский, шотландский и ирландский престолы по наследству перешли его сыну принцу Чарльзу, ставшему Карлом II.

² Оуэн Роу О'Нил — конфедерат, командующий армией Ольстера.

лись. Конфедераты вполне справедливо считали его ставленником короля и явно не доверяли ему, что исключило возможность получения сэром Рэндалом ключевых государственных должностей.

Таким образом, называть маркиза последовательным защитником интересов ирландских «папистов» будет не совсем верно. Во многом его «политический» католицизм (как и роялизм) перестал существовать ровно в тот момент, когда он окончательно убедился в том, что ему не добиться поста лорда-лейтенанта Ирландии. В связи с этим представляется интересной оценка личности Антрима, данная его современником — Эдвардом Хайдом, графом Кларендоном. Он указывал, что это был человек со «скромными» способностями, однако «чрезвычайно гордый и тщеславный», «не отличающийся глубиной и тонкостью ума» и зависимый от «разумных советов жены» [1, с. 467]. Разумеется, это было личное мнение автора «Истории Великого мятежа», однако «гордыня и тщеславие» во многом и стали причинами провала той стратегии, которой придерживался Макдоннел до второго Ормондского мира. Тем не менее выбор в качестве союзников индпендентов в итоге привел к тому, что сэр Рэндал невольно оказался на стороне победителей.

При каких обстоятельствах происходило сближение ирландского лорда-католика и представителей нового пуританского истеблишмента Англии? Рубеж 1648—1649 гг. ознаменовался усилением позиций фракции левеллеров внутри «партии» индпендентов. Будучи выходцами из средних слоев английского общества, они видели в гэльских «папистах» «своих братьев, чьи притязания на свободу были такими же обоснованными, как и их собственные». Представители этого движения также утверждали, что долгом англичан является «покаяние в притеснениях и узурпации ирландской нации», которое должно было в итоге вылиться в предоставлении островному королевству статуса свободного государства [8, р. 498, 502].

В связи с этим Кромвелю и другим лидерам «независимых» пришлось пойти на определенные уступки своим тактическим союзникам, что и могло стать причиной того, что кальвинисты вступили в переговоры не только с Антримом, но и с аббатом Крелли. Олмейер указывает, что они «не были по-настоящему заинтересованы» в этом, особенно, после подавления мятежа уравнителей весной 1649 г. [34, р. 224—225]. Однако даже негативно относящимся к идеям левеллеров предводителям индпендентов было выгодно достижение компромисса с частью ирландской аристократии. Это было особенно актуально в связи с подготовкой вторжения армии «Новой модели» на территорию острова, где ее командирам могли понадобиться союзники в деле установления контроля над местным населением.

Ко времени высадки войск Кромвеля в Ирландии (август 1649 г.) Антрим еще не перешел на сторону индпендентов, а находившиеся под его командованием каперские корабли вели бои с флотом парламента. Также он предоставил часть своих матросов лидеру роялистов принцу Руперту в обмен на звание вице-адмирала [31, р. 65]. Окончательный же разрыв между сэром Рэндалом и кавалерами произошел осенью после смерти его любимой жены Кэтрин, герцогини Бекингам.

До этого трагического события он умолял Ормонда прислать доктора Феннелла позаботиться о ней, однако его просьба так и не была услышана [34, р. 231 – 232].

Оставшись в одиночестве, Антрим вступил в тесный контакт с пуританами и в особенности с генералом Генри Айртоном, зятем Кромвеля, а затем, «используя все свои возможности», начал действовать против своих недавних союзников [36, р. 215]. Так, 22 октября 1649 г. он убедил коменданта города Нью-Росс сэра Лукаса Тааффе сложить оружие и сдать крепость осаждавшим ее парламентским войскам. При этом сэру Рэндалу удалось договориться о капитуляции достаточно быстро, всего за сутки, что стало сюрпризом для Ормонда, который приказал удерживать позиции так долго, насколько возможно. Макдоннел был в лагере круглоголовых и во время осады замка Карлоу в июле 1650 г., солдаты которого, однако, сложили оружие лишь «после долгого и упорного сопротивления» [23, р. 279, 336]. Также Р. Данлоп указывает, что маркиз через своего агента Хью Рочфорда способствовал сдаче пуританам города Вексфорда в начале октября 1649 г. [18, р. 124], однако в других исследованиях, на которые, в частности, ссылается автор, информация о связях Рочфорда и лорда-католика отсутствует [30, р. 144 – 145].

Сотрудничество сэра Рэндала и Айртона было довольно тесным. О частоте контактов между ними может свидетельствовать воспоминание Майкла Бойла, епископа Корка, Клойна и Росса, который утверждал, что шатер зятя Кромвеля «был его [Антрима] убежищем». Тем не менее существуют разные мнения насчет того, стали ли их взаимоотношения дружескими. Д. Фарр указывает, что «Айртон не доверял Антриму и сомневался в других ирландцах... которые действовали с большим рвением в интересах Содружества» [19, р. 226]. Олмейер, напротив, утверждает, что с первых месяцев вторжения отношения между ними «становились всё более дружескими и интимными». В доказательство своих слов она приводит тот факт, что Макдоннел раскрыл генералу некоторые подробности событий 1641 г., в которых он принимал личное участие [34, р. 237].

Что это были за сведения? В августе 1650 г. он сделал заявление о том, что в мае 1641 г. Карл I «послал некоего Томаса Брука... к лорду Ормонду, а вместе с ним и к лорду Антриму с сообщением, в котором указывал, что воля и приказ короля заключаются в том, чтобы эти восемь тысяч человек, набранных графом Страффордом в Ирландии, не были расформированы, а их численность должна быть доведена до двадцати тысяч, и что они должны быть вооружены из арсеналов Дублина, а затем использованы против парламента» [41, р. 449].

Помимо этого, в своих показаниях, данных уже после Реставрации Стюартов, вышеупомянутый епископ Коркский указывал, что в 1650 г. в походном шатре Айртона произошел примечательный разговор, в ходе которого полковник парламентских войск Роберт Венейблс «обвинил покойного короля в подстрекательстве к восстанию в Ирландии»¹. Он

¹ Имеется в виду антипротестантское Ирландское восстание 1641 г., итогом которого стало образование Католической конфедерации.

«выступил с речью против кавалеров и сказал, что маркиз Антрим... признался, что король послал его в 1641 г. в Ирландию, чтобы поднять людей на Севере на восстание» [16]. Таким образом, сэр Рэндал выдал пуританам весьма ценную для их антироялистской пропаганды информацию, которая еще больше оправдывала уже свершившуюся казнь Карла I. Имея среди своих сторонников такого важного «свидетеля», как Макдоннел, можно было с уверенностью утверждать, что вооруженная борьба парламента за свои привилегии была справедлива, а правитель еще до начала Гражданской войны стремился осуществить антиконституционный план вооруженного подавления оппозиции среди лордов и общин.

Были ли эти сведения достоверными? Утвердительный ответ на этот вопрос не представляется убедительным. Во-первых, после Реставрации Антрим с той же легкостью отказался от своих показаний, с какой давал их ранее. Во-вторых, он стал отрицать и какие-либо близкие отношения с «кромвельянами», однако факт их наличия может быть подтвержден информацией из множества опубликованных источников [33, р. 915]. Будучи своеобразным трикстером эпохи Войн трех королевств, сэр Рэндал умело «перемещался между различными политическими системами», «прибегал к всевозможным культурным и социальным приемам, то сплетая их вместе, то разделяя, чтобы выживать» и непременно «выходить сухим из воды» [2, с. 19]. Разумеется, находясь в ситуации, угрожающей его положению, такой человек, как Макдоннел, был готов на все, чтобы сохранить свой статус. Ну, и в-третьих, сама ирландская армия под командованием графа Страффорда просто физически не смогла бы выполнить тех приказов, которых так боялись лидеры парламентской оппозиции. Понимал это и сам наместник, иначе не предстал бы перед судом, а стал действовать совершенно иначе. А возможность мгновенного увеличения воинского контингента до 20 тыс. человек в условиях тяжелейшего бюджетного кризиса представляется и вовсе нереалистичной [5, с. 238–239].

Сэр Рэндал продолжил оказывать услуги Содружеству и во время «третьей гражданской войны» 1650–1652 гг.¹ В самом начале этого конфликта он, судя по отрывочным сведениям, снова решил воплотить в жизнь свой давний и неизменный план высадки ирландцев в Шотландию с территории восточного Ольстера — план, на этот раз направленный против войск роялистов. Так, Арчибальд Джонстон, лорд Уорристон, высказал в дневниковой записи за 8 августа 1650 г. опасение, что «армия Антрима должна вторгнуться в Хайленд» [17, р. 13]. Помимо этого, в составленной уже после Реставрации петиции за авторством лорда Массерина² и др. указывается, что Макдоннел «был нанят упомянутым Айртоном для подготовки сил и судов для отправки в Шот-

¹ В русскоязычной литературе этот конфликт чаще всего упоминается как кампания Кромвеля по завоеванию Шотландии или англо-шотландская война 1650–1652 гг.

² Джон Клотурти, первый виконт Массерин, активный участник Реставрации Стюартов в 1660 г.

ландию против интересов Его Величества там» [36, р. 219]. К сожалению, подробных сведений о том, как проходил сбор католических полков в новую экспедицию, не сохранилось. Скорее всего, подразделения так и не были полностью сформированы, а в решающем сражении при Вустере (3 сентября 1651 г.) Кромвелю удалось разгромить роялистов и без участия контингента с Изумрудного острова.

Каким же образом деятельность Антрима была оценена его новыми покровителями? В вышеупомянутой петиции противников маркиза говорится, что Макдоннел «получал ежегодное жалование от Айртона и его приверженцев за свои действия против Его Величества». Первоначально оно составляло 500 ф. ст. в год, а затем повысилось до 800 ф. ст. Помимо этого, «узурпатор (О. Кромвель. — М. П.) наделил его... большим поместьем в Коннахте» [Ibid., р. 215, 218].

Тем не менее говорить о том, что заслуги сэра Рэндала перед новой властью сделали его «своим» в установившейся системе, не приходится. В большинстве своем правящий класс Содружества с подозрением относился к лорду-католику. Так, в «Календаре государственных бумаг» имеется письмо от 25 марта 1651 г. членов Государственного совета к вышеупомянутому полковнику Р. Венейблсу. В нем они указывают, что «рассмотрели ваше мнение об опасности этим местам (Ирландии. — М. П.) со стороны проживающего там графа Антрима, и для ее предотвращения Совет отдал прилагаемый приказ, который вы должны передать ему и проследить, чтобы он его выполнил» [14]. Его содержание было следующим: «Граф Антрим должен прибыть в Дублин в течение 10 дней после получения приказа и оставаться там в течение шести месяцев, если Парламент или Совет не отдадут приказа об обратном» [13]. Мы не можем утверждать наверняка, но, скорее всего, такое распоряжение было обусловлено тем, что сэру Рэндалу все же удалось собрать значительное количество солдат для предполагаемой высадки в Шотландию. Наличие же готовившихся к бою «папистских» полков больше испугало не роялистов и Карла II, а их противников в Лондоне.

Таким образом, по мнению пуритан, пропагандистский эффект от формирования Антримом католической армии против кавалеров был намного меньшим, чем та потенциальная опасность, которую представляли его вооруженные люди для нового режима. К тому же объединение Британии под знаменем Содружества постепенно подходило к концу, а основные силы роялистов в Шотландии после сентября 1651 г. находились в катастрофическом положении. В связи с этим необходимость в новых полках отпадала, а количество услуг, которые сэр Рэндал мог оказать новому режиму, постепенно сокращалось. Смерть Генри Айртона в ноябре того же года, окончание Войн трех королевств и образование Протектората в 1653 г. и вовсе усугубили положение Макдоннела, окончательно ослабив его влияние на политические процессы в стране. По итогу Олмейер резонно отмечает: в сохранившихся источниках мало конкретных свидетельств того, что он в период 1652—1659 гг. был кем-то большим, чем «кромвелевским пенсионером» [34, р. 240—241].

Каково же было действительное положение Антрима в этот период? В письме парламентских уполномоченных лорду-лейтенанту Ирландии Чарльзу Флитвуду, сменившему на этом посту Айртона, от 8 января 1652 г. указывалось, что предыдущий наместник «прекрасно осознал тяжелое положение лорда Антрима, который не только подчинился ему, но и до сих пор старался служить ему, что снискало ему определенное уважение и место в мнении его Светлости». В связи с этим, а также тем, что Макдоннел «не был столь активен, как большинство других, против дела парламента, не был хитроумным¹ и не был виновен в массовых убийствах [протестантов]», они «считали уместным» исключить его из списка тех, кого подлежало лишить «жизни и имущества» [40]. Таким образом, в случае удовлетворения этого прошения его поместья не должны были попасть под действие закона о конфискации земель роялистов. Тем не менее этого не случилось: основная часть его владений (баронство Данлюс) уже была разделена между так называемыми авантюристами² и солдатами армии «Новой модели». Поскольку новые хозяева «потратили огромные средства на благоустройство и строительство в этих местах», они не собирались просто так отдавать их обратно [37]. То же самое касалось и других его феодалов, земли которых были распределены между примерно 900 человеками, которые, как указывала вторая жена маркиза — Роуз О’Нил, обвиняли ее мужа «в участии в недавнем восстании и молились, чтобы он не был восстановлен в своих правах»; весьма примечательно, что эти люди «снесли Данлюс-хаус и распродали материалы» (из которых он был сделан) [35]. Скорее всего, это не было сознательным уничтожением символа бывшего могущества ирландского католического феодала, а произошло исключительно из-за стремления протестантских плантаторов поживиться его богатствами для строительства собственных домов.

Весной-летом 1654 г. Антрим вновь предпринимает попытку вернуть свои владения. На этот раз он лично едет в Англию. Протекцию же в этом деле ему оказывает сам Флитвуд, написавший рекомендательное письмо секретарю Государственного совета Джону Терлоу. В нем говорилось, что Макдоннел, «которому [парламентские] уполномоченные недавно дали свободу передвижения», «вызывает такую же жалость, как и любой другой представитель этой нации (ирландской. — М. П.)». Наместник указывал: «Я был бы рад, если бы что-нибудь было бы сделано для обеспечения его будущего существования», так как «ни один человек в этой стране не заслуживает такого милосердия, как он». Тем не менее следует указать, что в том же послании лорд-лейтенант высказывался об ирландцах как об «отвратительно лживом, хитром и вероломном народе», даже «лучших представителей которого следует жалеть, но не доверять им» [21].

¹ Читатели настоящей статьи, вероятно, улыбнутся, прочитав эту характеристику Антрима.

² Лица, согласившиеся в 1642 г. выдать английскому парламенту заем в обмен на будущее предоставление им земельной собственности в Ирландии.

Схожие опасения, по всей видимости, разделяли и сами члены Государственного совета. Восьмого июня 1654 г. они постановили: «При рассмотрении петиции графа Антрима¹... было принято решение счесть нецелесообразным рекомендацию ее удовлетворить» [12, р. 203]. Таким образом, в период Протектората сэр Рэндал так и не смог вернуть себе свои владения, а вышеупомянутые сведения о «большом поместье в Коннахте» не являются достоверными. И хотя в качестве компенсации ему ежегодно выплачивалась довольно щедрая пенсия, сумма которой была лишь ненамного выше жалованья зятя Кромвеля на посту лорда-лейтенанта Ирландии [34, р. 249], указанные выше факты позволяют утверждать, что лорд-католик так и не смог стать полностью «своим» при новом режиме. Однако и говорить о том, что сэр Рэндал, которому оказывали покровительство такие фигуры, как Айртон и Флитвуд, «жил в большой нищете» (что он, естественно, утверждал после Реставрации) [23, р. 338], явно не приходится.

Протекторат нуждался в Макдоннеле точно в такой же степени, в какой и самому Антриму был необходим Протекторат. Первое было связано с тем, что даже после окончания Войн трех королевств сохранялась постоянная опасность роялистских восстаний в кельтских окраинах. Поступали донесения и о готовившихся высадках на остров отрядов ирландцев-мигрантов. В подобных условиях для кромвелевского режима была жизненно важна постоянная поддержка таких влиятельных дворян, как сэр Рэндал, которые в случае волнений или интервенции смогли бы обеспечить порядок на местах. Второе же объясняется личными амбициями маркиза, который явно не видел себя в эмиграции, без остатков своего влияния и хоть какой-то части былой политической власти.

Однако этот симбиоз, основанный не только на обоюдной выгоде, но и на взаимных подозрениях и недоверии, не мог продолжаться вечно. Как только в сентябре 1660 г. скончался лорд-протектор, Антрим, «всего лишь один из бывших кромвелевских коллаборационистов» начал, как и полагается трикстеру, искать пути сближения с двором Карла II [34, р. 257]. Стоит заключить, что случай сэра Рэндала во многом уникален, поскольку другие ирландцы-католики, перешедшие на сторону противников монархии, не смогли так плотно интегрироваться в новые политические реалии, наступившие после высадки войск Кромвеля на Изумрудный остров. Но то, что даже такой лояльный к новой администрации человек, как Макдоннел, не только не смог добиться вхождения «во властные коридоры», но и не вернул себе свои поместья, доказывает тезис о том, что режим Протектората фактически рассматривал местное население, включая аристократию, как людей «второго сорта», положение которых можно было сохранить лишь частично и только при условии их полезности для действующих властей.

¹ Очередной «укол» самолюбию Антрима со стороны его «покровителей». Еще во время правления Карла I он долго стремился к тому, чтобы получить от короля титул маркиза — более престижный, чем графский. В период Протектората он уже носил его, но члены Государственного совета почему-то решили называть его графом.

Список источников и литературы

1. Гайд Э. История Великого мятежа. СПб., 2019. Т. 1.
2. Земон Дэвис Н. Путешествия трикстера: мусульманин XVI века между мирами / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2023.
3. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII веках. М., 2015.
4. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958.
5. Петров М.Д. Армия Томаса Уэнтурта – несостоявшееся оружие английского абсолютизма // Преподаватель XXI век. 2023. №1, ч. 2. С. 229–243.
6. Петров М.Д. Соперник Томаса Уэнтурта: лорд Антрим и его проект Новой ирландской армии // Вестник МГПУ «Исторические науки». 2023. №2 (50). С. 127–139.
7. A new history of Ireland. Oxford, 2006. Vol 3: Early Modern Ireland, 1534–1691 / ed. by F.J. Byrne, F.X. Martin, T.W. Moody.
8. Brailsford H.N. The Levellers and the English revolution. Stanford, 1961.
9. Buc F. Holy war, martyrdom, and terror. Christianity, violence, and the West, ca. 70 C.E. to the Iraq War. Philadelphia, 2015.
10. Casway J. The clandestine correspondence of Father Patrick Crelly, 1648–49 // Collectanea Hibernica. 1978. №20. P. 7–20.
11. Connolly S.J. Divided Kingdom. Ireland 1630–1800. Oxford ; N. Y., 2008.
12. Council. Day's Proceedings, in His Highness' chamber. June 8. 1654 // Calendar of State Papers, Domestic Series, 1654. L., 1880. P. 202–203.
13. Council of State. Day's Proceedings (cont.) 1651. March 24 // Calendar of State Papers, Domestic Series, 1651. L., 1877. P. 105.
14. Council of State to Col. Venables. 1651. March 25. Whitehall // Calendar of State Papers, Domestic Series, 1651. L., 1877. P. 109.
15. Cowan E.J. Montrose: for covenant and king. L., 1977.
16. Deposition by Michael, Bishop of Corc, Cloyne and Ross, taken by Same. 1661 // Calendar of the state papers, relating to Ireland preserved in the Public Record Office / ed. by R.P. Mahaffy. L., 1905. Vol. 1 : 1660–62. P. 208.
17. Diary of Sir Archibald Johnston of Wariston. Edinburgh, 1919. Vol. 2: 1650–1654 / Ed. from the original manuscript, with notes and introduction by D. H. Fleming.
18. Dunlop R. Ireland under the commonwealth; being a selection of documents relating to the government of Ireland from 1651 to 1659. Manchester, 1913. Vol. 1.
19. Farr D. Henry Ireton and the English Revolution. Woodbridge, 2006.
20. Gardiner R.G. History of the Great Civil War, 1642–1649. L., 1905. Vol. 4.
21. General Fleetwood to secretary Thurloe. 2. June, 1654 // A collection of the state papers of John Thurloe. L., 1742. Vol. 2. P. 343.
22. Greenspan N. Selling Cromwell's Wars: Media, empire and godly Warfare, 1650–1658. L. ; N. Y., 2012.
23. Hill G. An historical account of the Macdonnells of Antrim: including notices of some other septs, Irish and Scottish. Belfast, 1873.
24. Hill J.M. Celtic warfare 1595–1763. Edinburgh, 1986.
25. Hutton R. The making of Oliver Cromwell. New Haven ; L., 2021.
26. Kishlansky M.A. The rise of the New Model Army. Cambridge; N. Y. ; Melbourne, 1979.

27. *LXXII. 2* – Reply from the Queen and Prince of Wales. Given at St. Germain, this 13th of May, 1648 // *History of the Irish Confederation and the War in Ireland* / ed. by J. T. Gilbert. Dublin, 1890. Vol. 6. P. 231 – 232.
28. *Lyon T.* The theory of religious liberty in England 1603–39. Cambridge, 1937.
29. *Malcolm J.L.* All the king's men: The impact of the crown's Irish soldiers on the English civil war // *Irish Historical Studies*. 1979. Vol. 22, №83. P. 239 – 264.
30. *Murphy D.* Cromwell in Ireland: a history of Cromwell's Irish campaign. Dublin, 1902.
31. *Murphy E.* Ireland and the war at sea, 1641 – 1653. Woodbridge, 2012.
32. *Morrill J.* The religious context of the Cromwellian conquest of Ireland. URL: <https://www.olivercromwell.org/wordpress/articles/the-religious-context-of-the-cromwellian-conquest-of-ireland/> (дата обращения: 22.03.2024).
33. *Ohlmeyer J.H.* The 'Antrim Plot' of 1641 – a myth? // *The Historical Journal*. 1992. Vol. 35, №4. P. 905 – 919.
34. *Ohlmeyer J.H.* Civil War and Restoration in the Three Stuart Kingdoms: The career of Randal MacDonnell, Marquis of Antrim. Cambridge, 1993.
35. *Petition of Rose, Marchioness of Antrim, to the Lord Lieutenant...* // *Calendar of the state papers, relating to Ireland preserved in the Public Record Office* / ed. by R.P. Mahaffy. L., 1907. Vol. 2 : 1663 – 65. P. 338 – 339.
36. *Petition to the Lord Lieutenant and Council of Lord Massereene and others, the Adrentures and soldiers and their assigns concerned in the estate formerly belonging to Randall, Marquis of Antrim...* // *Calendar of the state papers, relating to Ireland preserved in the Public Record Office* / ed. by Robert Pentland Mahaffy. L., 1907. Vol. 2 : 1663 – 65. P. 214 – 221.
37. *Petition to the Lord Lieutenant of the several adventurers and soldiers, their assigns or tenants whose adventurers and arrears were allotted upon and satisfied out of the above Marquis' and others in Antrim and within the liberties of Coleraine...* // *Calendar of the state papers, relating to Ireland preserved in the Public Record Office* / ed. by R.P. Mahaffy. L., 1905. Vol. 1 : 1660 – 62. P. 648 – 649.
38. *Prior C., Burgess G.* England's Wars of Religion, revisited. Farnham, 2011.
39. *Puritanism and liberty: being the Army debates (1647–9) from the Clarke manuscripts with supplementary documents* / ed. by A.S.P. Woodhouse. L., 1974.
40. *Same (The Commissioners) to the Lord Lieutenant* // *Dunlop R.* Ireland under the commonwealth; being a selection of documents relating to the government of Ireland from 1651 to 1659. Manchester, 1913. Vol. 1. P. 124 – 125.
41. *The information of the Marquess of Antrim. Witness my hand, this August the 22nd, 1650* // *Hill G.* An historical account of the Macdonnells of Antrim: including notices of some other septes, Irish and Scottish. Belfast, 1873. P. 448 – 451.
42. *The King to the Marquess of Ormonde. Given at our Court at Oxon this 20th day of January, in the nineteenth year of our reign* // *A collection of letters, written by the Kings Charles I. and II. The Duke of Ormonde, the Secretaries of State, the Marquess of Clanricarde, and other Great Men, during the Troubles of Great Britain and Ireland.* L., 1735. Vol. 3. P. 235.
43. *To Cardinal Panzirolo (in Cipher). Waterford, February 5th, 1648* // *The embassy in Ireland of Monsignor G.B. Rinuccini, Archbishop of Fermo, in the years 1645 – 1649.* Dublin, 1873. P. 369 – 370.
44. *To the Nuncio of France (in common Cipher). February 5th, 1648* // *The embassy in Ireland of Monsignor G.B. Rinuccini, Archbishop of Fermo, in the years 1645 – 1649.* Dublin, 1873. P. 368 – 369.
45. *90r-91v: News from Brussels, 1 Apr. 1649* / *Catalogue of Material of Irish Interest in the Collection "Nunziatura di Fiandra", Vatican Archives: Part 1, Vols. 1 – 50* // *Collectanea Hibernica.* 1958. №1. P. 75.

Об авторе

Михаил Дмитриевич Петров — преподаватель-исследователь, учитель истории и обществознания, Школа Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-1658-6259

E-mail: petrov1995@mail.ru

M. D. Petrov

68

THE IRISH, CATHOLIC, COLLABORATOR AND «CROMWELLIAN PENSIONER»: LORD ANTRIM IN THE SERVICE OF THE PURITAN REPUBLIC AND PROTECTORATE

School of Moscow City University, Moscow, Russia

Received 17 March 2025

Accepted 29 June 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-5

To cite this article: Petrov M.D. 2025, The Irish, Catholic, collaborator and «Cromwellian pensioner»: lord Antrim in the service of the Puritan Republic and Protectorate, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 54—68. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-5.

Using the example of Randal MacDonnell, Earl and Marquess of Antrim, the article examines the specific features of the attitude of the English political establishment during the period of the Commonwealth and the Protectorate toward representatives of the Irish Catholic community. During the years of the First Civil War, this aristocrat was an ardent supporter of the monarchy and provided armed assistance to Charles I in his struggle against the Scottish Covenanters. He later sharply changed sides and began to support Cromwell during his campaign in Ireland. The study characterizes the reasons for Sir Randal's defection to the side of the "enemies of Catholicism," as well as the services he rendered to the new regime. In addition, the article identifies the circle of patrons of the Catholic lord and analyzes the reasons why he ultimately failed to fully integrate into the established system of state power. The methodological framework of the study includes both general scientific methods of inquiry (historical-genetic, problem-chronological, historical-comparative, and methods of analysis and synthesis) and microhistorical analysis.

Keywords: Randall McDonnell, Earl of Antrim, Henry Ireton, Charles Fleetwood, Wars of the Three Kingdoms, Cromwell's Conquest of Ireland, Commonwealth of England, Protectorate

The author

Mikhail D. Petrov, teacher-researcher, history and social studies teacher, School of Moscow City University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-1658-6259

E-mail: petrov1995@mail.ru

С. С. Бытко

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ КЛАССИКОВ РУССКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Нижевартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия

Поступила в редакцию 08.02.2025 г.

Принята к публикации 14.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6

69

Для цитирования: Бытко С. С. Старообрядческий вопрос в трудах классиков русской анархической мысли // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 69–78. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6.

Проанализирована проблема отражения истории и культуры старообрядчества в публицистических сочинениях признанных классиков анархической мысли – М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и Л. Н. Толстого. Показано, что представители российского анархического движения рассматривали староверов в качестве потенциальной опоры в деле борьбы с царским правительством. Согласно воззрениям революционеров, ментальность старообрядцев имела многочисленные сходства с этикой русских социалистов. Несмотря на множество принципиальных мировоззренческих расхождений, обе названные группы тяготели к коллективизму, приветствовали эгалитаризм в общественной жизни, а также с видимым недоверием относились к представителям действующей власти. Отмечается, что по ряду вопросов взгляды анархистов на староверие почти не отличались от восприятия этого религиозного движения мыслителями государственно-охранительного толка. В частности, оба лагеря теоретиков стремились обнаружить в староверии «естественную» склонность к антимонархическому протесту, революционный радикализм и даже готовность к вооруженному мятежу.

Ключевые слова: анархизм, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, Православная церковь, революция, староверы, старообрядчество, Л. Н. Толстой

В историографии русской общественной мысли XIX – начала XX в. поныне комплексно не исследована проблема восприятия старообрядчества ведущими теоретиками русского анархизма. М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и в определенной степени Л. Н. Толстой не только формировали анархистскую доктрину с теоретической точки зрения, но также активно искали в российской социальной и религиозной действительности подтверждение ее жизнеспособности. Целью данной статьи является анализ особенностей рецепции культуры и социального быта старообрядчества в публицистике мыслителей анархо-социалистического толка. Исследование призвано выявить, как «ревнители древнего благочестия» воспринимались в рамках анархического дискурса. Работа позволит конкретизировать взгляды классиков по вопросам общественного устройства, крестьянской ментальности и методов революци-

онной работы, а также вскрыть характерное для революционной интеллигенции сочетание утилитарного интереса к религиозному диссидентству с принципиальным мировоззренческим неприятием его догматических первооснов.

Будучи, бесспорно, одной из ключевых фигур европейского демократического движения XIX в., М. А. Бакунин оказал колоссальное мировоззренческое и нравственное влияние как на взгляды тысяч своих современников, так и на дальнейшее развитие социалистической теории. В настоящее время революционные идеи и практика Бакунина являются объектом научного интереса широкого круга ученых — историков, философов, политологов и экономистов. Однако до сих пор малоизученной остается специфика восприятия Бакуниным одного из важнейших феноменов отечественной истории — старообрядчества. Исследование данной проблематики призвано конкретизировать некоторые аспекты учения Бакунина, касавшиеся принципов общинного устройства, особенностей крестьянской ментальности, а также методов организации революционной работы в среде простонародья.

Отмечая в своих трудах факты гонений на старообрядцев, Бакунин утверждал, что опору революции радикалам следует искать не только в крестьянской, инородческой или уголовной среде, но также среди разнообразных групп «религиозных отщепенцев». Автор «Государственности и анархии» писал о староверах как людях, наименее признающих государственный режим и власть императора, а также отмечал, что в «расколе» сохранилась прерванная Петром I история народной России [1, т. 3, с. xxviii]. Принципиально важной Бакунину виделась склонность «староверцев» к фанатизму, разжиганию которого способствовали многочисленные случаи произвола со стороны гражданских и церковных властей. По Бакунину, именно религиозный радикализм способствовал активизации и консолидации «ревнителей старины» в стремлении к вероисповедным свободам, а в дальнейшем и вовсе предопределил их участие в восстании Е. Пугачева. Предпосылки к вовлечению инославного населения России в политическую борьбу Михаил Александрович обнаруживал и в других исторических эпохах. По словам революционера, даже декабристы видели в сектантах и «раскольниках» оппозиционную царизму силу [Там же, с. 406, 420, 553; т. 4, с. 37, 39].

Примечательно, что протестный потенциал старообрядцев Бакунин усмотрел значительно раньше многих своих современников — еще в 1838 г. [Там же, т. 4, с. 37]. В мировоззрении последователей Аввакума теоретик анархизма стремился обнаружить точки сближения с собственной политической философией. Заметим, что Бакунина мало интересовали реальное состояние старообрядческого мира и подлинные воззрения его представителей. Староверы в его трудах зачастую отождествлялись с сектантами, а особенностям их вероучения не уделялось должного внимания. «Раскольники» становились для мыслителя лишь «статистами» исторического процесса, главным предназначением которых было утверждение народного (то есть естественного) происхож-

дения анархической этики. К сходным выводам пришел и С. А. Зеньковский, согласно которому Бакунин видел в староверах не иначе как бойцов, сражавшихся за правое народное дело [4, т. 2, с. 489].

Бакунин сообщал о существовании известных ему коммунистических сект, практикующих общность жен и имущества. Местом сосредоточения таких коммун он называл бассейн реки Амур¹. По мнению анархиста, удаленность от столицы и относительная слабость провинциальной администрации позволяла «раскольникам» иметь здесь большие свободы в сравнении с их единоверцами, проживавшими в других частях страны [1, т. 4, с. 38, 327]. Заметим, что для классиков анархической мысли именно стремление к свободе было ключевым фактором, определявшим нравственную ценность человеческой личности [12, с. 48–49]. Староверы и сектанты, таким образом, оказывались естественными выразителями анархических устремлений, интуитивным и богословским путем пришедшими к идеалам, декларируемым теоретиками научного анархизма.

Зачастую Бакунин приводил весьма прагматичные аргументы в пользу необходимости сближения революционеров с «раскольниками», а именно — богатство последних. Потребности революционного подполья в финансовой поддержке, по его мнению, могли быть удовлетворены при содействии состоятельных купцов-старообрядцев или распорядившихся значительными средствами руководителей сектантских кораблей [1, т. 4, с. 327].

Следует заметить, что позиция Бакунина по данному вопросу не ограничивалась одной лишь теорией. Так, на славянском конгрессе 1848 г. в Праге анархист попытался свести знакомство с иноком белокрыницкой иерархии Алимпием Милорадовым (в миру Афанасием Зверевым). Бакунин красноречиво характеризовал старообрядца не иначе как «плута и пройдоху»², что, однако, не помешало революционеру попытаться вовлечь того в антиправительственное движение. По всей видимости, затея анархиста оказалась безрезультатной, поскольку позднейших свидетельств плодотворного взаимодействия Бакунина с Милорадовым обнаружить не удается³. Известно лишь, что не позднее 1862 г. Бакунин написал Милорадову краткое письмо: «Отец Алимпий, помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дело!» Столь же бес-

¹ Вероятно, М. А. Бакунин имел в виду общины хлыстовцев, которые наряду с протестантами, молоканами и старообрядцами стремились обрести в Приамурье заветные экономические и религиозные свободы. Однако революционер мог говорить и о духоборах, практиковавших (по маловероятным сообщениям синодальных публицистов) свальный грех на молитвенных собраниях.

² Здесь данная Бакуниным характеристика Алимпию вторит словам известного обличителя старообрядчества Н. И. Субботина, отзывавшегося о Милорадове так: «Это был весьма ловкий, в высшей степени отважный и смелый человек, горячо преданный расколу» [16, с. 96].

³ Примечательно, что по течению судьбы, в 1850-е гг. оба они в одно и то же время оказались узниками Шлиссельбургской крепости [18, с. 39].

плодными были дальнейшие попытки анархиста сблизиться с другим заметным деятелем старообрядческого движения — белокрыничским епископом Пафнутием (в миру П. М. Шикиным) [11, с. 135—136].

Помимо отрицания верховной власти с «религиозными диссидентами» Бакунина сближало неприятие государственной централизации, рекрутских наборов, налоговой системы, социального расслоения и иерархизации общества [14, с. 116]. Отец русского анархизма симпатизировал распространенным в среде «непокорников церкви» практикам общинной жизни, взаимопомощи, жертвенности и минимизации денежного обращения. Следует полагать, что он не только стремился интерпретировать ментальность «раскольников» в выгодном для своей политической доктрины ключе, но и заимствовал у них некоторые мировоззренческие штампы, обогащая анархическую мысль образными метафорами и аллегориями. Так, особый интерес у Бакунина вызывала эсхатологическая доктрина староверов, оспаривавшая легитимность самодержавия, а также провозглашавшая царскую власть антихристовой [13, с. 18—19].

Последователи Бакунина из числа русских анархистов конца XIX — первой трети XX в. также уделяли достаточное внимание выходцам из «раскола». Революционные круги той поры симпатизировали схизмам и крестьянским восстаниям [2, с. 209]. Именно в народных возмущениях казаков и еретических выступлениях расколоучителей анархисты видели проявления природного стремления простонародья к политическим и духовным свободам [3, с. 40]. Анархисты рубежа XIX—XX вв. осуждали «зверину» жестокость, с которой, по их мнению, проводилась реформа Никона, и отдавали последователям Аввакума моральное предпочтение в их противостоянии с официальной церковью. Исповедуя по преимуществу атеистические убеждения, нигилисты тем не менее оправдывали старообрядческий протест, настаивая, что церковный раскол, по существу, сводился не к прению о формах церковного обряда, а к фундаментальному вопросу о праве их выбирать [9, с. 11—12].

Анархистов подкупали стойкость «раскольников», их высокие нравственные требования к человеку, оригинальность мышления и стремление к духовному творчеству. Изучение глубинного устройства народных масс частью народников провозглашалось не менее важным занятием, чем непосредственная политическая работа. Как правило, приоритет революционеры отдавали представителям беспоповского толка¹ ввиду радикального неприятия ими жесткой церковной иерархии. Анархистов также весьма интересовали некоторые богословские размышления староверов, а именно — концепция духовного антихриста, согласно которой последние времена уже наступили и в мире царствует враг рода человеческого, однако не воплощенный в конкретном историческом лице, а проявляющийся духовно [9, с. 14, 19, 24, 27, 34]. Данная идея, по всей видимости, привлекала революционеров широкой вариативностью ее трактовки и удобством применения в политической практике. В частности, антихриста в рамках этой концепции

¹ В особенности согласно немольяков.

можно было истолковать как совокупность государственных репрессивных механизмов, посредством чего удавалось представить революционеров в глазах старозаветного простолюдинья борцами за древлеотеческое благочестие. Отметим, что, согласно Т. В. Чумаковой, уже к концу русского Средневековья в ментальности православного человека сформировалась строгая антитеза между божественной истиной и государственным правом, ассоциирующимся главным образом с чиновничьим произволом и державным гнетом [21, с. 203].

Именно репрессивной политикой царских властей, по мнению теоретиков анархизма, были обусловлены как яростное сопротивление «ревнителей старины» новому Вавилону, так и отчаянные поиски ими заветного града Китежа [9, с. 25–26]. Таким образом, спекулятивные представления анархистов об исконно антигосударственном характере старообрядчества почти не расходились с точкой зрения царского правительства, согласно которой состоятельные и свободолюбивые «старолюбцы» представляли существенную угрозу общественной стабильности. При этом оба лагеря публицистов зачастую были склонны преувеличивать революционный потенциал «раскола», игнорируя выраженную реакцию подавляющего большинства староверов, а также тот факт, что в «старозаветной» среде были развиты лишь близкие к анархизму настроения, но вовсе не идеи активного антигосударственного сопротивления [3, с. 41].

Солидарен с М. А. Бакуниным в вопросе старообрядчества был и другой классик анархической мысли — П. А. Кропоткин. В курсе лекций по истории русской литературы, прочитанном в Институте Лоуэлла (Бостон), а в 1901 г. изданном отдельной книгой, Кропоткин обращается к прошлому старообрядческого раскола, акцентируя внимание на наиболее значительной фигуре этого протеста — протопопе Аввакуме. По Кропоткину, официальная церковность никогда не была подлинным выразителем миропонимания подавляющего большинства русского простолюдинья. Гораздо ближе крестьянству были различные мистические и рационалистические ереси. В этом смысле раскол XVII в. стал квинтэссенцией противостояния угнетенного крепостного крестьянства и эксплуатировавшего его высшего духовенства. Выражение мятежного народного духа в эту эпоху Кропоткин усматривал в массовом бегстве крестьян в дебри Урала. Он указывал, что любые попытки проявления народной воли жестоко подавлялись государством и церковью, в результате чего до исследователей XIX в. дошло весьма ограниченное количество полемических старообрядческих сочинений XVII столетия [7, с. 30–31, 289].

В отличие от Бакунина, не стремившегося глубоко вникать в подлинную ментальность старообрядцев и располагавшего весьма идеалистическими представлениями о них, Кропоткин предпринимал попытки ознакомиться с реальным состоянием дел в среде «ревнителей древлего благочестия». Его произведения не позволяют сделать однозначный вывод о том, вступал ли он в непосредственное общение с русскими староверами, однако можно утверждать, что анархист испытывал заметный интерес к их литературному наследию. Нельзя определен-

но сказать, с какими именно старообрядческими сочинениями он был знаком. Имеются лишь косвенные указания на то, что объектом его изучения были труды «первого поколения» старообрядческих писателей.

Заметим, что знакомство Кропоткина со старообрядческой литературой оставило у него преимущественно негативные впечатления об «адамантах» старозаветной мысли. Так, автор «Хлеба и воли» осуждал увлеченность староверов мелочными спорами вокруг буквы Писания. Согласно Петру Алексеевичу, религия должна носить более «поэтический» и живой характер. Старообрядческая же интерпретация вопросов веры виделась публицисту не более чем примитивной схоластикой. В этом ряду Кропоткин делал существенное исключение — совершенно иные чувства у него вызывало «откровение» Аввакума Петрова. Анархист с видимым удовольствием наслаждался живой народной речью протопопа, отмечая высокое значение художественного слога в деле пропаганды революционных идей среди простонародья [Там же, с. 31, 81].

Однако куда большую симпатию вызывали у Кропоткина выходцы из русского сектанства, с которыми будущий теоретик научного анархизма познакомился в период своей службы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (1862—1867). Кропоткин вдохновлялся ментальностью и «полуккоммунистическим» образом жизни переселившихся на Амур духоборов. Также он резко осуждал правительственные притеснения этой деноминации, красочно описывая всю преступность ограничительных мер в отношении конфессиональных меньшинств. Генерал-губернатора Забайкальской области Б.К. Кукеля Кропоткин характеризовал весьма положительно — как проводника политики терпимости и либерализма. По его словам, Кукель избегал притеснения сектантов и позволял староверам служить по их уставам, так как девизом чиновника было утверждение «Всякое насилие есть мерзость» [6, с. 217, 296; 10, т. 2, с. 49].

В сходном с Кропоткиным ключе о староверах Приамурья отзывался и другой проводник анархической этики — Л.Н. Толстой. В ходе поездки к самарским казакам-староверам он встретил уходивших на Амур воронежских крестьян. Последние вдохновили писателя рассказами о свободной жизни, которой пользовались в тех краях старообрядцы, а также о справедливом общинном труде, практикуемом русскими переселенцами в Маньчжурии [17, т. 36, с. 682]. В дальнейшем Толстой не единожды стремился доказать жизнеспособность анархической теории, приводя в пример «раскольничьи» общины русского фронта. Так, в сочинении «Рабство нашего времени» писатель утверждал, что знал общины уральских казаков, отвергавшие собственность на землю, самостоятельно устраивавшие органы самоуправления, суд и систему поддержания правопорядка. Сходный фрагмент можно обнаружить в работе «О значении русской революции», где он писал о русских земледельческих общинах, уходивших на границу между Россией и Китаем, порывавших любые связи с правительством и благоденствовавших до тех пор, пока их не раскрывали царские чиновники [Там же, т. 34, с. 184; т. 36, с. 186].

Закономерно, что в числе видных защитников «религиозных диссидентов» П. А. Кропоткин называл именно Л. Н. Толстого. Позднее оба мыслителя будут участвовать в общественной кампании в поддержку духоборов, а также сыграют непосредственную роль в переселении последних в Северную Америку. Кропоткин положительно высказывался об уважительном отношении Толстого к сектантам и попыткам писателя установить с ними личные контакты. Не остался революционер равнодушным и к религиозному творчеству писателя. Толстовская концепция Христа вызывала видимую симпатию у Кропоткина, поскольку гармонировала с его собственными представлениями об искажении евангельского учения позднейшими церковными наслоениями [7, с. 154].

Подобно другим нигилистам своей эпохи, Кропоткин не раз проводил параллели между анархистами и «раскольниками». По его словам, подобные сходства обнаруживали даже люди, далекие от революционного движения. В частности, мыслитель отмечал, что в пору становления российского социалистического движения просвещенная публика и журналисты видели в нем едва ли не духовную секту. Последнее весьма беспокоило Кропоткина. Несмотря на его сочувственное отношение к религиозному инакомыслию, ассоциация анархической теории с доктринами иррациональных религиозных культов представлялась ему пагубной [5, с. 57]. Последнее представляется вполне закономерным, принимая во внимание, что именно религию Кропоткин считал одним из важнейших препятствий на пути раскрепощения человеческой личности и установления всеобщего социального равенства [20, с. 148–149].

Другие народники XIX столетия также нередко указывали на несовместимость старообрядческого религиозного чувства с идейными основами революционного движения. Несмотря на все сходства общинных устремлений староверов с интенциями участников социалистических кружков, Бакунин никогда прямо не призывал своих сторонников вести политическую агитацию в среде «раскольников». По всей видимости, данное решение было обусловлено теми неоднозначными чертами, которые он обнаруживал в «древлеправославии», — наивной верой в доброго царя¹, крайней патриархальностью семьи, неприятием индивидуальности и христианским фундаментализмом. П. Л. Лавров также активно критиковал склонность революционной молодежи видеть в сектантах потенциальных союзников в антиправительственной борьбе. Он отмечал, что вера несовместима с социализмом, поскольку религиозный аскет отвергает общество, а христианское смирение (вкуче с отсутствием научного мышления) не позволят ему участвовать в политической борьбе. И. М. Ковальский и И. И. Каблиц

¹ Данную тенденцию можно обнаружить уже в первые десятилетия существования старообрядчества на примере многочисленных челобитных, направленных монахами Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу в надежде объяснить государю в своем вероисповедном выборе и обрести его расположение. См.: [8, В-27066, л. 69 об. — 92].

(Юзов), имевшие непосредственный опыт проповеди среди «раскольников», также настаивали на необходимости непрременной рационализации крестьянского мышления и ниспровержения того, что ранее было окружено «ореолом святости», — религиозности, аскетизма, обрядности и церковной иерархии [15, с. 75, 79, 83–84].

Итак, старообрядчество регулярно попадало в орбиту внимания ключевых фигур русской анархической мысли — М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого. В «религиозных диссидентах» социалистические мыслители находили потенциальную опору для будущего культурного и социального переустройства России. Протестная активность староверов XVII—XVIII столетий, их общинный уклад и борьба за свободу совести позволяли позиционировать анархическую философию как результат естественного народного стремления к коллективизму и автономии от государства (см. об этом: [19, с. 111]).

Центральное место в исследовании закономерно занял анализ взглядов Бакунина, поскольку именно он сформулировал наиболее развернутую и прагматичную концепцию старообрядчества как потенциально революционного инструмента, ставшую отправной точкой для интерпретаций этого религиозного движения другими революционными мыслителями. Непосредственные попытки Бакунина вовлечь староверов в антиправительственную борьбу, а также тезис о их «природном» антигосударственничестве оказали определяющее влияние на восприятие этой конфессиональной группы в радикальной среде. Взгляды П.А. Кропоткина и Л.Н. Толстого при всей своей значимости лишь развивали и дополняли бакунинскую парадигму, смещая акценты в сторону историко-культурного анализа или этико-религиозного оправдания общинной свободы. Таким образом, несмотря на существенные различия в подходах, все три классика рассматривали старообрядчество прежде всего как своеобразный «культурный клей», позволяющий найти точки соприкосновения народной ментальности с идеалами политических утопистов.

Список источников и литературы

1. Бакунин М.А. Собр. соч. и писем : в 4 т. М., 1934–1935.
2. Бытко С.С. Революционный потенциал старообрядчества в нравственной философии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2024. Т. 24. С. 206–222.
3. Грачев А.В. Русские анархисты о предтечах анархизма в России // Омский научный вестник. 2007. №2 (54). С. 39–42.
4. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество : в 2 т. М., 2009.
5. Кропоткин П.А. Анархия, ее философия, ее идеал. М., 2004.
6. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988.
7. Кропоткин П.А. Лекции по истории русской литературы. М., 2016.
8. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.
9. П.А. Анархические устремления в русском сектантстве XVIII—XIX вв. // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 9–36.
10. Пётр и Александр Кропоткины. Переписка : в 2 т. М. ; Л., 1932–1933.

11. Пирумова Н. М. Бакунин. М., 1970.
12. Рябов П. В. Проблема личности в философии анархизма // Вопросы философии. 2010. №5. С. 47–56.
13. Сажин Б. Б. А. Д. Михайлов и старообрядчество (к вопросу о тактике революционного народничества) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2015. Вып. 15. С. 17–27.
14. Сажин Б. Б. Отношение к старообрядчеству и религиозному сектанству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в. // Старообрядчество: истории и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2015. С. 114–120.
15. Сажин Б. Б. Проблема рационализации народных религиозных движений в идеологии революционного народничества // Народники в истории России. Воронеж, 2019. С. 75–92.
16. Субботин Н. И. История так называемого австрийского или белокрыницкого священства. М., 1894.
17. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. ; Л., 1928–1964.
18. Филатова Н. А. Взаимоотношение старообрядцев и народников в повести Н. С. Лескова «Загадочный человек» // Филологические науки в России и за рубежом. СПб., 2012. С. 39–41.
19. Фурман Ф. П. Анархический принцип самоуправления в трудах М. Бакунина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. №5 (42). С. 111–114.
20. Фурман Ф. П., Жукоцкий В. Д. Анархический принцип самоуправления в трудах П. Кропоткина // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Культурология. 2009. Вып. 14, №33 (171). С. 146–150.
21. Чумакова Т. В. Закон и справедливость в древнерусской культуре // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. №4. С. 197–203.

Об авторе

Сергей Станиславович Бытко — асп., Нижневартковский государственный университет, Нижневартовск, Россия.

E-mail: labarum92@rambler.ru

S. S. Bytko

THE OLD BELIEVER QUESTION IN THE WORKS OF THE CLASSICS OF RUSSIAN ANARCHIST THOUGHT

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

Received 8 February 2025

Accepted 14 September 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6

To cite this article: Bytko S.S. 2025, The Old Believer question in the works of the classics of Russian anarchist thought, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 69–78. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-6.

The article examines the problem of representing the history and culture of Old Believers in the journalistic writings of the recognized classics of anarchist thought – M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin and L. N. Tolstoy. It is shown that representatives of the Russian anarchist

movement regarded Old Believers as a potential support in the struggle against the tsarist government. According to the views of the revolutionaries, the mentality of Old Believers shared numerous similarities with the ethics of Russian socialists. Despite many fundamental ideological differences, both groups gravitated toward collectivism, welcomed egalitarianism in social life, and demonstrated a pronounced distrust of representatives of the ruling authorities. It is noted that on a number of issues, anarchists' views on Old Belief differed little from the perception of this religious movement held by thinkers of a state-protective orientation. In particular, both camps of theorists sought to identify in Old Belief a "natural" inclination toward anti-monarchical protest, revolutionary radicalism, and even readiness for armed rebellion.

Keywords: Old Believers, anarchism, Old Belief, M. A. Bakunin, P. A. Kropotkin, L. N. Tolstoy, church, revolution

The author

Sergey S. Bytko, PhD Student, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.

E-mail: labarum92@rambler.ru

Д. А. Вальдман

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ МОНАРХИЧЕСКИХ КРУГОВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 01.02.2025 г.

Принята к публикации 14.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-7

79

Для цитирования: Вальдман Д. А. Император Николай II в годы Первой мировой войны глазами монархических кругов русского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 79—90. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-7.

Рассмотрены взгляды представителей монархических кругов русского общества на личность и политику последнего российского императора в годы Первой мировой войны. Сделан вывод о возможности выделения двух моделей отношения монархистов к Николаю II в обозначенный период. Апологетическая модель основывалась на восприятии монархистами личных достоинств императора, в том числе верности своему долгу. В числе апологетов монарха заметной фигурой был А. И. Дубровин, основатель Всероссийского Дубровинского Союза Русского Народа, выразившего свою поддержку императору на страницах газеты «Русское знамя» вплоть до Февральской революции. Описанный в статье случай обращения к органам власти с призывом вернуть Николая на престол, а также письма представителей разных слоев народа, адресованные бывшему царю, демонстрируют, что и после его отречения в обществе наблюдалось сакрализованное представление о его фигуре. Приведенные примеры свидетельствуют о наличии в монархической среде в годы Первой мировой войны подобных верноподданнических настроений, которые существенно не менялись под влиянием внешне- или внутривнутриполитических обстоятельств. С учетом этого данную модель восприятия императора можно условно назвать статической. Противоположная модель восприятия монарха характеризуется наличием отрицательной динамики отношения к нему. В этом сегменте монархических кругов к Николаю II относились как к должностному лицу, ответственному за военные неудачи и внутренние проблемы в стране. Недовольство этой группы действиями императора и обстановкой в государстве в конечном счете нашло выражение в участии В. В. Шульгина и А. И. Гучкова в организации отречения Николая II от престола.

Ключевые слова: монархисты, Николай II, Первая мировая война, политический кризис 1916 года

Личность императора Николая II до сих пор привлекает внимание историков — как черты его характера, определявшие образ царствования последнего российского государя, так и его политическая деятельность как главы государства. Основным предметом дискуссий о личности монарха является его оценка как политической фигуры в истории

России. Как утверждал известный советский и российский историк Г.З. Иоффе, вся сложность изучения этой личности в политическом контексте связана с его скрытым характером и загадочностью [10, с. 15]. Большая часть трудов советских и российских историков, посвященных деятельности Николая II как главы государства, хронологически охватывает период до Первой мировой войны. Однако в последнее время исследователи уделяют всё большее внимание деятельности императора в годы Первой мировой войны. В силу идейно-политических предпочтений историков, изучающих данный период, вокруг деятельности последнего царя сформировалось две полярные точки зрения. Согласно первой, Николай II был незаурядным государственным деятелем: значимые преобразования проводились по его инициативе или поддерживались им непосредственно; Россия в эпоху последнего царствования достигла впечатляющих социально-экономических успехов; империя шла по пути постепенной трансформации политической структуры [4; 15; 20]. Другая точка зрения представляет Николая II как весьма посредственного и неудачного правителя, ошибки которого привели к кризису политической системы и краху монархии в марте 1917 г. [5; 18; 30]. Между тем несомненный интерес представляет и изучение оценок, которые давали Николаю II его современники, принадлежавшие к различным политическим кругам.

Цель настоящей статьи заключается в изучении восприятия последнего российского императора как политической фигуры представителями монархических кругов русского общества в годы Первой мировой войны. Под монархическими кругами понимается категория подданных, выразивших свою преданность как институту монархии в целом, так и Николаю II в частности.

В начале Первой мировой войны в российском обществе царили патриотические настроения, совпадавшие у представителей разных сословий и политических взглядов. Консервативные и либеральные круги русской общественности на время прекратили политические разногласия и объединились вокруг престола, чтобы довести войну до победного конца. Один из главных противников самодержавия, лидер партии кадетов П.Н. Милюков в мемуарах впоследствии отмечал, что «в проявлениях энтузиазма, и не только казенного, не было недостатка, в особенности вначале. Даже наши эмигранты, такие, как Бурцев, Кропоткин, Плеханов, отнеслись к оборонительной войне положительно. Рабочие стачки на время прекратились» [14, с. 183]. У консерваторов были аналогичные настроения. Один из лидеров правой партии «Союз русского народа» А.И. Дубровин в обращении к однопартийцам 22 октября 1914 г. в Петрограде произнес: «Ныне надлежит удесятить свои усилия и осуществить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно тем новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины... От размера союзных взносов будет зависеть и вид той помощи, какая будет выработана Главным Советом в утешение Любезобильного Сердца возлюбленного Государя Нашего Императора Николая Александровича, пригласившего всю Свою Царственную Семью к об-

щей Отечественной работе по облегчению великой исторической борьбы с врагами...» [21, с. 436–437]. Кампания 1914 г. еще вселяла надежды на успешное ведение войны и скорейшее ее окончание.

Многие приверженцы монархических взглядов видели в императоре сторонника осторожных и постепенных преобразований. Действительно, до Первой мировой войны и даже в самом ее начале последний император неоднократно высказывался о том, что в России следует провести целый ряд экономических преобразований. В частности, в рескрипте министру финансов П. Л. Барку от 30 января 1914 г. Николай II поставил следующие задачи: «Мне приходилось видеть печальные картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств, неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжелую минуту нужной денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита. А посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственных богатств и от народного производительного труда при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа. Таковы должны быть цели желательных преобразований» [9, с. 2]. Первым практическим шагом задуманных реформ стал указ о запрещении производства и продажи водки на всей территории империи. Согласно оценке известного эмигрантского историка и биографа последнего монарха С. С. Ольденбурга, многие с энтузиазмом приняли данный комплекс преобразований, что отвечало общему народному настроению [17, с. 635]. Сам самодержец в беседе с великим князем Константином Константиновичем так объяснял свои решительные планы насчет данной реформы: «Я уже предрешил навсегда воспретить в России казенную продажу водки» [Там же]. Назначенный в 1914 г. министром финансов П. Л. Барк поддержал инициативу Николая II, о чем писал в воспоминаниях: «Когда Государь запретил продажу водки в 1914 г., он это сделал, дабы улучшить благосостояние крестьянина. Если он выказал мне доверие, назначив меня министром финансов, это было потому, что он знал, что я разделяю его личное желание, которое у него было с давних пор, — положить предел злоупотреблению алкоголем» [3, с. 94]. Депутаты Государственной думы IV созыва крестьяне И. Т. Евсеев и П. М. Макогон предложили законопроект «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости». В пояснительной записке к закону говорилось, что «Высочайше Утвержденным Положением Совета министров 27 сентября 1914 года городским думам и сельским общинам, а Положением 13 октября того же года — и земским собраниям на время войны предоставлено было право запрещать торговлю спиртными напитками в местностях, находящихся в их ведении. Волею Государя право решения вопроса быть или не быть трезвости во время войны было предоставлено мудрости и совести самого народа. Несмотря на пережитые потрясения, деревня сохранила и хозяйственную устойчивость и бодрое настроение, облегченный от тяж-

кой ноши — пьянства, сразу поднялся и вырос русский народ» (цит. по: [13, с. 52–53]). Реформа в целом оказалось успешной: потребление алкоголя сократилось в первые годы войны в несколько раз; кабаки закрылись во многих городах; уровень потребления алкоголя среди населения снижался. Однако осуществление данной меры имело и негативные следствия: появилось самогонование с подпольной продажей всевозможных суррогатов спиртных напитков [17, с. 635] (впрочем, говорить о массовости этого производства в первые годы войны не приходится). Финансовая политика властей в целом вызвала сочувствие у монархических кругов. Член Государственной думы Ф. Н. Безак от партии умеренно-правых воспринял как должное призыв царя к русским подданным возвратиться в страну сбережения, которые по разным причинам были размещены за рубежом. Сам Безак вернул все денежные средства, которые его семья имела за границей, в Россию, чем выразил одобрение политике Николая II [27, с. 68].

Однако «Великое отступление» русской армии весной и летом 1915 г. сильно сказалось на отношении русского общества к политике Николая II и его правительства. Главной причиной отступления была нехватка вооружения: Военное министерство неверно рассчитало необходимое количество снарядов, патронов, винтовок для ведения войны. «Козлом отпущения» в глазах общественности стал военный министр В. А. Сухомлинов. Примечательно, что в письме к начальнику штаба Ставки Н. Н. Янушкевичу Сухомлинов отмечал роль видного деятеля оппозиции А. И. Гучкова, который «настойчиво добивается популярности в войсках и читает лекции о войне. Опасный человек» [1, с. 48]. Таким образом, в глазах Сухомлинова именно либеральные силы инспирировали конфликт между обществом и властью в период войны. Решив не провоцировать конфликт с либеральной общественностью, Николай II отправил Сухомлинова в отставку, назначив на его место А. А. Поливанова. Любопытно отметить, что сам Поливанов довольно критически оценивал возможности царя справиться с проблемами организации управления в военное время [16, с. 392]. Монархисты считали, что данный шаг император сделал с целью выстроить доверительные отношения с обществом на время войны [17, с. 657–658]. Историк Б. И. Колоницкий, исследовавший отношение общества к царской семье, обращает внимание на то, что в тяжелый период поражений на фронте в 1915 г. критика в адрес императора и его семьи была слышна не только среди широких слоев народа: в среде офицерства также распространялись пессимистические настроения в отношении способности Николая II привести страну к победе в войне [12, с. 134].

Неоднозначную реакцию общества и политических кругов России вызвало принятие императором Верховного командования армией. Протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский в мемуарах отмечал, что офицеры и солдаты приняли данную весть без особого энтузиазма. Государь был скорее Верховным вождем армии, но как военачальник он представлял собой «по меньшей мере, неизвестную величину» [32, с. 324]. Между тем военный историк монархических

взглядов А.А. Керсновский отмечал, уже в эмиграции, правильность политического шага императора, поскольку «это было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением — их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь» [11, с. 306]. Сам Николай II в разговоре с дворцовым комендантом В.Н. Воейковым объяснял свои мотивы возглавить армию так: «С одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой — из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления» [6, с. 160].

Представители монархических кругов утверждали, что основными политическими качествами императора Николая II в эти непростые годы были хладнокровие, спокойствие, умение выслушивать все доводы своих министров, невероятная трудоспособность. Контр-адмирал, флигель-адъютант императора С.С. Фабрицкий вспоминал: «Государь Император Николай II обладал характером ровным, спокойным. Государь был страшно трудолюбив. Вставал обыкновенно в 7 часов утра, брал ванну, одевался и в 8 часов был уже на ногах, проводя почти весь день до поздней ночи за работою» [29, с. 95]. Особым расположением императора пользовались люди с решительным характером. Мемуаристу вторил И.И. Тхоржевский, работавший до революции в канцелярии Комитета министров (по Государственной канцелярии). Уже в эмиграции он отмечал: «Государь обладал редким чувством долга, дисциплины, точностью в труде, умственной и душевной трезвой ясностью» [28, с. 10].

Примечательно, что личность Николая II вызывала симпатию к нему и у некоторых изначальных противников самодержавия. Практически сразу после отречения Николая II от престола в марте 1917 г. Временное правительство учредило Чрезвычайную следственную комиссию, которая должна была провести расследование деятельности высших должностных лиц Российской империи в предшествовавшие революции годы. В состав комиссии был включен следователь А.Ф. Романов, которому принадлежит опубликованный пятью годами позднее в Париже в эмиграции очерк об императоре и правительстве. Описывая свое изначальное отношение к Николаю в начале работы комиссии, А.Ф. Романов отмечал: «Не скрою, что, входя в состав Следственной Комиссии, я сам находился под влиянием слухов, захвативших всех, и был предубежден против личности Государя. Утверждаю, однако, что не я один на основании изучения материалов пришел к совершенно противоположным выводам. Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым обследование деятельности Царя, после нескольких недель работы с недоумением и тревогой в голосе сказал мне: “Что мне делать, я начинаю любить Царя”» [22, с. 16]. В результате изучения многочисленных документов следователь утвердился в мысли о любви Николая к простым людям, его глубокой религиозности, патриотизме, стремлении к правде и склонности

верить окружающим, заботе о нуждах народа, глубоком чувстве сопричастности судьбе армии в годы войны («Письма Государя во время войны полны искренней радости по поводу наших побед и тяжело, но с верою в помощь Божью, переживает Он наши поражения») [Там же, с. 14].

В период политического кризиса 1916 г. монархисты видели причины так называемой «министерской чехарды» в том, что Николай II часто производил кадровые перестановки в Совете министров. Император придерживался тактики «сглаживания острых углов», не желая в период войны идти на прямую конфронтацию с Государственной думой [17, с. 682]. Тем не менее с одобрения Николая II министры готовили проект выборов в V Государственную думу [7, с. 302]. Согласно плану выборов и заключению совещания Совета министров от 24 июня 1916 г., в думе должно было преобладать правое крыло депутатов. По мнению власти, если все структуры власти будут действовать совместно в плане избрания работоспособной думы, то это поможет преодолеть противоречия, которые к 1916 г. только росли [Там же, с. 320]. Это была попытка создать аналог III Государственной думы, которая сумела бы сработаться вместе с правительством. Однако такой проект готовился в тайне от самих депутатов думы, что, скорее всего, могло привести к массовому недовольству. Реализации данного проекта помешали февральские события 1917 г.

Несмотря на реальные попытки Николая II устранить конфликт между правительством и думой, он не смог предотвратить катастрофу, которая пришла в Россию в феврале 1917 г. Так считали монархисты, которые потеряли доверие и разочаровались в политических способностях последнего русского государя. Например, известный монархист последнего царствования, депутат Государственной думы В.В. Шульгин в мемуарах размышлял о важности сохранения института монархии без Николая II: «Я отчетливо понимал и тогда, как и теперь, как и всегда, сколько я себя помню, что без монархии не быть России. И мысль вертелась: как спасти монархию... Монархию, которая по тысячам причин, и, может быть, больше всего собственными руками, приготовила себе гибель. И должно быть, в эту бессонную ночь пришла мысль, которая, правильная или нет — об этом будет судить история, — свелась к следующему... — Быть может, пожертвовав монархом, удастся спасти монархию... Так, бесформенная, еще сама себя не сознающая, родилась мысль об отречении императора Николая II в пользу малолетнего наследника... Разумеется, родилась не у одного меня...» [33, с. 194]. Император, по мнению Шульгина, был неспособен вывести страну из кризиса, но если бы он сумел силой подавить революцию, это все равно не позволило бы вернуть монарху утраченный авторитет [Там же, с. 195]. Шульгин не был одинок в подобных настроениях. Известный публицист М.О. Меньшиков пошел дальше, обвиняя лично Николая II в крушении страны. Император, по его мнению, проявил слабость и бездействие при беспорядках в Петрограде. Меньшиков писал: «Следовало бы на троне сидеть громовержцу и полубогу, а не вырожденцу и слабняку» [23, с. 158].

С подобными настроениями представители монархических партий не поддержали императора во время Февральской революции 1917 г. Стоит отметить, что в организации отречения императора от престола принимали участие такие видные монархисты, как В.В. Шульгин и А.И. Гучков. Последний выступал за конституционную монархию с условием, что престол займет младший брат царя, великий князь Михаил Александрович. Согласно стенограмме отречения царя от 2 (15) марта 1917 г., составленной начальником военно-походной канцелярии императора К.А. Нарышкиным, А.И. Гучков в разговоре с Николаем II заявил, «что если объявят республику, тогда возникнет междоусобие» [26, с. 225]. Ему вторил и Шульгин, уговаривая царя отречься: «Если ваш брат, Михаил Александрович, как полноправный монарх, присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению» (цит. по: [16, с. 226]). Они всё больше рассчитывали на вступление на престол цесаревича Алексея (при регентстве великого князя Михаила Александровича), а позже и самого великого князя [17, с. 650].

При всей сложности обстановки на Восточном фронте к февралю 1917 г. и ее влиянии на внутривосточную ситуацию в стране, выразившемся в распространении в монархической среде критического отношения к императору, сохранялась и апологетика последнего. Ее выразителем стал Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа, издававший газету «Русское знамя». Так, в номере от 23 февраля 1917 г. была опубликована заметка о жалобах евреев на недостаточную последовательность политики Министерства народного просвещения в вопросе открытия еврейских учебных заведений. Автор возмущался: «Весь русский народ ждет просвещения; наконец, дети героев и воинов должны получить доступ к просвещению и права за заслуги перед Родиной отцов. А жиды хотят отнять от них все, обездолив их». Завершался текст верой в справедливость царя и решимость народа: «Так ведь этого не будет! Ни Царь, ни народ не допустят» [24, с. 1]. Косвенно о поддержке императора вплоть до последних дней его нахождения на престоле свидетельствует реклама изданной Дубровинским Союзом брошюры «О грамоте царю Михаилу Феодоровичу про избрание его на Всероссийский престол и о выраженных в ней обязанностях русских подданных по отношению к Царской Самодержавной Власти». Реклама брошюры сопровождалась текстом: «...Главный Совет поставил себе задачей настоящим изданием облегчить русским людям знакомство с означенной Грамотой и напомнить им об их обязанностях по отношению к Самодержавной Царской Власти, принятых ими на себя с достопамятного дня 21 февраля 1613 года» [25, с. 2]. В этой публикации звучал призыв к современникам столь же добросовестно исполнять свои обязанности подданных в отношении действовавшего императора.

Отдельного внимания заслуживают взгляды в русском обществе на бывшего императора в период его содержания под стражей. Уже через несколько дней после его отречения от престола житель Ставрополя С.К. Ариневский направил в Государственную думу и Совет минист-

ров ходатайство, в котором призывал власти забыть все обиды на государя и упросить его вернуться на престол: «Господь наш Иисус Христос в святом евангелии заповедал так: “Когда стоите на молитве; прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших” (Марк 11: 25–26). Святая же Русь, молясь ко Господу Богу о даровании российскому воинству и союзникам нашим победы над врагами, принудила безвинного государя нашего императора Николая Александровича отречься от престола» [31]. Ариневский утверждал, что Бог «по молитве Святой Руси уже явил свое дарование российскому воинству к победе над врагами. <...> ...остается только с Божьей помощью приступить опытным полководцам к покорению врагов под надзором государя нашего императора Николая Александровича, самодержца Всероссийского, молитва которого равняется молитве всего мира. Ввиду этого неотложно следует Святой Руси упросить государя нашего императора Николая Александровича возвратиться к своему престолу на основании вышеозначенного евангельского заповедания Господа нашего Иисуса Христа» [Там же]. В результате Ариневский попал в поле зрения правоохранительных органов, после чего в начале июня 1917 г. комиссаром 4-й части Ставрополя на него была составлена и направлена в Ставропольскую городскую милицию характеристика, из которой следовало, что 34-летний ходатай был ставропольским потомственным дворянином православного вероисповедания, не имевшим недвижимого имущества и занимавшимся книгоношеством. Завершалась характеристика словами: «Настоящее прошение Государственной Думе сочинил и написал сам. Свои убеждения до сих пор считает неизменными» [8]. Последняя фраза характеристики указывает на искренность Ариневского в выражении его верноподданнических чувств.

В адрес бывшего императора поступало множество писем с издевательствами и насмешками, однако помимо них историк М. А. Бабкин обнаружил в фонде 601 ГАРФ «Император Николай II» десять писем, в которых авторы выражали верность Николаю. Анализируя обращения в письмах («Царь-Мученик», «Ваше императорское Величество», «Всемиловитвейший Государь», «Наш всегда любимый, родной Государь»), М. А. Бабкин показывает, что авторы писем не принимали отречения Николая и воспринимали его как действующего монарха [2, с. 439]. В письмах содержались слова сочувствия трагической судьбе царя, выражались пожелания сил и здоровья и даже намерения отправиться к царю и его семье, чтобы иметь возможность служить ему в заточении в Царском Селе [19]. Исследователь обращает внимание и на подписи в этих письмах, указывая, что практически все адресанты подписывались без указания имен и фамилий — лишь общими словами «солдаты, уважающие Вас», «Монархисты, Твои почитатели» и т.п. М. А. Бабкин объясняет это опасениями преследований со стороны новой власти, но отмечает, что, несмотря на эти опасения, люди все же отваживались писать бывшему императору письма [2, с. 439]. Часть писем были явно

проникнуты сакральным восприятием личности Николая даже после его отречения: «Ваше Императорское Величество! Сейчас прочла в газетах, что Ваше Величество изволит в будущем ехать в Тобольск. Это ужасно! Что надо делать, чтобы этого не было? Чтобы Ваше Величество оставались в центре родной России и были любимым Батюшкой Царем? Я рвусь к Вам — я хочу видеть Вас!» [19, с. 151]. В другом письме, подписанном девятью воспитанницами (без указания учреждения), говорилось: «Теперь Вы уже далеко от нас, но наши сердца и мысли всегда с Вами. Для нас не было бы большего счастья, [чем] умереть за Нашего Чудного, Светлого [Государя]. Мы не находим слов, могущих выразить нашу преданность и любовь [к] Вам и Вашему Августейшему Сыну. Мы крепко верим, что Господь Бог услышит наши молитвы и слезы, и снова мы увидим нашего Обожаемого Государя Императора» [Там же, с. 152].

При этом ученый отмечает своеобразный парадокс: в делах фонда 601 среди адресованных бывшему императору писем нет писем от православного духовенства, которое теоретически могло бы выражать Николаю поддержку. При этом, отмечает автор, в фондах канцелярии Временного правительства (1778 и 1779) встречается множество приветственных писем духовенства в адрес Временного правительства и Петроградского Совета [2, с. 439]. Представляется вполне логичным объяснение автором этого обстоятельства: вероятно, в изменившихся обстоятельствах духовенство рассчитывало на лояльность новой власти в отношении церкви, ради чего закрыло глаза на судьбу бывшего императора.

Таким образом, заметно, что монархические круги русского общества в годы Первой мировой войны были довольно пестрой средой. Она включала в себя представителей разных сословий, отличавшихся приверженностью институту монархии, но при этом выражавших различное отношение к фигуре императора Николая II. В среде монархистов кристаллизовались две модели отношений к царю. В рамках первой — *динамической* — критерием отношения к Николаю выступала степень его эффективности как «администратора», определявшаяся положением дел на фронте и внутри государства. Первоначальная поддержка царя на раннем этапе войны позднее сменяется более или менее открытой критикой в его адрес, обусловленной тяжелыми военными поражениями русской армии и неспособностью Николая добиться внутривластного порядка. Политика лавирования императора между разными политическими группами не вызывала сочувствия у монархистов, что вело к утрате поддержки государя со стороны правых. В основе второй модели восприятия Николая II — *статической* — лежало отношение к его человеческим качествам, которые если и не позволили ему удержать государство от кризиса, то по крайней мере отвечали сакральному образу монарха. Подобное отношение в большей степени оказывалось характерным для той части простого народа, которая, по всей видимости, не была затронута военным и революционным лихолетьем.

Список источников и литературы

1. *Переписка* В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. Пг., 1923. Т. 3. С. 29–74.
2. *Бабкин М. А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918). Исследования и материалы. М., 2011.
3. *Барк П. Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 : в 2 т. М., 2017. Т. 1.
4. *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1997.
5. *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение* : сб. / отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 2009.
6. *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936.
7. *Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания.* Мемуары. Минск, 2003.
8. *Донесение комиссара 4-й части города Ставрополя в Ставропольскую городскую милицию о роде занятий и мировоззрении С. К. Ариневского.* 4 июня 1917 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92838-donesenie-komissara-4-y-chasti-goroda-stavropolya-v-stavropolskuyu-gorodskuyu-militsiyu-o-rode-zanyatiy-i-mirovozzrenii-s-k-arinevskogo-4-iyunya-1917-goda#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 12.05.2025).
9. *Известия по Санкт-Петербургской епархии.* 1914. 1–15 февр. №3–4.
10. *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992.
11. *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 2018.
12. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
13. *Мендельсон А. Л.* Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Пг., 1916.
14. *Милоков П. Н.* Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. Т. 2.
15. *Мультатули П. В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М., 2012.
16. *Никонов В. А.* Крушение России. 1917. М., 2015.
17. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II: в 2 т. Н. Новгород, 2013. Т. 2.
18. *Хрусталеv В. М.* Февральская резолюция и отречение Николая II, или военно-политический заговор // Отречение императора Николая II. Воспоминания и документы / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталеv. М., 2018. С. 7–47.
19. «Есть люди, готовые Вам служить». Письма верноподданных Николаю II после его отречения от престола. 1917 г. / публ. М. А. Бабкина // Исторический архив. 2008. №3. С. 146–153.
20. *Платонов О. А.* Терновый венец России. М., 2001.
21. *Правые партии.* 1905–1917 гг. Документы и материалы : в 2 т. М., 1998. Т. 2 : 1911–1917 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев.
22. *Романов А. Ф.* Император Николай II и Его Правительство (по данным Чрезвычайной Следственной Комиссии) // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 2–38.
23. *М. О. Меньшиков:* Материалы к биографии : сб. материалов. М., 1993.
24. *Русское знамя.* 1917. 23 февр.
25. *Русское знамя.* 1917. 26 февр.

26. *Стенограмма* отречения Николая II (по записи Нарышкина) // Февральская революция 1917 года : сб. документов и материалов / сост. О.А. Шашкова ; отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 223–227.

27. *Стогов Д.И.* Благотворительная деятельность русских монархистов в период Первой мировой войны // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. 2024. №3 (55). С. 62–74.

28. *Тхоржевский И.И.* Император Николай II как правитель. Париж, 1937.

29. *Фабрицкий С.С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. М., 2020.

30. *Фирсов С.Л.* Николай II. Пленник самодержавия. М., 2017.

31. *Ходатайство* жителя города Ставрополя С.К. Ариневского в Государственную думу и Совет Министров о возвращении к управлению государством императора Николая II. 7 марта 1917 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/92831-hodataystvo-zhitelya-goroda-stavropolya-s-k-arinevskogo-v-gosudarstvennuyu-dumu-i-sovet-ministrov-o-vozvrachenii-k-upravleniyu-gosudarstvom-imperatora-nikolaya-ii-7-marta-1917-goda> (дата обращения: 12.05.2025).

32. *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

33. *Шульгин В.В.* Дни. М., 1989.

Об авторе

Даниил Александрович Вальдман – асп., ассистент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: dluninv23@mail.ru

D. A. Waldman

EMPEROR NICHOLAS II DURING THE FIRST WORLD WAR THROUGH THE EYES OF MONARCHICAL CIRCLES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 1 February 2025

Accepted 14 September 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-7

To cite this article: Waldman D.A. 2025, Emperor Nicholas II during the First World War through the eyes of Russian monarchical circles, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 79–90. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-7.

The views of representatives of monarchist circles within Russian society toward the last Russian emperor during the years of the First World War are examined. The study concludes that two models of monarchists' attitudes toward Nicholas II during the specified period can be identified. The apologetic model was based on monarchists' perception of the emperor's personal virtues, including his loyalty to duty. Among the prominent apologists of the monarch was A.I. Dubrovin, the founder of the All-Russian Dubrovin Union of the Russian People, who expressed support for the emperor in the newspaper Russkoe znamya up to the February Revolution. The case described in the article involving an appeal to the authorities calling for the restoration of Nicholas II to the throne, as well as letters from representatives of various social strata addressed to the former tsar, demonstrates that even after his abdication, a sacralized perception of his figure persisted in society. The cited examples indicate the pres-

ence of loyalist sentiments within monarchist circles during the First World War, which did not significantly change under the influence of external or internal political circumstances. In this regard, this model of perception of the emperor may conditionally be described as static. The opposing model of perception of the monarch is characterized by a negative dynamic in attitudes toward him. Within this segment of monarchist circles, Nicholas II was regarded as an official held responsible for military failures and internal problems in the country. Dissatisfaction on the part of this group with the emperor's actions and with the situation in the state ultimately found expression in the participation of V. V. Shulgin and A. I. Guchkov in organizing the abdication of Nicholas II from the throne.

Keywords: Nicholas II, the First World War, the monarchists, the political crisis of 1916

The author

Daniil A. Waldman, PhD Student, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: dluninv23@mail.ru

М. Смирнов, И. П. Максимов

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1932 – 1934 ГОДАХ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 10.06.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8

91

Для цитирования: Смирнов М., Максимов И. П. Конституционный кризис в Эстонской Республике в 1932–1934 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 91 – 104. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8.

В начале 1930-х гг. Эстонская Республика столкнулась с серьезными экономическими проблемами, причем политические силы страны оказались неспособны справиться с вызовами кризисного периода. Изъяны политической системы были заложены на конституционном уровне, что вынудило парламент страны начать процесс разработки поправок в основной закон государства. В 1932 – 1933 гг. было проведено три всенародных референдума – два проекта конституции, разработанных парламентом, были признаны населением страны неудовлетворительными, после чего предпочтение было отдано внепарламентскому проекту поправок, который в конечном счете стал роковым для демократии в стране – на фоне начавшихся президентских выборов Константин Пятс, временно исполнявший обязанности президента согласно новой конституции, осуществил государственный переворот. В статье рассмотрены упомянутые конституционные проекты. Изучен процесс выработки поправок в каждом отдельном случае, определены характер вносимых изменений и последствия каждого из референдумов. По мнению авторов, поправки, вынесенные на первый референдум, являлись более грамотными и продуманными, нежели те, которые были представлены на третий референдум, а провал оригинальных поправок обусловлен активной пропагандистской деятельностью отдельных акторов, а не природой поправок как таковых. Более того, обоснована мысль о том, что именно затягивание решения конституционного вопроса в конечном итоге привело к необратимым последствиям в виде военного переворота и установления личной диктатуры Пятса.

Ключевые слова: конституционный кризис, первая Эстонская Республика, референдум, Эстония

Конституционный кризис начала 1930-х гг. остается одним из поворотных событий в истории Эстонии. Протекавшие на его фоне внутриполитические процессы в конечном итоге привели к трансформации демократического режима первой республики в авторитарную диктатуру Константина Пятса путем военного переворота. Хотя «авторитарный поворот» был характерен для молодых демократий межвоенной Европы, соседней Финляндии, например, удалось сохранить как

свою демократию, так и независимость. Пятс, в свою очередь, обладая всей полнотой власти в государстве, не сумел предотвратить утрату Эстонией независимости в 1940 г. Вместе с тем в исторической ретроспективе у страны были альтернативные пути развития — всего за период политического кризиса в стране было разработано три проекта поправок в конституцию, каждый из которых был вынесен на всеобщий референдум, однако приняло эстонское общество только последний вариант поправок — на всеобщем голосовании в ноябре 1933 г.

Хотя рассматриваемый период политической нестабильности (1930—1934) неоднократно исследовался в эстонской историографии, отдельные аспекты кризиса, в том числе характер вынесенных на первые два референдума конституционных поправок, освещались не так часто. Конституционный кризис рассматривался в обзорных статьях и монографиях эстонских историков Аго Паюра [12], Рейна Маранди [11], Артура Мяги [9], Антса Руусманна [18], Мати Графа [6] и др. Яак Валге уделил куда более пристальное внимание рассматриваемой теме, проведя подробный анализ разработки первого проекта поправок для референдума 1932 г. [19] Он же позднее в соавторстве с Марком Гортфельдером подробно охарактеризовал электоральные предпочтения граждан страны в контексте проведенных референдумов [5]. Петер Кенкманн, в свою очередь, проанализировал проект поправок, вынесенных на третий референдум [8]. Поскольку центральную роль в рассматриваемых событиях сыграл «Эстонский союз участников Освободительной войны» (члены которого обычно именовались просто «вапсами»), тема конституционного кризиса неизбежно поднимается и в работах, посвященных данному движению, в частности в монографиях Андерса Касекампа [7] и Рейна Маранди [10].

Представленная статья стремится осветить неизученную в отечественной историографии тему и посвящена анализу содержания всех трех конституционных проектов, вынесенных на всеобщее голосование в 1932—1933 гг., а также дать общую характеристику как процессу их разработки, так и тому влиянию, которое результаты референдумов оказали на эстонское общество.

Без сомнения, катализатором внутриполитического кризиса в стране стал мировой экономический кризис, чьи последствия Эстония начала ощущать уже с 1929 г. Падение цен на древесину и сельскохозяйственную продукцию было обусловлено снижением спроса за рубежом — к 1933 г. объем внешней торговли с основными партнерами — Германией и Великобританией — сократился на 60 %. Общая задолженность фермерских хозяйств составила 100 млн крон, что привело к разорению тысяч фермеров в стране. В 1930 г. кризис добрался до промышленной индустрии, и общий объем производства сократился на треть, что повлекло за собой сокращение рабочих часов как минимум на четверть. Это, в свою очередь, привело к росту безработицы — в 1933 г. в Эстонии насчитывалось как минимум 45 тыс. безработных (точное количество безработных остается дискуссионным в эстонской историографии). На этом фоне также наблюдался рост инфляции — отказ от

золотого стандарта в Великобритании и падение курса фунта, к которому была привязана эстонская крона, привели к неконтролируемому обесцениванию эстонской национальной валюты [4, p. 118–128].

Вместе с тем действующая политическая система оказалась бесильной перед вызовами экономической рецессии, и основной причиной современники считали изъяны в конституции страны. Действительно, конституция 1920 г., преследуя идеалы демократического управления, на практике оказалась чрезмерно несбалансированной — исполнительная власть была слишком зависимой от законодательной: при полной подотчетности членов правительства парламенту должность президента отсутствовала [9, l. 77–79]. Итогом стала крайне хаотичная политическая обстановка в стране — с 1920 по 1934 г. сменилось 20 правительств, средний срок полномочий которых составлял около 8 месяцев. Кардинальных изменений не произошло и в период экономического кризиса — так, на повестке дня уже с 1930 г. особенно остро стоял вопрос о девальвации кроны, однако продолжавшиеся споры и противоречия в Рийгикогу (эст. *Riigikogu* — государственное собрание, парламент страны) не позволили провести реформу вовремя, при этом процесс обсуждения сопровождался внеочередными отставками правительств (три правительства ушли в отставку в 1932 г. и два в 1933 г.) и развалом действующих политических коалиций [Ibid., l. 57–67]. Нарастание внутренних конфликтов привело к снижению уровня политической культуры — критика (как населением правительства, так и политическими противниками друг друга) стала резкой и массовой, в ход шли клевета и прямые нападки на оппонентов, скандалы раздувались на пустом месте с целью очернения и дискредитации соперников. На этом фоне стало ясно, что политическая система изжила себя — необходимо было разделить законодательную и исполнительную ветви власти, уменьшить риск коалиционных конфликтов в парламенте, сгладить политическую дифференциацию общества. Разумеется, подобные инициативы требовали внесения изменений в конституцию, а потенциальная новая должность президента республики стала заветным трофеем для практически всех политических сил. Процесс выработки новой конституции, сопровождавшийся мощной политической агитацией, пропагандой и ожесточенными столкновениями на всех уровнях, в конце концов окончившийся установлением авторитарного режима, и стал периодом конституционного кризиса Эстонии [12].

Конституция 1920 г. вызывала нарекания современников еще в первые годы существования республики, а главными сторонниками изменения основного закона стали Константин Пятс и Яан Тыниссон, возглавлявшие партию Крестьянское собрание (*Põllumeeste Kogud*) и Народную партию (*Eesti Rahvaerakond*) соответственно. В данном случае определенную роль играли и личные интересы — в случае введения должности президента оба опытных политика были главными претендентами на эту роль. Пятс начал разработку нового проекта конституции еще в начале 1920-х гг. и представил первоначальный набросок поправок в 1923 г. В парламенте после попытки коммунистического путча вновь начались обсуждения об изменении конституции, однако

сколько-нибудь внятных шагов в этом направлении предпринято не было. Вплоть до экономического кризиса вопрос об изменении конституции поднимался лишь ситуативно, без серьезного обсуждения или продвижения в этом направлении. Во время предвыборной кампании 1926 г. сразу несколько партий заявили о своем видении изменений в конституции, полноценные законопроекты по изменению конституции были представлены Народной партией [2, f. 80, n. 3, s. 849, l. 22–24] и Крестьянским собранием [2, f. 31, n. 4, s. 176, l. 26–39], но дальше дело не продвинулось, так как большинство партий не считали изменение конституции приоритетом на тот момент. Активная разработка проекта поправок, вынесенных на первый референдум, началась лишь в 1930 г. на базе проекта конституции 1929 г. от Крестьянского собрания [Ibid., n. 5, s. 563, l. 34–47]. Все вышеперечисленные проекты описывали создание должности президента (впрочем, уровень его полномочий различался) и сокращение количества действующих членов парламента — прежде всего в целях экономии бюджетных средств [19, l. 22–24].

Процесс выработки окончательного варианта поправок шел крайне медленно — сторонниками изменения конституции оставались Крестьянское собрание Пятса и Народная партия Тыниссона, яркими противниками были левые силы, преимущественно представленные Эстонской социалистической рабочей партией (ЭСРП, Eesti Sotsialistlik Tööliste Partei, ESTP), в то время как остальные партии не имели внятной позиции, ограничившись лишь общими предложениями по изменению конституции. Серьезные разногласия вызывали несколько вопросов: введение института президентства, широта президентских полномочий и количество членов парламента. Препятствием на пути к успешному изменению конституции стало и действующее законодательство о референдумах — поправки считались бы принятыми только в том случае, если бы более половины всех граждан страны их поддержало. Учитывая, что порядка трети граждан стабильно не участвовало ни в каких выборах, для принятия поправок требовалось бы как минимум в два раза больше голосов «за», чем «против». Данную проблему в конце концов решили, изменив закон о выборах — для принятия поправок требовалось получение простого большинства голосов, но участие в референдуме стало обязательным для всех граждан страны [19, l. 25–30].

Однако удовлетворяющего всех консенсуса по другим аспектам поправок в конституцию достигнуть не удалось — хотя сторонники изменения конституции в парламенте, собрав коалицию, успешно приняли законопроект, данный процесс проходил под огромным давлением со стороны общественности, прежде всего в лице движения «вапсов», которые были крайне раздосадованы чересчур затянувшимся процессом обсуждения. В результате к весне 1932 г. обсуждения в парламенте шли в условиях крайней спешки, и 24 марта на первый референдум был вынесен компромиссный вариант поправок в конституцию, о бойкоте которого партия социалистов заявила сразу же [Ibid., l. 33].

Проект конституции, вынесенный на первый референдум, попытался сохранить прежнюю систему, гармонично встроив в нее институт президентства. Полномочия парламента были урезаны незначительно — количество мест сокращалось со 100 до 80 (§36), при этом было упразднено право парламентариев самостоятельно увеличивать количество членов парламента путем обычного законопроекта. Парламент утратил право утверждать судей Верховного суда, данные полномочия перешли к президенту республики (§69). Парламент избирался на срок в 4 года вместо 3 (§39), а количество сессий увеличивалось: теперь парламента собирался не один, а два раза в год — в январе и октябре (§41). Также было введено требование принести клятву верности стране и конституции для всех избранных депутатов (§45). Нововведенная должность президента (в данном проекте она получила название Государственный Старейшина — ранее это словосочетание обозначало главу правительства, который теперь именовался просто премьер-министром), избираемого на 5 лет, расширила полномочия исполнительной ветви власти — при необходимости у президента была возможность назначить досрочные выборы в парламента (§39) или приостановить текущую сессию на срок до двух месяцев (§41). У президента имелось право вето, которое можно преодолеть, если парламента принимал закон повторно при полном составе и абсолютном большинстве или же вновь избранный парламента в новом составе принимал отложенный закон без изменений (§53). По части общих полномочий главы правительства президент сохранил функционал Государственного Старейшины, но теперь являлся главнокомандующим и получил право издавать декреты при необходимости. Декреты должны были немедленно утверждаться парламентом или же теряли силу. Декреты не могли изменять законодательство о референдумах и выборах, а также прямо влиять на распределение бюджета страны (§60). Хотя члены правительства назначались президентом, они все еще требовали доверия со стороны парламента, в случае выражения недоверия министры лишались своего поста либо президент мог назначить досрочные выборы в парламента (§62). Следует отметить, что любые указы президента (за исключением назначения членов правительства) для вступления в силу должны были быть дополнительно подписаны премьер-министром или ответственным министром (§61). Чтобы запустить процесс импичмента депутатам было необходимо абсолютное большинство в парламенте (§67) [2, f. 80, n. 5, s. 2037, l. 86—90].

Референдум состоялся в августе 1932 г. Как и ожидалось, данный вариант поправок подвергся жесткой критике со стороны отдельных акторов. Социалисты и «вапсы» одинаково рьяно критиковали и высмеивали проект поправок, призывая своих сторонников голосовать против него. Не помогло ситуации и то, что изменения показались чрезмерно компромиссными и незначительными, в том числе и электорату тех партий, что выступали за изменение конституции во время парламентских выборов несколькими месяцами ранее. Вместе с тем, несмотря на подобное положение дел, разрыв голосов на референдуме, прошедшем

в августе 1932 г., оказался минимальным — «за» высказалось 49,2 % (333 979 чел.) проголосовавших, «против» — 50,8 % (345 215 чел.). Если бы обстоятельства сложились чуть иначе, нарастающий политический кризис, возможно, был бы исчерпан уже тогда, однако на фоне провалившегося проекта поправок внутривнутриполитическая борьба вышла на новый уровень, а движение «вапсов» стало набирать все большую популярность и оказывать все большее влияние на политическую жизнь страны [11, л. 26; 9, л. 84].

Хотя сам по себе провал первого проекта поправок на референдуме не вызвал бурной реакции в эстонском обществе, сохранение статус-кво означало продолжающееся усиление политического кризиса. На сцену вновь вышли «вапсы», на этот раз перейдя от простой политической пропаганды к реальным действиям — 9 ноября 1932 г. они официально представили свой проект конституции парламенту [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 3]. Согласно действующему законодательству, любой законопроект мог быть вынесен на всеобщее голосование путем сбора 25 тыс. подписей, в случае если парламент не собирался рассматривать его в рамках своих заседаний. На этот раз парламент не спешил с ответом — 21 ноября различные представительства «вапсов» по всей стране отправили в парламент обращения с требованием немедленно дать ход инициативе «вапсов» по изменению конституции [Ibid., l. 49—53]. Тридцать первого декабря 1932 г. Артур Сирк, один из ключевых членов движения, прислал парламенту требование (с 1000 подписей) о выдвижении законопроекта «вапсов» на сбор 25 тыс. подписей согласно закону о референдуме [Ibid., l. 48]. Четвертого января парламент официально позволил «вапсам» начать сбор подписей для вынесения их проекта поправок в конституцию на всеобщий референдум, 28 февраля «вапсы» успешно справились с поставленной задачей, набрав в два раза больше голосов, чем требовалось [7, p. 41].

Действия парламента, явно нацеленные на задержку «вапсовской» инициативы, объясняются репутационными соображениями — народное собрание и традиционные партии страны, уже испытывавшие определенные проблемы с имиджем, считали, что принятие проекта поправок в конституцию, разработанного «третьей стороной», станет мощным вотумом недоверия к парламенту со стороны населения страны. Вместе с тем было ясно, что запрос на конституционные изменения в обществе сохраняется, поэтому парламент предпринял еще одну попытку вынести свой собственный проект поправок на всенародный референдум, опередив «вапсовский» законопроект. Как следствие, второй вариант поправок был разработан в крайней спешке — 22 ноября 1932 г. была создана комиссия по разработке нового проекта конституционных изменений, первый вариант законопроекта был представлен в парламенте полтора месяца спустя, 14 января, а уже 14 февраля законопроект о поправках в окончательной форме [2, f. 4396, n. 1, s. 39, l. 1] был принят и мог выноситься на референдум.

Двадцать первого февраля парламент упростил процесс принятия поправок в конституцию, вновь отменив обязательное голосование и

признав референдум состоявшимся при явке хотя бы в 30 % [13]. Двадцать второго февраля проект поправок был вынесен на всенародный референдум, который должен был состояться в июне 1933 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 28]. Поскольку формально «вапсы» завершали сбор подписей за свою инициативу 28 февраля, парламенту удалось опередить их на шесть дней [5, l. 149–150].

«Сырость» нового проекта поправок вкупе с их очевидной целью опередить инициативу «вапсов» вызвали жесткую критику со стороны современников — социалисты вновь полностью отвергли план поправок, различные аспекты законопроекта активно критиковались во время заседаний парламента 19 и 24 января, в том числе и главой Русского национального союза Иваном Горшковым [17, l. 441–495]. Усугубляло ситуацию и то, что разработка новых поправок проходила на фоне новых правительственных кризисов — в ноябре распалось правительство Карла Эйнбунда, при этом из-за внутрикoалиционных и межпартийных конфликтов новое правительство Пятса было сформировано лишь месяц спустя и начало свою деятельность с крайне непопулярных акций повышения налогов и сокращения зарплат государственных служащих. Новое правительство продержалось лишь до мая 1933 г., после чего развалилось одновременно с распадом партийного блока правых сил.

Следующий кабинет возглавил Тыниссон, активно агитировавший за изменение конституции [2, f. 4294, n. 1, s. 213, l. 10–11], однако к этому моменту репутация парламента находилась на катастрофически низком уровне, а к противникам парламентского проекта поправок присоединилось и Крестьянское собрание во главе с Пятсом, которое отказалось от всякой политической агитации ввиду того, что Тыниссон изрядно поспособствовал развалу предыдущего правительства. Одновременно с этим политическое противостояние между парламентом и «вапсами» (здесь следует отметить, что и сами «вапсы», и их проект поправок находились под лавиной критики со стороны левого крыла эстонского политического спектра) лишь набирало обороты — во время выступления Тыниссона в Тарту накануне референдума активисты «вапсов» устроили массовые протесты и сорвали мероприятие. Правительство Тыниссона в ответ арестовало некоторых зачинщиков из числа членов организации и закрыло тартуское отделение «вапсов» как «угрожающее публичному порядку» [7, l. 38–43]. Подобные события были нехарактерны для эстонской политической традиции: очевидно, уже накануне второго референдума по парламентскому проекту поправок репутация парламента была сильно испорчена, что, безусловно, сыграло свою роль во время голосования.

Второй проект поправок оказался практически идентичным первому, однако немногие внесенные изменения вызывали массу вопросов, поскольку совершенно не учитывали критику первого законопроекта. Была предпринята попытка ограничить зарплату членам парламента конституционно — выплачивать ее только во время сессий парламента, за исключением тех депутатов, что работали в парламентских комиссиях и руководстве вне периода парламентских сессий (§51). Также попы-

тались удовлетворить запрос на введение «личного мандата» — в раздел о выборах в парламент и местное самоуправление была добавлена формулировка о том, чтобы «избиратель мог выбирать отдельных личностей» (§36 и §76), однако настолько расплывчатая фраза вызвала еще больше критики. Никакого понимания не нашло и явное усиление законодательной ветви власти — в новом проекте парламент страны получал возможность изменить конституцию страны без всенародного референдума (если проект поправок принимали сразу два парламентских созыва друг за другом — первый при $\frac{2}{3}$ голосов «за», второй — при простом большинстве). Подобным образом нельзя было изменить положения конституции, касавшиеся личных свобод и народа как верховного носителя власти в государстве (§88). Также сохранялось и количество членов парламента — 100 человек (§36), хотя объектом критики в предыдущем проекте со стороны как левых, так и «вапсов» было именно недостаточное сокращение количества депутатов. Институт президента республики остался практически неизменным по сравнению с поправками 1932 г. — правда, теперь президента его можно было привлечь к ответственности за любые преступления, но для вынесения импичмента требовалось $\frac{2}{3}$ голосов парламентариев (§67) [2, f. 4396, п. 1, s. 39, l. 1–9].

Результаты второго референдума стали разгромными для парламента и правительства страны — «за» высказалось 32,7 % (161 595 чел.), «против» — 67,3 % (333 107 чел.). Безусловно, как писала газета «вапсов» «Борьба» (*Võitlus*), подобное развитие событий стало выражением крайнего недоверия парламенту [21], а единственным дальнейшим шагом могло стать только вынесение проекта поправок «вапсов» на всеобщий референдум, что и было сделано уже 29 июня 1933 г. [2, f. 80, п. 5, s. 2038, l. 32]. Как и в случае первого всенародного голосования, успешный второй референдум теоретически мог разрядить обстановку в эстонском обществе и сгладить амбиции «вапсов», однако поспешный характер разработки поправок и затяжные правительственные кризисы гарантировали провал второго конституционного проекта.

В преддверии референдума по их собственному проекту «вапсы», формально оставаясь лишь общественной организацией, окончательно стали неотъемлемой частью и одной из движущих сил внутренней политики Эстонии. Следует отметить, что вторжение «вапсов» на политическую арену в качестве «третьей силы» не было полностью их инициативой — вплоть до 1931 г. Эстонский союз участников Освободительной войны оставался сугубо ветеранской организацией, занимавшейся решением проблем и защитой прав участников войны за независимость Эстонии [20]. В начале 1931 г. К. Пятс и Я. Тыниссон, недовольные медленными темпами разработки конституционных поправок в парламенте, вели переговоры с лидерами «вапсов» и искали их поддержки по части агитации за скорейшее изменение основного закона страны [19, l. 27]. Первые результаты не заставили себя долго ждать — конституционный вопрос был поднят уже на втором конгрессе «вапсов» в марте 1931 г., параллельно с жесткой критикой действующего

государственного строя [2, f. 1, n. 7, s. 124, l. 3]. Однако «вапсы» не остановились на умеренных политических заявлениях — на третьем конгрессе в марте 1932 г. они окончательно трансформировались в полноценное политическое движение, открыв членство в организации для всех желающих [10, l. 91]. С этого момента «вапсы» лишь набирали политический вес — вели активную агитацию, разработали и представили свой собственный проект поправок в конституцию, постоянно противостояли левым силам, публиковали материалы националистического характера. Вместе с тем они не были похожи на обычных представителей эстонской политики — структура организации оставалась авторитарной, члены движения носили военную форму, отличительные нарукавные повязки, использовали вариацию «римского салюта», проводили громкие марши и шествия с мощной националистической и антимарксистской риторикой. Подобный образ безусловно сыграл свою роль — движение «вапсов» часто рассматривается в контексте общеевропейского феномена фашизма [22, p. 262; 1, с. 554], однако при детальном анализе их идеологических установок можно выделить и ряд ключевых различий с классическим фашизмом [3].

В последние месяцы перед третьим референдумом политическое противостояние достигло своего апогея — с одной стороны «вапсы» развернули масштабную пропагандистскую кампанию в пользу поправок, при этом в поддержку принятия законопроекта высказались Пятс (от имени Крестьянского собрания) и Йохан Лайдонер, видный деятель Освободительной войны [7, l. 47]. С другой стороны, с резкой критикой проекта поправок выступали социалисты, а уличные столкновения между агитаторами левых и «вапсов» стали повсеместными. Активно поправкам противодействовало и правительство Тыниссона — в августе в стране было введено чрезвычайное положение [15], а деятельность организации «вапсов» была формально запрещена (на практике движение продолжило свою бесперебойную работу благодаря общественной поддержке) как «угрожающая демократическому строю страны» [2, f. 1, n. 7, s. 124, l. 1]. Правительство Тыниссона также предприняло попытку избежать референдума и вместо этого усилить исполнительную власть исключительно посредством парламентского законопроекта — однако так называемый «проект Пийпа» (назван по имени своего автора Антса Пийпа) не нашел поддержки у парламента, а его легальность была подвергнута сомнению [10, l. 231]. Последней попыткой правительства и парламента помешать успешному воплощению «вапсовского» проекта в жизнь стало очередное изменение закона о выборах — для успешного референдума была необходима явка как минимум 50 % избирателей, при этом данный законопроект был принят всего за 10 дней до голосования [16]. Впрочем, все вышеперечисленные действия правительства и парламента не встретили никакого понимания среди эстонской общественности и лишь способствовали продолжающемуся росту недоверия к действующей власти.

Несмотря на мощную поддержку накануне третьего референдума, конституционный проект «вапсов» подвергся жесткой критике сразу

после его представления в 1932 г. Поправки «вапсов» были раскритикованы как дилетантские, необдуманные и диктаторские; Пятс позднее охарактеризовал проект как «написанный на коленке» [7, л. 40]. Следует отметить, что подобная критика не была безосновательной — среди «вапсов» не было профессиональных юристов или искушенных политиков, в большинстве своем это были бывшие военные с минимальным политическим опытом и лишь формальным высшим образованием. Отчет Министерства юстиции, представленный в парламенте 25 ноября 1932 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 11–17], отмечал целый ряд изъянов в конституционном проекте — от чисто технических помарок и мелких несостыковок, до полноценных логических изъянов и бессмысленных с юридической точки зрения изменений. Так, например, в проекте «вапсов» 38-й параграф конституции о несовместимости должностей оставался неизменным, что теоретически позволяло президенту назначать чиновников из числа членов парламента, объединяя исполнительную и законодательную ветвь власти. По необъяснимой причине, в отличие от предыдущих двух проектов, был увеличен срок выборов нового парламента в случае досрочного роспуска предыдущего — с 2 до 6 месяцев. В отчете Министерства юстиции отмечалось, что досрочные выборы представляли собой попытку оперативно разрешить внутривластический кризис, однако полугодовой срок был абсолютно нелогичным затягиванием процесса (§39). Все юридические ошибки, обозначенные в этом отчете, не были исправлены и на всеобщий референдум проект поправок выносился в оригинальном виде [Ibid., л. 33].

«Вапсовская» конституция сохраняла ряд идей второго парламентского проекта — так, в рамках государственной экономии конституционно урезались депутатские выплаты, и теперь зарплату предполагалось выплачивать исключительно во время парламентской сессии (§51). Закреплялась добровольность участия в любых выборах (§29). Несмотря на то что «вапсы» активно критиковали второй проект поправок за чересчур размытую идею «личного мандата» для членов парламента, «вапсовский» проект в данном вопросе был полностью идентичен правительственному со второго референдума (§36 и §76).

Что же касается критики поправок как чересчур «диктаторских», действительно нельзя не отметить чрезмерное усиление исполнительной власти в сравнении с парламентскими проектами. Так, количество членов парламента сокращалось до 50, вновь закреплялась только одна обязательная сессия парламента вместо двух, при этом ограничивалась ее длительность — максимум полгода. Президент получал возможность прервать сессию досрочно (§41), а также де-факто право абсолютного вето — оно могло быть преодолено исключительно в отношении законопроектных, оговоренных статьей 34 конституции (бюджет, налоговое законодательство, решения об объявлении войны и заключения мира, международные договоры, регуляция чрезвычайного положения и военной мобилизации), при условии, что парламента внесет в законопроект требуемые президентом изменения или же парламента следующего созыва вновь примет законопроект без изменений. В отношении ос-

тальных законопроектов, не относящихся к 34-й статье конституции, никаких уточнений не было дано, то есть на практике президент мог наложить на них непреодолимое вето (§53). Декреты президента приобрели абсолютный характер и немедленно вступали в силу без одобрения парламента. Согласно формулировке, они могли быть «отменены парламентом или Государственным Старейшиной», однако четко процедура отмены обозначена не была. По крайней мере декреты по-прежнему не могли изменять законодательство в сфере референдумов, выборов и бюджета (§60). Был расширен перечень сфер, в рамках которых указы президента не требовали подтверждения в виде подписи министра: президент единолично принимал решения о досрочных выборах в парламент, прерывании парламентской сессии и т.д. (§61). Теоретически правительство имело возможность отказать исполнять любое постановление президента, если коллегиально принимало решение о его незаконном характере. Тем не менее подробно процесс действий в данном случае не был описан (§62). Процедура импичмента также не детализирована, зафиксировано только полномочие парламента инициировать импичмент (§67). Таким образом, согласно «вапсовскому» проекту исполнительная ветвь власти действительно получала несоизмеримо широкие полномочия, которые едва ли были уравновешены инструментами законодательной или судебной власти. В то же время демократические основы конституции (так, референдумы и законы о выборах и народной инициативе были совершенно неподвластны президенту) оставались неприкосновенными, что исключало возможность установления режима личной диктатуры законным путем. Эстонский историк Пеетер Кенкманн, настаивает на том, что Пятсу пришлось прямо нарушить ряд положений конституции для установления своего авторитарного режима [8].

Третий референдум, прошедший 14–16 октября 1933 г., закончился триумфом «вапсов» — большинство населения однозначно высказалось за предложенный ими вариант конституции — 72,7% (416879 чел.) избирателей высказалось за него, при этом явка была даже выше, чем во время второго народного голосования [5, l. 164–166]. Конституция вступила в силу 24 января 1934 г. [2, f. 80, n. 5, s. 2038, l. 45–46], но действовала только два месяца. Политические волнения в обществе не утихли — вдохновленные успехами «вапсы» приняли решение участвовать в президентской гонке, выдвинув в качестве кандидата своего лидера — генерала Андерса Ларку. Все еще формально внепарламентская организация де-факто была преобразована в полноценную политическую партию (иронию ситуации, когда фанатичные «антипарламентарии» стали частью того, что так долго критиковали, оценили многие современники) и даже приняла участие в местных выборах, показав неплохие результаты. По расчетам эстонских исследователей Я. Валге и М. Гортфельдера [5, l. 170], на парламентских выборах при наиболее благоприятных условиях «вапсы» теоретически могли получить треть мест в парламенте. Что же касается президентской гонки, то, несмотря на популярность «вапсов» в обществе, Ларка был недостаточ-

но харизматичным кандидатом и явно уступал в популярности и народной поддержке генералу Йохану Лайдонеру, выдвинутому от Партии поселенцев [Ibid., l. 167–170]. В любом случае лично у Пятса шансов получить заветную должность, к которой он стремился всю свою политическую карьеру и введение которой продвигал уже с 1920-х гг., практически не было, что, вероятно, послужило одной из причин дальнейших событий.

Двенадцатого марта 1934 г. (выборы президента должно были состояться 22–23 апреля) Пятс, временно исполнявший обязанности главы государства согласно новой конституции, объявил в стране чрезвычайное положение [14]. Опираясь на армию под руководством Лайдонера, с которым Пятс вступил в сговор, он начал облавы на членов движения «вапсов» по всей стране, а сама организация была запрещена и обвинена в подготовке фашистского переворота. Тем не менее на практике авторитарный захват власти был осуществлен непосредственно Пятсом – выборы были бессрочно отложены, с осени 1934 г. парламент не созывался, а сам политик получил неограниченные диктаторские полномочия – началась «Эпоха молчания», личная диктатура Пятса, окончившаяся в 1940 г. вхождением Эстонии в состав СССР [7, l. 98–107].

Можно резюмировать, что второй проект поправок действительно слишком далеко отходил от общей идеи об усилении исполнительной власти страны, так что его провал на референдуме вполне объясним. В то же время первый и третий конституционные проекты действовали на одинаковых основаниях с точки зрения общей идеи усиления исполнительной власти. Хотя третий проект и закреплял конституционно идею «личных мандатов», фактически подобного можно было добиться и в случае принятия первого проекта, так как конституционно закреплялись только «всеобщие, равные, тайные и прямые выборы по пропорциональной системе», а все остальные аспекты, в том числе и введение индивидуальных списков, регулировались законом о выборах. Что же касается усиления исполнительной власти, то первый проект подходил к данному вопросу с достаточно умеренной позиции, в то время как третий предоставлял президенту чрезмерно широкие полномочия, одновременно отличаясь рядом юридических ошибок и недоработок, позволявших множественное толкование отдельных положений конституции. Последним серьезным отличием стало количество членов парламента, однако разницу в 30 мест при однопалатном парламенте едва ли можно считать существенным основанием для отказа от проекта в целом.

Таким образом, неудача первого проекта поправок не привела к выработке более лучшего варианта конституции и разрешению внутривластных проблем в эстонском обществе. Наоборот, политические конфликты лишь обострились, а новая конституция была примером чрезмерно усиленной президентской власти, а также характеризовалась рядом юридических погрешностей. Прямым следствием политического кризиса стала утрата страной и демократического строя и,

косвенно, независимости в будущем. Безусловно, огромную роль в событиях сыграла беспрецедентная пропаганда и агитация всех задействованных политических акторов — более пристальное изучение данных процессов является перспективной темой для будущих исследований.

Список источников и литературы

1. *История Эстонской ССР*. Таллин, 1953.
2. *Национальный архив Эстонии (Eesti rahvusarhiiv)*.
3. *Смирнов М.* Эстонский союз участников Освободительной войны в 1929–1934 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, №5. С. 24–34. doi: 10.37482/2687-1505-V371.
4. *Varrak T.* Estonia: Crises and 'Pre-Emptive' Authoritarianism // *Conditions of Democracy in Europe, 1919–1934* / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills, 2000. P. 106–129.
5. *Gortfelder M., Valge J.* Eesti ühiskonna poliitilised hoiakud murranguaastatel 1932–1934 // *Ajalooline ajakiri*. 2018. №2/3. L. 145–173.
6. *Graf M.* Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934, koos eellooga (1905–1917) ja järellooga (1934–1940). Tallinn, 2000.
7. *Kasekamp A.* The radical right in interwar Estonia. Houndmills, 2000.
8. *Kenkmann P.* Kas 1933. aasta põhiseadus lubas autoritaarset valitsemist? // *Tuna-Ajalookultuuri ajakiri*. 2009. №3. L. 42–49.
9. *Mägi A.* Kuidas valitseti Eestis. Tõrvik, 1951.
10. *Marandi R.* Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. Stockholm, 1991. O. 1 : Legaalne periood (1929–1934).
11. *Marandi R.* Valitud artikleid eesti riigist ja poliitikast. Tallinn, 2007.
12. *Pajur A.* Kolm murdepunkti Eesti sisepoliitikas 1918–1934 // *Tuna-Ajalookultuuri ajakiri*. 2008. №1. L. 6–16.
13. *Riigi Teataja*. 1933. №19.
14. *Riigi Teataja*. 1934. №22.
15. *Riigi Teataja*. 1933. №69.
16. *Riigi Teataja*. 1933. №81.
17. *Riigikogu V* koosseis: täielikud protokollid: II istungjärk. [Tallinn], 1933.
18. *Ruusmann A.* Eesti Vabariik 1920–1940: sisepoliitiline areng. Tallinn, 1997.
19. *Valge J.* Tee teise rahvahääletuseni 1932. aastal // *Tuna*. 2017. №2. L. 20–36.
20. *Võitlus*. 1931. 1. mai.
21. *Võitlus*. 1933. 15. juunist.
22. *Weyland K.* Assault on democracy. Communism, fascism, and authoritarianism during the interwar years. Cambridge, 2021.

Об авторах

Максим Смирнов — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0003-6850-0730

E-mail: maksmirn@inbox.ru

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-7781-4163

E-mail: iliamaks@mail.ru

M. Smirnov, I. P. Maksimov

CONSTITUTIONAL CRISIS IN THE REPUBLIC OF ESTONIA
IN 1932 – 1934

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 10 June 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8

104

To cite this article: Smirnov M., Maksimov I.P. 2025, Constitutional crisis in the Republic of Estonia in 1932 – 1934, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 91 – 104. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-8.

In the early 1930s, the Republic of Estonia faced serious economic problems, and the country's political forces proved unable to cope with the challenges of the crisis period. The flaws of the political system were embedded at the constitutional level, which forced the parliament to initiate the process of drafting amendments to the country's fundamental law. In 1932 – 1933, three nationwide referenda were held: two constitutional drafts prepared by the parliament were deemed unsatisfactory by the population, after which preference was given to an extra-parliamentary draft of amendments, which ultimately proved fatal for democracy in the country. Against the backdrop of the upcoming presidential elections, Konstantin Päts, temporarily acting as president under the new constitution, carried out a coup d'état. This article examines all three constitutional drafts submitted to general referendums. The process of drafting amendments in each case is analyzed, the nature of the proposed changes is determined, and the consequences of each referendum are assessed. According to the authors, the amendments submitted in the first referendum were more competent and well-considered than those presented in the third referendum, and the failure of the original amendments resulted from the active propaganda of certain actors rather than from the nature of the amendments themselves. Moreover, the article argues that the delay in resolving the constitutional issue ultimately led to irreversible consequences, including a military coup and the establishment of Päts' personal dictatorship.

Keywords: constitutional crisis, first Republic of Estonia, Estonia, referendum

The authors

Maksim Smirnov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0003-6850-0730

E-mail: maksmirn@inbox.ru

Dr Ilja P. Maksimov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-7781-4163

E-mail: iliamaks@mail.ru

И. А. Ушпаров

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПЕРИОД
КОММЕМОРАЦИИ ГОДОВЩИН ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ**

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 19.02.2025 г.

Принята к публикации 30.09.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-9

105

Для цитирования: *Ушпаров И. А.* Региональная политика памяти в период коммеморации годовщин исторических событий в Республике Ингушетия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 105–120. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-9.

Проанализирована региональная политика памяти в Республике Ингушетия на примере коммеморации 80-летия депортации ингушского народа и 100-летия образования ингушской государственности. Используя акторно-ориентированный подход, основанный на работах М. Бернхарда и Я. Кубика, и дискурс-анализ, автор исследует, как различные акторы формируют и продвигают конкурирующие нарративы о прошлом. Установлено, что нарратив о депортации 1944 г. консолидирует ингушское общество, позволяя региональным акторам поддерживать дискурс «жертвы» и сохранять память о травме через дискурсивные практики и другие каналы, включая образование и мемориальную инфраструктуру. Напротив, память об ингушской государственности поддерживается как региональными, так и федеральными акторами. Этот нарратив исключает упоминания о трагических событиях и фокусируется на социально-экономическом благополучии региона и его интеграции в Россию. Празднование годовщины ингушской государственности встраивается в логику общегосударственного нарратива и поддерживается через организацию культурно-массовых мероприятий, направленных на популяризацию региона, а также через строительство памятников героям Великой Отечественной войны. Показано, что, несмотря на то что в республике формируется «консолидированная» модель памяти, ее содержательная и институциональная среда различается в зависимости от конфигурации и стратегий акторов.

Ключевые слова: депортация, дискурс, ингушская государственность, коммеморация, мнемонические акторы, политика памяти

Введение

В 2024 г. Ингушетия отметила годовщины двух важных для региона событий. Во-первых, исполнилось ровно 80 лет со дня массовой ссылки ингушского народа в Среднюю Азию и Сибирь. Во-вторых, республика отпраздновала 100-летний юбилей образования Ингушской автономности в составе РСФСР. Эти события до сих пор остаются значимыми

для ингушской идентичности и востребованными для региональной политики памяти. Празднование ингушской государственности активно поддерживает федеральная власть. Еще в декабре 2023 г. В. Путин подписал указ о проведении культурно-массовых мероприятий по случаю празднования годовщины. К этой инициативе присоединились различные правительственные ведомства, которые занимались вопросом реализации плана мероприятий как внутри региона, так и за его пределами.

В академической литературе региональные измерения политики памяти становятся одним из ключевых направлений в исследованиях коллективной памяти. В частности, в материалах сборника «Политика памяти в России — региональное измерение» эта тема занимает особое место — подчеркивается необходимость дальнейшего изучения моделей обращения акторов с локальным «неудобным» прошлым [30]. Более того, особый научный интерес в рамках данной проблемы возникает по отношению к тем регионам, в которых наблюдается конкуренция между государственными и региональными нарративами [3, с. 192]. Подобные столкновения часто перерастают в культурные (мемориальные) войны как между группами, так и с государством в целом. Например, Северный Кавказ является таким регионом, где память о прошлом носит этноцентричный характер, а различные группы активно борются за репрезентацию собственного регионального нарратива [23, с. 336].

В некоторых регионах России локальные акторы обладают частичной автономностью от федеральной власти в использовании нарратива, в центре которого стоят местные истории. Особенно если они не противоречат государственным представлениям о прошлом. Центральная власть в основном занимается конструированием национального «мифа» (к примеру, Великая Отечественная война). Для этого она создает различные организации (Российское военно-историческое общество, региональные отделения «Единой России», «Молодая гвардия Единой России» и др.) для встраивания мифа в структуру региональной политики памяти [37, с. 391].

Память о депортации остается опорой этнической идентичности многих народов, включая ингушей. В республике акторы уделяют особое внимание увековечению памяти жертв депортации. В 2024 г. в Ингушетии власти совместили коммеморации двух юбилейных дат в одном публичном пространстве. От конфигурации акторов и выбранных стратегий по использованию прошлого зависит режим памяти. Акторы наполняют его конкурирующими смыслами, что усложняет процесс выработки единого подхода к памяти. Анализ механизмов, сходств и различий во взаимодействиях акторов с локальными и общегосударственными нарративами задает особую актуальность исследования.

Режим памяти о региональном прошлом: акторно-ориентированный подход

Региональные акторы активно используют память о прошлом для решения поставленных задач, включая поиск идентичности и легитимации принятого политического курса [41, р. 9]. Конфигурация акто-

ров, борющихся за утверждение того или иного нарратива, в разных случаях различается. Региональные акторы взаимодействуют с памятью о прошлом и распространяют ее с помощью различных инструментов политики памяти. Среди них исследователи выделяют формирование публичного дискурса, мемориальную политику, законодательное регулирование, организацию памятных мероприятий и многие другие [5; 25; 42; 43].

М. Бернхард и Я. Кубик в своей работе изучили основные модели политики памяти в период празднования 20-летней годовщины падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы. Исследователи пришли к выводу, что на разницу в режимах памяти наряду с набором акторов влияют и их стратегии по конструированию и использованию нарратива. В работе под режимом памяти понимается «доминирующая модель политики памяти, которая существует в обществе в данный конкретный момент времени относительно конкретного и имеющего большое значение события или цепочки событий» [40, р. 4]. Применяемый акторно-ориентированный подход позволяет не только обнаружить разницу между режимами, но и выявить степень влияния институциональных (структурных) факторов на поведение основных мнемонических сил. Как пишет О. Русакова, в отличие от большинства подходов, данный способ дает возможность не только изучить смысловое содержание нарративов, но и обнаружить новые причинно-следственные связи, которые необходимы для проведения будущих сравнительных исследований в данной области [33].

В зависимости от набора акторов существуют три основных режима политики памяти. Раздробленный (*fractured*) режим состоит из мнемонических борцов (*mnemonic warriors*). Они защищают собственную версию исторического прошлого, исключая ее альтернативные версии из публичного пространства. В сегментированном (*pillarized*) режиме памяти плюралисты (*mnemonic pluralists*) и уклонисты (*mnemonic abnegators*) формируют компромиссную модель обращения с памятью о прошлом. Присутствие постоянного публичного диалога, необходимость переоценки нарративов, размывание границ между «мы» и «другими», признание равного доступа к конкурирующим версиям памяти — отличительные признаки данного режима. В этом случае группы способны договориться о едином пространстве памяти, в котором будут учтены все основные нарративы [41, р. 13]. В консолидированном (*unified*) режиме памяти отсутствуют явные мнемонические конфликты, но сосуществуют две противоположные друг другу стратегии акторов. С одной стороны, наличие консенсуса в обществе вокруг интерпретации событий не требует пересмотра исторического прошлого со стороны власти. Акторы используют эту возможность и воспроизводят один и тот же нарратив из года в год, при этом получая гарантированную массовую поддержку. Их мы обозначим термином *солидаристы*¹. С другой стороны, воображаемый консенсус в обществе может наблю-

¹ Данный термин я ввожу самостоятельно, чтобы избежать путаницы в изначально заданной типологизации акторов.

даться из-за политики забвения, предпринимаемой властью во избежание разговоров о «неудобном прошлом». Из-за страха будущей эскалации конфликта и национализации дискурса акторы отдалают себя от возможных политических рисков [Ibid., p. 17]. В таком случае основным типом акторов выступают *уклонисты*.

Режимы политики памяти изучаются в период годовщин исторических событий. Это позволяет глубже проанализировать процессы взаимодействия акторов с памятью о прошлом в течение всего года [24, с. 21]. В работе основное внимание концентрируется вокруг режимов политики памяти по поводу 80-летней годовщины депортации и о 100-летия со дня образования Ингушской автономной области — режимов, касающихся институциональных, дискурсивных и мемориальных аспектов культурной памяти. С помощью метода кейс-стади был проведен дискурс-анализ (frame discourse analysis), в рамках которого изучались не только способы взаимодействия с нарративами, но и их смысловые содержания. Для этого были собраны материалы из региональных печатных и электронных СМИ (общереспубликанская газета «Сердало»), освещавших официальные культурно-памятные мероприятия в 2024 г. В дополнение к ним были использованы посты из телеграм-каналов мнемонических акторов, особо задействованных в политике памяти в регионе. Всего было проанализировано 30 материалов за рассматриваемый период.

Нарратив о 100-летию образования ингушской государственности в региональном публичном пространстве

Седьмого июля 2024 г. Ингушетия официально отметила сто лет со дня образования Ингушской автономии в рамках РСФСР. Федеральный центр и региональная власть принимали активное участие в организации различных мероприятий в течение всего календарного года. Помимо подписанного в декабре 2023 г. президентского указа еще в апреле 2021 г. был создан федеральный организационный комитет по подготовке к празднованию юбилейной даты. В его задачи входила выработка плана культурно-памятных и массовых мероприятий. К этому комитету присоединились другие региональные организации.

В 2021 г. в газете «Сердало» вышла статья об истории ингушской государственности, материалы которой в начале 2024 г. стали воспроизводить заново [20]. В статье встречаются сюжеты, отражающие трагические этапы истории ингушского народа. Депортация занимает центральное место в сюжете, который определяется как «насильственное выселение ингушей и чеченцев с мест проживания в Казахстан и Среднюю Азию» [Там же]. Особое место занимает концепт «несправедливости» вынесенного решения о судьбе народа, который героически защищал свою Родину во время Великой Отечественной войны. Другим таким трагическим событием стал территориальный спор с Северной Осетией. В статье указано, что передача территории Пригородного и

части Малгобекского районов после депортации народа воспринимается ими как «уступка в пользу Северо-Осетинской АССР» [Там же]. Однако в нарративе не встречается история об осетино-ингушском конфликте 1992 г., который до сих пор считается незавершенным из-за сохранившихся в дискурсе и мемориальном пространстве территориальных претензий [36]. Вместо этого в статье упоминается закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» 1992 г. как знаковое событие того десятилетия.

Закон «О реабилитации репрессированных народов», который «поставил точку над всеми репрессивными актами насильственных переселений народов СССР» [20], также считается важным этапом в истории современной республики. В период мобилизации национальных движений, которые требовали проведения полной территориальной реабилитации, создание ингушской государственности является логическим продолжением стремления народа «к укреплению России и сохранению своей государственности в Российском конституционном пространстве» [Там же]. Статья завершается мыслью о необходимости празднования 100-летия не только на республиканском уровне, но и на общегосударственном с целью ознакомления граждан России «со всеми культурно-экономическими достижениями ингушского народа в различных областях» [Там же].

Всё же на этом упоминания о депортации заканчиваются, поскольку основное внимание теперь обращено к состоянию республики в настоящее время. Седьмого июля 2024 г. М.-А. Калиматов отметил значимость праздника, подчеркнув благополучное экономическое и социальное развитие Ингушетии [21]. Лидеры соседних республик также поздравили Ингушетию с юбилеем. Р. Темрезев, глава Карачаево-Черкесии, в своем телеграм-канале отметил, что Ингушетия является успешно развивающимся регионом России с большим социально-экономическим потенциалом [38]. Лидеры Чечни, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии также обратились в этот день к ингушскому народу. Смысловое содержание их публичных высказываний совпадает с нарративом о социально-экономическом положении региона. В. Путин также поздравил Ингушетию со 100-летним образованием государственности. В своем обращении президент подчеркнул, что 1924 год стал ключевым для дальнейшего «социально-экономического развития региона, сохранения языка, самобытного культурного и духовного наследия народов, живущих здесь» [29]. Ю. Чайка и М. Зязиков также выразили надежду на дальнейшее процветание республики.

Помимо взаимодействия с дискурсом были проведены Дни ингушской культуры в Москве, во Владимирской области и в других регионах. Для организации подобных проектов были привлечены заслуженные деятели культуры, которые продолжали транслировать идею объединения народов России. К примеру, Р. Газдиева подчеркнула, что Дни ингушской культуры направлены на «сближение российских народов, укрепление взаимопонимания между ними и развитие сотрудничества в деле сохранения и продвижения национального культурного наследия России» [27]. Более того, отмечая свою 254-летнюю

годовщину «единения» с Россией, региональная власть закрепляет нарративы о длительной исторической связи и дружбе [2]. В дополнение к этому почта РФ также выпустила в честь 100-летия государственности Ингушетии марку, на которой изображены официальные символы республики [32]. Также в стране появились новые баннеры, информировавшие о годовщине исторических событий [10]. Таким образом, особое внимание со стороны лидеров соседних республик, федеральных чиновников, президента РФ В. Путина расширяет дискурсивное пространство памяти об историческом событии, выходя за пределы региона и выстраивая новые культурные связи.

Среди региональных акторов стоит принять во внимание роль различных министерств и комитетов. Они приняли активное участие в разработке и организации культурно-массовых мероприятий, не связанных с процессом коллективного припоминания. Однако их деятельность была направлена на улучшение туристической инфраструктуры и культурной привлекательности региона. В частности, Министерство по молодежной политике и туризму организовало массовое восхождение на Столовую гору для привлечения путешественников [18], а Министерство культуры открыло выставку, на которой представлены лучшие работы по изготовлению национального войлочного производства. Посетители имели возможность познакомиться с древними мастерскими и искусством плетения изделий. Целью данных мероприятий было привлечение внимания не только ингушей, но и других народов, живущих за пределами региона, к культуре и истории республики [1].

Музеи и университеты также формируют и распространяют нарратив посредством организации культурно-просветительских и образовательных акций. Государственный музей изобразительных искусств Республики Ингушетия открыл выставку ингушских художников, на которой посетители могли полностью «погрузиться в атмосферу прошлого», — писала директор музея Л. Тумгоева [14]. Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Чаха Ахриева совместно с Ингушским госуниверситетом и Государственной архивной службой при поддержке правительства республики подготовили научную конференцию «Национально-государственные образования в России: история и современность», на которой обсудили важные вопросы истории и перспективы развития региона [19]. «Молодая гвардия Единой России» (МГЕР) как общественно-политическая структура также помогала в продвижении нарратива о 100-летнем юбилее [4]. В ее задачи входило не только сотрудничество с региональными и местными акторами, но и активное вовлечение молодежи в массовые акции, посвященные важной дате.

Взаимодействие с мемориальным пространством также является одним из инструментов региональной политики памяти. В юбилейный год были открыты и обновлены памятники, являющиеся частью культурно-исторического наследия. Акторы, удревяя историю народа и региона, сохраняют особую ценность культурного наследия Ингушетии. Реставрация склепа в башенном комплексе «Меллери» [11], а также

ремонтные работы по обновлению башенного комплекса Фуртоуг [7] являются наиболее показательными примерами сохранения исторической памяти, которые не касаются темы коллективных травм (сталинских репрессий, войны или осетино-ингушского конфликта), а направлены на повышение туристической и культурной привлекательности республики.

В последние годы власти Ингушетии активно поддерживают государственный нарратив и стимулируют открытие памятников, посвященных героям Великой Отечественной войны [12]. В канун 9 мая был открыт памятник защитникам Отечества, установка которого входит в логику «подготовки к 100-летию со дня образования ингушской государственности». Несмотря на то что в республике продолжается дискуссия об изменении памятных дат, за последние несколько лет увеличился запрос на дальнейшее строительство памятников и других культурных объектов, посвященных Великой Отечественной войне. Это не мешает органам региональной власти и другим мнемоническим акторам продвигать собственные коммеморативные практики, посвященные региональным трагедиям (депортации 1944 г. или конфликта вокруг Пригородного Района).

Нарратив о 80-летней годовщине депортации 1944 г. в публичном пространстве Ингушетии

Депортация, осуществленная 23 февраля 1944 г., является важным историческим событием для ингушского народа. В ежегодных обращениях у главного мемориального комплекса «Девять Башен», М.-А. Калиматов представляет этнический нарратив о трагических событиях. Как отмечает глава республики, «время не лечит боль, причиненную этим горем — наши сердца и сегодня переполнены печалью» [22]. Ингуши определяются как «безвинные жертвы» репрессивной политики. В то время как они сражались на фронте и защищали родину, народ был «кощунственным образом выслан в Среднюю Азию и Казахстан». Решение о депортации также было «несправедливым» и лишило возможности спокойно жить на земле своих «предков». М.-А. Калиматов призывает помнить тех, кто «пал жертвой беззакония, кто лишился возможности снова увидеть свой дом». В своем телеграм-канале он неоднократно подчеркивал солидарность с другими пострадавшими народами Северного Кавказа, которые также «прошли страшное испытание» и столкнулись с «массовыми репрессиями» [17]. Обращение к опыту соседних групп формирует общую коллективную травму, которая расширяет территориальные и культурные границы. Во время коммеморации 80-летия со дня депортации присутствовали не только члены ингушской элиты, но и представители религиозных, культурных и общественных учреждений, а также местные жители.

Двадцать третьего февраля в Ингушетии одновременно отмечают День Защитника Отечества и вспоминают жертв депортации 1944 г. После общественного резонанса в 2019 г. региональные власти разграничивают мероприятия. Несмотря на то что в республике продолжают дискуссии о переносе дня памяти жертв, региональная власть

продолжает активно поддерживать нарратив и защищать его. Во время своего выступления в 2024 г. М.-А. Калиматов предположил, что дата высылки была выбрана неслучайно. По его мнению, «это было сделано с целью обесценить прежние заслуги наших земляков, поддерживающих Россию» [35]. Подобная интерпретация, отвечающая официальному дискурсу, встречается нередко.

Взаимодействие со свидетельствами жертв депортации также является важным источником конструирования памяти о трагических событиях. В газете «Сердало» вышел большой материал «Черный снег» с интервью очевидцев. Они были опубликованы благодаря сотрудничеству с Государственным архивом Ингушетии. Смысловое содержание и структура этих нарративов соотносится с ежегодными обращениями и посланиями региональных акторов. Сквозь личные истории (biographical narratives) люди подробно смогли описать «боль, страдание и ужасы потери близких» [13]. Апелляция к подобной живой трагичной форме памяти является одним из ключевых инструментов закрепления и распространения необходимых интерпретаций прошлого в общественном сознании. Региональные акторы активно используют его для подчеркивания значимости трагических событий для настоящего времени.

Среди других инструментов политики памяти особо можно выделить взаимодействие акторов с образовательными учреждениями. В 2024 г. Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия проводило конкурс среди учащихся 7–11-х классов школ республики на лучший очерк, посвященный депортации 1944 г. [26]. По условиям конкурса работа должна быть написана исключительно на ингушском языке, а лучшие из них предполагалось разместить в региональных СМИ. В Положении к конкурсу отмечалось, что мероприятие направлено на «консолидацию населения; повышение интереса и стремления к знаниям об истории народа; гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения; укрепление национального самосознания» [31]. Конкурс был проведен, но на момент публикации статьи очерки победителей так и не были опубликованы.

Стоит отметить, что тема памяти о депортации занимает особое место в воспитательной работе образовательных учреждений. В одной из школ города Магас состоялся показ спектакля «Паспорт», в котором активно участвовали учащиеся 6–11-х классов. Структура нарратива совпадала с описаниями, которые можно встретить как в свидетельствах очевидцев, так и в выступлениях региональных акторов. В одной из сцен был показан драматический эпизод выселения ингушской семьи из своего родного дома. Сотрудники НКВД олицетворяли тех, кто способствовал проведению массовой депортации местных жителей из деревни. Действия происходили за черной ширмой, на которой были размещены постеры со следующими словами: «Людоеды. Враги народа». В советский период этот статус распространился и закрепился в

общественном сознании на долгие годы даже после реабилитации в 1957 г. Помимо самого спектакля учащиеся читали стихи и исполняли ингушские песни. В них упоминаются истории «о невинных людях, которых ровно 80 лет назад насильно заставили покинуть земли предков» [39].

Другие государственные институты также используют память о депортации в просветительской и воспитательной деятельности. Эксперты музея «Мемориальный комплекс жертвам репрессий» ежегодно организуют акцию «44–57» для школ и других образовательных учреждений. Сотрудники музея проводят интерактивные уроки с целью познакомить слушателей с правдивой историей депортации ингушей 1944 г. [8]. В Республиканском доме народного творчества им. заслуженной артистки России К. А. Евлоевой был организован литературно-музыкальный вечер «Мы помнить все должны». Программа включала выступления различных деятелей культуры и науки, а также представителей общественных объединений. Для оформления выставки использовались рисунки школьников, посвященные депортации 1944 г. По словам организаторов, основное смысловое содержание вечера заключалось в транслировании этнической версии трагических событий на фоне вспоминания героических страниц истории ингушского народа. Доминирующим фреймом стала виктимизация народа, который «подвергся сталинскому произволу и был поголовно депортирован в Казахстан и Среднюю Азию» [15].

Визуальное сопровождение выставки продолжилось «трагическими страницами депортации и сталинского геноцида ингушского народа» [Там же]. Термин *геноцид* употребляется редко в публичном дискурсе, однако подобную интерпретацию событий можно встретить в период 1990-х гг. по отношению к конфликту вокруг Пригородного района 1992 г. Трагические события оказываются связаны друг с другом. Память о депортации жива, а боль, связанная с трагедией, «до сей поры откликается в сердцах людей» [Там же]. В честь юбилейного 2024 года организаторы высказались и об образовании ингушской государственности, призвав жителей помнить об успехах в социально-экономическом, культурном и духовном развитии региона. Завершился концерт чтением молитв о жертвах трагических событий.

Региональные акторы являются доминирующими игроками, которые активно защищают местный нарратив. Тем не менее федеральное правительство через различные ведомства и организации принимает неформальное участие в региональной исторической политике. Через МГЕР молодежь активно вовлекается в процесс коммеморации 80-летия ингушской депортации [34]. Секретарь регионального отделения «Единой России» М. Тумгоев в своем телеграм-канале отметил, что депортация была тяжелым периодом «сталинских репрессий, которые продолжались даже в период Великой Отечественной войны» [28]. Решение о депортации было несправедливым, а многие пострадавшие народы испытали «тяготы и лишения» и понесли «невосполнимые потери».

Более того, в обращении подчеркивался трагизм событий через героизм чеченского и ингушского населения на фронте и в тылу. «В то же время, когда старики, женщины и дети работали в изгнании, тысячи мужчин-ингушей и чеченцев самоотверженно сражались с фашистскими захватчиками на всех фронтах», — отмечал М. Тумгоев [Там же]. Тем не менее, указывал он, несмотря на пройденные испытания, ингушский народ смог сохранить «язык, культуру, традиции». Невзирая на поддержку этнической версии истории региона, М. Тумгоев полагал, что вопрос реабилитации формально решен. «Чеченцы и ингуши..., как и другие репрессированные народы, были полностью реабилитированы». Однако большинство жителей республики считают иначе. Старейшины, которые имеют неформальные связи с политической элитой республики, требуют дальнейшей работы по окончательной реабилитации народа.

В феврале 2024 г. в память о 80-летию трагических событий был показан концерт-спектакль «Поезд памяти» для всех жителей [9]. Его основными организаторами выступили Государственная филармония имени А. Хамхоева и Русский государственный музыкально-драматический театр Республики Ингушетия. В «Сердало» подчеркнули, что «концерт-спектакль, отразивший страдания без вины виноватых, стал настоящим событием для зрителей» [Там же]. Таким образом, тема боли и страдания продолжает занимать доминирующее положение в структуре нарратива. «Мы не должны забывать о тех, кто страдал без вины. “Поезд памяти” позволил зрителям не только окунуться в трагическое прошлое, в мир страданий и боли, но также и осознать, насколько ценной является наша жизнь», — отмечалось в газете [Там же]. Данный концерт-спектакль посетили как жители республики, так и представители региональной власти¹, а министр культуры Ингушетии З. Льянова заявила, что подобные концерты помогают передать память о трагических событиях 1944 г. последующим поколениям через искусство [16].

Другой частью культурной программы стал показ фильма «Крошки хлеба» во дворце культуры Сунженского района Ингушетии. Короткометражный фильм был снят по мотивам одноименного произведения ингушского писателя С. Чакхиева еще в 2010-х гг. Кино позволяет популяризировать и закрепить в общественном сознании определенные шаблоны и представления, что особо эффективно в тех случаях, когда эти нарративы воспроизводятся из года в год. Именно поэтому власть использует не только текстуальные, но и визуальные формы передачи памяти. Пресс-служба Министерства культуры комментировала значимость просмотра фильма, обратив внимание на возможность «погрузиться в атмосферу того трагического времени, когда весь ингушский народ оказался на грани гибели» [6].

В таблице ниже представлены основные результаты измерений регионального режима политики памяти. Несмотря на то что в обоих слу-

¹ В частности, председатель Правительства Ингушетии В. Слостенин.

чаях формируется консолидированный тип, их содержание отличается набором акторов и выбранной стратегией. В случае памяти о 100-летнем юбилее ингушской государственности федеральные и региональные акторы выступают уклонистами, которые отказываются от «неудобного прошлого» в пользу поддержки нарратива о социально-экономическом благополучии региона. По их мнению, историческая связь с Ингушетией привела к ее логическому включению в состав России в 1924 г., благодаря чему ингушский народ смог сохранить язык, культуру и собственные традиции.

**Основные измерения политики памяти в период годовщин
дня депортации и государственного образования Ингушетии**

115

Измерение	80-летие со дня депортации	100-летие со дня государственного образования
Режим политики памяти	Консолидированный	Консолидированный
Тип акторов	«Мнемонические солидаристы»	«Мнемонические уклонисты»
Основная стратегия взаимодействия акторов с нарративом	Из-за отсутствия мемориальных конфликтов и консолидации общества вокруг памяти о депортации акторы способны транслировать нарратив, обеспечивая ему широкую мемориальную и дискурсивную репрезентацию	Политика забвения является основной стратегией вытеснения памяти о трагических событиях из логики коммеморативных мероприятий. Акторы (федеральные и региональные) меняют фокус на социально-экономические достижения региона, подчеркивая историческую важность образования Ингушетии в составе РСФСР
Основные инструменты взаимодействия с нарративом	Дискурс, мемориальная культура, искусство, система школьного образования и различные культурно-памятные мероприятия	Дискурс, организация культурных и туристических мероприятий, открытие (реконструкция) памятников культурного наследия региона
Роль мемориалов	Мемориальные площадки поддерживают существующий нарратив, а также помогают визуально закрепить его. Комплекс «Девять Башен» является традиционным местом памяти	Строительство и обновление памятников для увековечивания героев Великой Отечественной войны и / или «удревления» этноса. Обращение к памятникам ограничено и не является ежегодным событием
Основные дискурсивные фреймы (темы)	Виктимизация дискурса, в рамках которого боль, ужас, несправедливость, безвинные жертвы и страдания народа являются доминирующими	Благополучие и процветание республики. Включение в состав России является логическим продолжением исторической дружбы между народами

Актеры поддерживают культурные аспекты исторической памяти об ингушской государственности, вытесняя любые упоминания о трагических событиях (депортация, конфликт вокруг Пригородного района и др.) из процесса публичной коммеморации. Данная стратегия позволяет закрепить в общественном сознании исключительно положительные аспекты памяти о прошлом через организацию культурно-массовых и просветительских мероприятий. Помимо дискурса власть регулирует вопрос о мемориальном благоустройстве через «удревление» регионального прошлого и открытие новых памятников, посвященных героям Великой Отечественной войны. Таким образом, празднование 100-летия встраивается в логику общегосударственного, а не регионального нарратива.

В случае памяти о депортации 1944 г. региональные актеры занимают позицию солидаристов. Их стратегия основывается на стремлении защитить коллективную травму, связанную с массовой ссылкой, в контексте единого и сплоченного общества. Основное смысловое содержание нарратива концентрируется вокруг памяти о сталинских репрессиях, боли, страданиях и ужасах, пережитых безвинными жертвами. Региональная власть не только поддерживает нарратив через обращения, но обеспечивает широкую институциональную и мемориальную инфраструктуру. Взаимодействие со школьными учреждениями и активное вовлечение учащихся в различные культурные проекты закрепляет нарратив через семейные формы передачи памяти. Визуализация памяти через проведение концертов, театральных постановок и создание фильмов только усиливает эффекты коллективного припоминания. Федеральный центр проявляет недостаточный интерес к формированию памяти о депортации, однако через неформальные каналы пытается оказывать поддержку органам власти Ингушетии в этом вопросе.

Заключение

На фоне анализа взаимодействия акторов с конкурирующими нарративами о депортации 1944 г. и ингушской государственности была показана возможность применения концепта режима политики памяти на региональном уровне. Консолидированный режим формируется в обоих случаях, однако его содержание отличается набором акторов, включенных в борьбу за репрезентацию нарратива, а также стратегиями политического использования прошлого. В действительности региональные актеры в основном занимаются встраиванием локальных историй в исторический нарратив, в то время как федеральная власть заинтересована в поддержке регионального имиджа, а также в распространении метанарратива, как, например, история Великой Отечественной войны. Применение текущей методологии на более широкой эмпирической базе позволит построить новые каузальные механизмы, объясняющие поведение акторов и их выбор той или иной модели политики памяти.

Список литературы

1. 100 истингов изготовили в Ингушетии к столетию ингушской государственности // Сердало. 2024. 1 июля. URL: <https://serdalo.ru/material/100-istingov-izgotovili-v-ingusetii-k-stoletiyu-ingusskoi-gosudarstvennosti> (дата обращения: 29.11.2024).
2. 254 года назад Ингушетия добровольно вошла в состав Российского государства // Сердало. 2024. 17 марта. URL: <https://serdalo.ru/254-goda-nazad-ingusetiya-dobrovolno-vosla-v-sostav-rossiiskogo-gosudarstva> (дата обращения: 20.12.2024).
3. Абазов А.Х. Память во имя мира // Новое прошлое. 2018. №3. С. 191–193.
4. Активисты готовятся к 100-летию ингушской государственности // Сердало. 2024. 15 мая. URL: <https://serdalo.ru/aktivisty-gotovyatsya-k-100-letiyu-ingusskoi-gosudarstvennosti> (дата обращения: 20.12.2024).
5. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, №4. С. 106–123.
6. В Ингушетии к 80-летию депортации ингушей покажут фильм «Крошки хлеба» // Сердало. 2024. 20 февр. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-k-80-letiyu-deportacii-ingusei-pokazut-film-kroski-khleba> (дата обращения: 15.11.2024).
7. В Ингушетии продолжается борьба за сохранение исторических памятников // Сердало. 2024. 2 июля. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-prodolzaetsya-borba-za-soxranenie-istoriceskix-pamyatnikov> (дата обращения: 20.12.2024).
8. В Ингушетии продолжается просветительская акция о депортации ингушей // Телеграм-канал газеты Сердало. 2024. 20 февр. URL: <https://t.me/gserdalo/15317> (дата обращения: 20.11.2024).
9. В Ингушетии прошел концерт-спектакль «Поезд памяти» о депортации ингушей // Сердало. 2024. 22 февр. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-prosel-koncert-spektakl-poezd-pamyati-o-deportacii-ingusei> (дата обращения: 17.11.2024).
10. В Ингушетии создали эмблему 100-летнего юбилея государственности // Сердало. 2024. 12 марта. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-sozdali-emblemu-100-letnego-yubileya-gosudarstvennosti> (дата обращения: 22.12.2024).
11. В Ингушетии спасают от разрушения уникальный склеп в комплексе «Меллери» // Сердало. 2024. 2 июля. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-spasyut-ot-razruseniya-unikalnyi-sklep-v-komplekse-melleri> (дата обращения: 20.12.2024).
12. В Ингушетии торжественно открыли памятник защитникам Отечества // Сердало. 2024. 9 мая. URL: <https://serdalo.ru/v-ingusetii-torzestvenno-otkryli-pamyatnik-zashhitnikam-otecestva> (дата обращения: 18.11.2024).
13. В канун 80-летия депортации ингушского народа память возвращает всех нас в тревожный февраль 1944 года // Сердало. 2024. 20 февр. URL: <https://serdalo.ru/material/v-kanun-80-letiya-deportacii-ingusskogo-naroda-pamyat-vozvrashtaet-vsex-nas-v-trevozhnyy-fevral-1944-goda> (дата обращения: 15.12.2024).
14. В музее ИЗО Ингушетии готовят выставку к 100-летию государственности ингушей // Сердало. 2024. 2 июля. URL: <https://serdalo.ru/v-muzee-izo-ingusetii-gotovyat-vystavku-k-100-letiyu-gosudarstvennosti-ingusei> (дата обращения: 29.11.2024).
15. В РДНТ Ингушетии прошло памятное мероприятие к 80-летию депортации ингушей // Сердало. 2024. 22 февр. URL: <https://serdalo.ru/material/v-rdnt-ingusetii-proslo-pamyatnoe-meropriyatie-k-80-letiyu-deportacii-ingusei> (дата обращения: 15.11.2024).

16. *Вчера* посетила концерт-спектакль «Поезд памяти», организованный Государственной филармонией имени А. Хамхоева // Телеграм-канал З. Льяновой. 2024. 22 февр. URL: https://t.me/za_lik/179 (дата обращения: 06.10.2025).

17. *Депортация* ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев, калмыков и других народов нашей страны была страшным испытанием для этих народов // Телеграм-канал М.-А. Калиматова. 2024. 23 февр. URL: <https://t.me/MAKali matovvv/3318> (дата обращения: 25.11.2024).

18. *К 100-летию* Ингушетии состоится массовое восхождение на Столовую гору // Сердало. 2024. 14 марта. URL: <https://serdalo.ru/k-100-letiyu-ingusetii-sostoitsya-massovoe-vozhozdenie-na-stolovuyu-goru> (дата обращения: 20.12.2024).

19. *К 100-летию* ингушской государственности в Ингушетии пройдет научный форум // Сердало. 2024. 14 марта. URL: <https://serdalo.ru/k-100-letiyu-ingusskoi-gosudarstvennosti-v-ingusetii-proidet-naucnyi-forum> (дата обращения: 20.12.2024).

20. *К 100-летию* ингушской государственности // Сердало. 2021. 7 июля. URL: <https://serdalo.ru/material/k-100-letiyu-ingushskoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 24.11.2024).

21. *Калиматов* поздравил жителей Ингушетии с юбилеем // Сердало. 2024. 7 июля. URL: <https://serdalo.ru/kalimatov-pozdravil-zitelei-ingusetii-s-yubileem> (дата обращения: 24.11.2024).

22. *Калиматов*: «Спасибо всем, кто в злополучные годы поддержал нас» // Сердало. 2024. 23 февр. URL: <https://serdalo.ru/kalimatov-spasibo-vsem-kto-v-zlopolucnye-gody-podderzal-nas> (дата обращения: 15.11.2024).

23. *Кринко Е.Ф.* Конструирование идентичности: учебники истории на Северном Кавказе в «боях за историю» // Политика памяти в России — региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. С. 335—365.

24. *Малинова О.Ю.* Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, №3. С. 19—26.

25. *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. №9. С. 285—312.

26. *Миннац* Ингушетии объявляет конкурс на лучший очерк на ингушском языке, приуроченный к 80-летию депортации ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан // Миннац Республики Ингушетия. 2024. 9 февр. URL: <https://minnacri.ru/2024/02/09/minnac-ingusetii-obъявляет-konkurs-n/> (дата обращения: 24.11.2024).

27. *Неделя* ингушской культуры открылась во Владимирской области // Сердало. 2024. 18 марта. URL: <https://serdalo.ru/material/nedelya-inguskoikultury-otkrylas-vo-vladimirskoi-oblasti> (дата обращения: 28.11.2024).

28. *Обращение* М. Тумгоева к жителям Республики Ингушетия // Телеграм-канал М. Тумгоева. 2024. 23 февр. URL: https://t.me/mu_tumgoev/1083 (дата обращения: 15.11.2024).

29. *Поздравление* Президента России Владимира Путина жителям Ингушетии // Телеграм-канал М.-А. Калиматова. 2024. 7 июля. URL: <https://t.me/MAKali matovvv/5395> (дата обращения: 25.11.2024).

30. *Политика* памяти в России — региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023.

31. Положение о конкурсе на лучший очерк, приуроченный к 80-летию депортации ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан // Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия. 2024. 9 февр. URL: <https://minnacri.ru/2024/02/09/положение-о-конкурсе-на-лучший-очерк-п/> (дата обращения: 20.12.2024).

32. Почта России выпустила марку в честь 100-летия Республики Ингушетия // Телеграм-канал газеты «Сердало». 2024. 25 июля. URL: <https://t.me/gserdalo/17699> (дата обращения: 20.12.2024).

33. Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, №1. С. 27–45.

34. Сегодня активисты МГЕР «Единой России» приняли участие в траурном мероприятии, прошедшем на Мемориале памяти и славы в Назрани // Телеграм-канал Молодой Гвардии Единой России в Ингушетии. 2024. 23 февр. URL: <https://t.me/Vmger06/742> (дата обращения: 17.11.2024).

35. Убеден, что дата ссылки нашего народа – 23 февраля – была выбрана неслучайно // Телеграм-канал М.-А. Калиматова. 2024. 23 февр. URL: <https://t.me/MAKAlimatovvv/3329> (дата обращения: 25.11.2024).

36. Ушпаров И.А. «Спящий» конфликт: интерпретации событий вокруг Пригородного района в Северной Осетии и республике Ингушетия // Политическая наука. 2020. №2. С. 256–279.

37. Хлевнюк Д.О. Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции // Политика памяти в России – региональное измерение / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. С. 366–400.

38. Хочу от всей души поздравить Главу Ингушетии Махмуд-Али Макшариповича Калиматова и весь братский народ республики со знаменательной датой – 100-летним юбилеем образования государственности Республики Ингушетия // Телеграм-канал Р. Темрезова. 2024. 7 июля. URL: https://t.me/rashid_temrezov/5917 (дата обращения: 24.11.2024).

39. Школьники Ингушетии не забывают о депортации вайнахов в Казахстан // Сердало. 2024. 21 февр. URL: <https://serdalo.ru/skolniki-ingusetii-ne-zabyvayut-o-deportacii-vainaxov-v-kazaxstan> (дата обращения: 15.11.2024).

40. Kubik J., Bernhard M. Introduction // Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / ed. by M. Bernhard and J. Kubik. Oxford, 2014. P. 1–6.

41. Kubik J., Bernhard M. A theory of the politics of memory // Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / ed. by M. Bernhard and J. Kubik. Oxford, 2014. P. 7–34.

42. Mitchell K. Monuments, memorials, and the politics of memory // Urban Geography. 2003. Vol. 24, №5. P. 442–459.

43. Verovšek P.J. Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm // Politics, Groups, and Identities. 2016. Vol. 4, №3. P. 529–543.

Об авторе

Игорь Андреевич Ушпаров – соискатель ученой степени кандидата политических наук, преподаватель Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-4908-5645

E-mail: igor.ushparov@mail.ru

I. A. Ushparov

**REGIONAL POLITICS OF MEMORY DURING
THE COMMEMORATION OF THE ANNIVERSARIES
OF HISTORICAL EVENTS IN THE REPUBLIC OF INGUSHETIA**

North-West Institute of Management – Branch of RANEPA,

Saint Petersburg, Russia

Received 19 February 2025

Accepted 30 September 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-9

120

To cite this article: Ushparov I.A. 2025, Regional politics of memory during the commemoration of the anniversaries of historical events in the Republic of Ingushetia, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 105–120. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-9.

The article analyzes regional memory politics in the Republic of Ingushetia using the commemoration of the 80th anniversary of the deportation of the Ingush people and the 100th anniversary of the establishment of Ingush statehood as case studies. Employing an actor-oriented approach based on the works of M. Bernhard and J. Kubik, along with discourse analysis, the author examines how various actors shape and promote competing narratives of the past. The study demonstrates that the narrative of the 1944 deportation consolidates Ingush society, enabling regional actors to sustain a “victimhood” discourse and to preserve the memory of trauma through discursive practices and other channels, including education and memorial infrastructure. By contrast, the memory of Ingush statehood is supported by both regional and federal actors. This narrative excludes references to tragic events and focuses on the region’s socio-economic well-being and its integration into Russia. The celebration of the anniversary of Ingush statehood is embedded within the logic of the nationwide narrative and is reinforced through the organization of mass cultural events aimed at promoting the region, as well as through the construction of monuments to the heroes of the Great Patriotic War. It is shown that, although a “consolidated” model of memory is being formed in the republic, its substantive content and institutional environment vary depending on the configuration and strategies of the actors involved.

Keywords: politics of memory, mnemonic actors, deportation, Ingush statehood, commemoration, discourse

The author

Igor A. Ushparov, Applicant for a candidate degree in political science, Assistant Professor, North-West Institute of Management – Branch of RANEPA, Saint Petersburg, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-4908-5645

E-mail: igor.ushparov@mail.ru

УДК 327.88+321.011(47)

В. И. Евграфов

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ:
ПРОТИВОСТОЯНИЕ КИБЕРУГРОЗАМ**

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Поступила в редакцию 08.10.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-10

121

Для цитирования: *Евграфов В.И.* Обеспечение информационного суверенитета России: противостояние киберугрозам // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 121 – 132. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-10.

Представлены результаты политологического анализа взаимосвязи между кибербезопасностью и информационным суверенитетом России с акцентом на роли отечественных цифровых технологий в обеспечении национальной безопасности. Раскрыты теоретические подходы к понятию информационного суверенитета, ключевые вызовы кибербезопасности для России в условиях глобальных угроз, а также значение развития собственных технологий и инфраструктуры для поддержания цифрового суверенитета государства. Рассмотрена современная законодательная и институциональная база кибербезопасности в Российской Федерации – охарактеризованы доктринальные документы и законы, направленные на защиту критической информационной инфраструктуры и укрепление «цифровых границ». Особое внимание уделено геополитическому измерению проблемы – сотрудничеству России с другими государствами в сфере международной информационной безопасности и конфликтам интересов в глобальном киберпространстве. Обоснован вывод о том, что укрепление киберзащиты и достижение информационного суверенитета требуют комплексного подхода, сочетающего технологическое развитие, эффективное регулирование и международное сотрудничество при одновременном обеспечении независимости национального цифрового пространства.

Ключевые слова: импортозамещение, информационная безопасность, информационный суверенитет, кибербезопасность, критическая информационная инфраструктура, международная информационная безопасность, суверенный Интернет

В эпоху глобальной цифровой трансформации информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемым фактором экономического развития и политических процессов, они во многом определяют конкурентоспособность и безопасность государств [6, с. 38; 7, с. 148 – 154]. Цифровое пространство превратилось в арену геополити-

ческого противоборства, а уровень цифровизации страны теперь в значительной мере обуславливает ее положение на международной арене и диапазон внешнеполитических возможностей [6]. Для современной России вопросы кибербезопасности и информационного суверенитета приобрели стратегическое значение, поскольку устойчивость национальной цифровой инфраструктуры и способность контролировать собственное информационное пространство рассматриваются как ключевые условия защиты государственного суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

Информационный суверенитет: понятие и подходы

122

Понятие информационного суверенитета

В теории международных отношений суверенитет традиционно определяется как верховенство и независимость государственной власти внутри страны и в отношении с другими государствами [5]. Возникшая в Вестфальскую эпоху концепция подразумевает, что государство обладает высшей властью на своей территории и не подчиняется внешним силам во внутренних делах. В XXI в. данная категория получила новое измерение — информационный суверенитет. Информационный суверенитет можно определить как способность государства самостоятельно формировать и реализовывать политику в информационной сфере, контролировать свое цифровое пространство и информационные потоки без вмешательства извне [6]. Иными словами, это независимость государства в управлении своей цифровой инфраструктурой, данными и контентом, ставшая одним из ключевых показателей государственной состоятельности, безопасности и технологической конкурентоспособности [Там же].

Следует отметить, что суверенитет никогда не был статичной категорией — со временем его содержание расширялось. С развитием информационного общества настала очередь и цифрового суверенитета — способности государства контролировать критически важные информационно-коммуникационные технологии и процессы. Если в 1990-е гг. Интернет воспринимался как глобальное пространство вне юрисдикций, то к настоящему времени государства всё настойчивее утверждают свое право регулировать национальные сегменты сети и устанавливать в них свои «цифровые границы» [5].

В российском академическом дискурсе обычно используется термин «информационный суверенитет», позволяющий подчеркнуть, что речь идет не только о контроле над технической инфраструктурой, но и над трансграничными потоками контента [6]. Западные же исследователи чаще говорят о «цифровом суверенитете» или «киберсуверенитете», подразумевая в первую очередь юрисдикцию государства над интернет-инфраструктурой, программным обеспечением и данными, нередко без акцента на контроле контента [Там же]. Таким образом, российский подход шире и включает культурно-информационный аспект: защита ценностей, предотвращение внешнего информационного

влияния, способного привести к политической дестабилизации (так называемым «цветным революциям»). Показательно, что события «Арабской весны» 2011 г. в Москве были восприняты как подтверждение уязвимости национальных режимов перед внешним информационным вмешательством, после чего многие государства (включая РФ) усилили внимание к контролю социальных сетей и трансграничного информационного обмена [5]. Согласно этой точке зрения обеспечение информационного суверенитета требует способности государства фильтровать или ограничивать потоки информации из-за рубежа, если они несут угрозу политической стабильности или противоречат национальным интересам.

Компоненты цифрового суверенитета

Информационный суверенитет современного государства многогранен. Российские эксперты часто трактуют его как совокупность следующих элементов: технологическая независимость (наличие автономной программно-аппаратной базы, собственных технологий и развитого IT-сектора); контроль инфраструктуры (способность государства обеспечить безопасность и устойчивость своей информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, включая критические объекты); контроль контента (возможность регулировать и при необходимости ограничивать распространение информации в целях защиты национальной безопасности и ценностей); международная правосубъектность в киберпространстве (признание принципа суверенного равенства государств в цифровой среде и закрепление права государства на управление своим сегментом сети в международных нормах) [5]. Информационный суверенитет тесно связан с понятием «технологический суверенитет» и подразумевает способность государства развивать ключевые технологии самостоятельно и защищать свои интересы без критической зависимости от внешних игроков [Там же].

Важнейший теоретический вопрос — границы применения суверенитета в киберпространстве. Международное право пока не дает четкого ответа, однако Россия последовательно продвигает на глобальной арене идею о том, что принцип невмешательства и суверенного равенства государств распространяется и на информационную сферу [Там же].

Вызовы кибербезопасности России в условиях глобальных угроз

Глобальный ландшафт киберугроз

Развитие информационного общества сопровождалось экспоненциальным ростом киберугроз, способных причинить ущерб национальной безопасности. Для России, как и для других государств, особую опасность представляют атаки на критически важную инфраструктуру — энергетические системы, транспорт, связь, финансовый сектор, системы государственного управления и обороны [7, с. 147–148]. Нарушение работы таких объектов может привести к тяжелым по-

следствиям для экономики, обороноспособности и жизни граждан. В последние годы наблюдается как количественный рост кибератак, так и усложнение их характера, злоумышленники используют методы социальной инженерии, вредоносные программы-вымогатели, уязвимости в программном обеспечении и даже элементы искусственного интеллекта для проведения целевых сложных атак. По данным Совбеза РФ, только за 2024 г. на российские объекты критической информационной инфраструктуры (КИИ) было совершено свыше 208 тыс. особо опасных компьютерных атак, нацеленных на подрыв ключевых систем [11]. Для сравнения, годом ранее фиксировалось около 202 тыс. подобных атак, что свидетельствует о нарастающей киберугрозе на фоне обострения международной обстановки [Там же].

Источниками кибератак признаются как негосударственные хакерские группировки (в том числе террористические и криминальные организации), так и подразделения иностранных разведок и военных структур. Российские официальные лица прямо указывают на роль «отдельных государств», стремящихся использовать свои возможности в киберпространстве для шпионажа, саботажа и вмешательства во внутренние дела России. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации главным информационным вызовом названы действия иностранных государств, стремящихся «использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве», в том числе для дестабилизации обстановки внутри России [13].

Особенности российских вызовов

Исторически Россия испытывала определенное технологическое отставание в IT-сфере и зависимость от импортных решений, что прямо признавалось в официальных документах. Доктрина 2016 г. отмечала, что доля отечественной продукции в сфере информационных технологий недостаточна, российская наука в области кибербезопасности развивается медленно, а зависимость от зарубежного софта и оборудования создает риски «геополитического влияния зарубежных стран» [Там же]. Иными словами, технологическая зависимость рассматривается как угроза информационному суверенитету, где иностранные поставщики могут, следуя санкциям или своим государственным интересам, прекратить поддержку продуктов, построить уязвимости в оборудовании, либо отказаться поставлять критически важные компоненты. Примером стало прекращение обслуживания и обновления некоторого зарубежного программного обеспечения в России на фоне политических санкций, что потребовало срочного поиска альтернатив.

Серьезным вызовом признана также угроза информационно-психологического воздействия на население. Через соцсети и онлайн-СМИ внешние игроки могут влиять на общественное мнение, инспирировать протесты и подрывать ценностные основы общества. Для противодействия этому в доктринальных установках провозглашены

укрепление патриотических и духовно-нравственных ценностей, нейтрализация деструктивного информационного воздействия извне [13]. Таким образом, под вызовами кибербезопасности Россия понимает не только сугубо технические угрозы (хакинг, вирусные эпидемии, кибершпионаж), но и контентные угрозы (идеологические, политические), что отражает широту концепции информационной безопасности.

Глобальные тенденции

В мире в целом наблюдается тревожная динамика, растет число инцидентов на критических объектах, обостряется конкуренция великих держав в киберпространстве, включая взаимные обвинения в хакерских операциях против государственных учреждений и выборных систем, происходит фрагментация глобального Интернета. Последнее проявляется в том, что многие страны пытаются локализовать хранение данных, использовать национальные сети и даже разрабатывают сценарии функционирования интернета в отрыве от глобальной сети на случай чрезвычайных ситуаций [7, с. 154–162]. Противоположные идеологии столкнулись: западные демократии во главе с США провозглашают приверженность единому открытому Интернету, тогда как такие государства, как Китай и Россия, отстаивают принцип цифрового суверенитета, который на практике означает возможность введения национальных ограничений и правил в сети [Там же]. Данная тенденция часто называется «балканизацией» Интернета – дроблением глобальной сети на сегменты по государственным границам [Там же, с. 161]. Для России данная тенденция двояка: с одной стороны, она соответствует ее интересам в части контроля над Рунетом, с другой – грозит технологическими и экономическими издержками, связанными с ограничением доступа к мировым информационным ресурсам и разделением Интернета на изолированные части.

Наконец, к наиболее серьезным современным вызовам относятся и риски технологического неокOLONиализма. Российские специалисты указывают, что менее развитые в технологическом отношении страны рискуют оказаться в полной зависимости от лидеров цифровой экономики, превратившись в «периферию», потребляющую чужие технологии на чужих условиях [Там же, с. 162–163]. Технологически продвинутые державы, обеспечивая кибербезопасность своей критической инфраструктуры и локализуя производство ключевых компонентов, фактически бросают вызов остальным. В результате перед большинством стран встает дилемма: присоединиться к одному из центров технологической силы (и, возможно, пожертвовать частью суверенитета), либо пытаться развивать собственные аналоги критических технологий с нуля, что крайне ресурсозатратно. Для России, претендующей на роль одного из мировых центров силы, решение очевидно – добиваться технологической самостоятельности, опираясь на научный и промышленный потенциал, и выстраивать коалиции с теми державами, которые разделяют подход к суверенитету в цифровой сфере. Именно по-

этому курс на обеспечение информационного суверенитета в РФ тесно сопряжен с идеей ускоренного инновационного развития и импортозамещения технологий, что рассматривается в следующем разделе.

Роль отечественных технологий в обеспечении цифрового суверенитета

Одним из ключевых условий информационного суверенитета является наличие в государстве собственных высокотехнологичных решений, которые могут заменить иностранные аналоги. Технологическая автономность снижает уязвимость перед внешними санкциями, киберугрозами и политическим давлением. Россия начала осознавать эту необходимость еще в 2000-х гг.: одним из первых стратегических документов в данной области стала Доктрина информационной безопасности 2000 г., где был сделан акцент на развитие национальных информационно-коммуникационных технологий [2]. В последующие годы были достигнуты определенные успехи — так, к 2010-м гг. в России сформировались собственные поисковые системы, социальные сети и национальная платежная система. Все это рассматривалось как элементы цифрового суверенитета, укрепляющие независимость от западных платформ и финансовых инфраструктур. В Доктрине информационной безопасности 2016 г. прямо отмечена важность ликвидации зависимости отечественной промышленности от зарубежных технологий за счет создания и широкого внедрения отечественных разработок [13]. Таким образом, стратегический курс на импортозамещение в IT-сфере был закреплён на высшем уровне.

Практические шаги по импортозамещению в цифровой экономике особенно активизировались после 2014 г., в условиях санкций и охлаждения отношений с Западом. Уже к 2017 г. российское правительство запустило программу перехода государственных органов на отечественное программное обеспечение [10]. Однако по многим направлениям внедрение шло медленно, пока ситуация не обострилась еще сильнее в 2022 г. Массовый уход западных производителей и разработчиков из России после начала специальной военной операции вынудил ускоренно заместить иностранные IT-решения — в кратчайшие сроки компании и госструктуры начали переход на отечественный софт, искать альтернативы импортному оборудованию [8, с. 367–368]. Фактически то, на что планировалось потратить более десяти лет, произошло в сжатые сроки под давлением обстоятельств [Там же]. Данный вынужденный эксперимент продемонстрировал как наличие в стране определенного запаса собственных технологических решений, так и пробелы, особенно в сфере аппаратного обеспечения.

Эксперты подчеркивают, что импортозамещение — лишь первый шаг на пути к подлинному технологическому суверенитету [1]. Заменяя внутри страны чужие продукты на свои, Россия все еще может зависеть от импорта ключевых компонентов (микропроцессоров, элементной базы, производственного оборудования). Поэтому задача мак-

симум — научиться разрабатывать собственные фундаментальные технологии. «Когда мы научимся создавать свои процессоры и радиоэлектронные компоненты, тогда сможем говорить о технологическом суверенитете», — отмечают представители отрасли [17]. Несмотря на сложности, наметился определенный прогресс: в России развиваются проекты по выпуску отечественных процессоров, наращивается производство средств криптозащиты информации. Государство стимулирует крупные IT-компании предлагать продукты взамен ушедших западных [5], расширяется функционал отечественных офисных пакетов, растет популярность российской ОС Astra Linux и др. По данным отраслевых исследований, в 2022–2023 гг. востребованность российского программного обеспечения существенно выросла, особенно в сфере информационной безопасности [Там же], что свидетельствует о готовности рынка переходить на местные решения при наличии качественных предложений.

Важный элемент технологической независимости — развитие собственной телекоммуникационной инфраструктуры. Под этим подразумевается не только наличие национальных операторов связи, но также собственные точки обмена интернет-трафиком, независимая система доменных имен, контролируемые государством каналы связи. Россия исторически интегрирована в глобальный Интернет, однако в последнее десятилетие предпринимала шаги к укреплению автономности Рунета. Например, с 2014 г. действуют требования по хранению персональных данных россиян на серверах, расположенных внутри страны (ФЗ-152 «О персональных данных») [15]. Эта мера, помимо целей защиты данных, имела и суверенный мотив — чтобы данные российских граждан не находились под юрисдикцией других государств. В 2019 г. был принят специальный закон, известный как закон о «суверенном Рунете» (ФЗ-90, вступил в силу в ноябре 2019 г.), который определил требования к тому, чтобы российский сегмент Интернета мог устойчиво функционировать, даже если будет отключен от глобальной сети [14]. В рамках этого закона у операторов связи появилась обязанность установить технические средства противодействия угрозам на сетях (специальное оборудование), а также была создана инфраструктура для централизованного управления трафиком. Таким образом, Россия подготовила техническую базу, чтобы при необходимости переключить Рунет в автономный режим, сохранив работоспособность основных услуг внутри страны. Этот шаг, хотя и раскритикован сторонниками свободного Интернета, рассматривается как важная веха на пути к цифровому суверенитету России.

Таким образом, развитие отечественных цифровых и телекоммуникационных технологий — краеугольный камень обеспечения информационного суверенитета. Без собственных технологических возможностей Россия была бы обречена на зависимость от импорта и, следовательно, от политической воли других стран. Инвестиции в науку, образование IT-кадров, стимулирование инноваций (через национальные проекты и программы) — неотъемлемые составляющие стратегии на-

циональной безопасности в информационном веке. Показательно, что в последние годы значительно возрос бюджет на поддержку IT-отрасли, создаются особые режимы (налоговые льготы для IT-компаний, технологические центры и инкубаторы). Одновременно Россия активизирует кооперацию с Китаем и другими странами БРИКС / ШОС в области технологий, пытаясь совместно вырабатывать альтернативы западным стандартам (например, сотрудничество в сфере 5G, микроэлектроники, операционных систем). Все это — элементы долгосрочной политики, направленной на достижение стратегической технологической автономии.

Геополитическое измерение: сотрудничество и противоборство в киберпространстве

Вопросы кибербезопасности и информационного суверенитета давно вышли за рамки внутренних дел государств, превратившись в важный фактор международных отношений. Для России геополитическое измерение киберпространства имеет двойственный характер. С одной стороны, Москва активно продвигает идеи международного сотрудничества и выработки универсальных правил ответственного поведения государств в информационной сфере. С другой — нарастает конфронтация с рядом стран (прежде всего с США и их союзниками) из-за различия подходов к управлению Интернетом, взаимных обвинений в кибератаках и вмешательстве во внутренние дела.

Сотрудничество и коалиции

Россия последовательно выступает инициатором диалога по вопросам международной информационной безопасности (МИБ) на различных площадках. Начиная с конца 1990-х гг. РФ выносит на рассмотрение ООН резолюции, призванные обеспечить мирное использование ИКТ и предотвращение киберконфликтов [4, с. 117; 16, с. 39]. Благодаря российским усилиям были созданы специализированные механизмы: с 2004 г. работала Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по вопросам информационной безопасности, а с 2019 г. функционирует Рабочая группа открытого состава ООН по безопасности в сфере ИКТ (инициатива РФ) [5]. В рамках этих форматов России удалось добиться частичного консенсуса: основы международного права были признаны применимыми в киберпространстве, сформулированы добровольные нормы ответственного поведения государств [7, с. 163]. Важнейшим достижением стало закрепление в документах принципа суверенного равенства государств в сфере ИКТ — цифровой суверенитет получил международное признание как легитимное понятие [5].

Россия не только сотрудничает с ООН, но и использует региональные организации. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) еще в 2009 г. был разработан проект Международного кодекса поведения в информационном пространстве, который Россия и Китай

совместно продвигали на международной арене [3]. Этот кодекс, в противоположность западному подходу, делал акцент на суверенитете, невмешательстве во внутренние информационные пространства и ответственности государств за действия в сети. В Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Россия инициировала сотрудничество по линии кибербезопасности: в 2023 г. впервые прошла международная конференция государств – участников ОДКБ по вопросам кибербезопасности, где обсуждались совместные меры по защите цифрового суверенитета союзников [9]. На ней, в частности, было отмечено, что абсолютное большинство опасных кибератак исходило из-за рубежа, поэтому подчеркивалась необходимость обмена опытом между союзниками по отражению таких угроз.

Конфликт и противоборство

На противоположной стороне – Соединенные Штаты и их союзники, продвигающие концепцию «открытого и свободного Интернета». Противоречия носят как ценностный, так и конкретно-политический характер. Запад критикует Россию за цензуру в Интернете, ограничения в отношении иностранных интернет-компаний и СМИ, называя это нарушением прав человека. Россия же обвиняет западные страны в двойных стандартах: с одной стороны, они декларируют свободу Интернета, с другой – сами вводят ограничения (например, блокировка российских государственных медиаканалов в ЕС, санкции против российских IT-компаний). С апреля 2022 г. США и около 60 стран присоединились к Декларации о будущем Интернета, где закреплена приверженность идее единого глобального Интернета, уважения прав и конкуренции [12]. Эта декларация разделила мир по идеологическому признаку: есть страны, поддержавшие американский подход, и есть те, кто не согласен и строит собственный путь (Россия, Китай, Иран, Северная Корея и др. не приглашены к подписанию декларации). Москва расценила такой шаг как попытку изолировать «неудобные» режимы и навязать свою повестку в управлении Интернетом [7, с. 154–162].

Для России в подобной ситуации особенно важно укреплять альянсы единомышленников, которые тоже заинтересованы в более справедливом информационном порядке. Одновременно Россия стремится снизить зависимость от инфраструктуры, контролируемой оппонентами. Так, уже с 2010-х гг. обсуждалось создание альтернативных маршрутов передачи данных (например, проложен подводный кабель связи между Россией и Китаем, планируются маршруты через Арктику для диверсификации от европейских каналов). Все это элементы более широкой геополитической игры, где предметом обсуждения является информационный суверенитет наций против глобального кибердоминирования.

Стоит подчеркнуть, что геополитическое измерение кибербезопасности для России сводится к тому, чтобы отстаивать право на самостоятельный путь развития цифрового общества и защиту своего информационного пространства, не став изгоем мирового Интернета. Для

этого требуется тонкий баланс между конфронтацией (там, где затрагиваются принципиальные вопросы суверенитета) и сотрудничеством (там, где общие угрозы — киберпреступность, терроризм — требуют коллективных действий). Россия пытается сформировать новые нормы игры в киберпространстве, отвечающие ее национальным интересам, и продвигает идею многополярного и «субъектного» Интернета, где ни одна сила не монополизирует глобальную сеть, а каждая страна имеет гарантированные права и обязанности по обеспечению безопасности в цифровой сфере.

Заключение

130

В итоге проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Кибербезопасность и информационный суверенитет для современной России являются взаимодополняющими целями, от достижения которых во многом зависит ее национальная безопасность и самостоятельная роль в мире. Киберпространство перестало быть нейтральной средой — оно превратилось в арену борьбы государств за влияние, и Россия как одна из великих держав выстраивает собственную модель защиты интересов в этой сфере. Модель кибербезопасности опирается на идею информационного суверенитета, и в ее рамках технологии играют первостепенную роль — от отечественных программ и микрочипов до суверенных сетевых инфраструктур. Такая стратегия позволяет минимизировать внешние риски и шоки, однако требует значительных ресурсов и может приводить к определенной фрагментации глобального информационного обмена.

Опыт России в обеспечении киберзащиты и информационного суверенитета демонстрирует, что технологическая мощь становится синонимом государственности в XXI в. Страны, которые неспособны защитить свой цифровой домен и обеспечить независимость в информационной сфере, рискуют утратить часть суверенитета и стать объектом технологического неокOLONиализма. Россия намерена не допустить этого, делая ставку на собственные силы, но при этом декларируя открытость к сотрудничеству на принципах равноправия. Как показывает политическая практика последних лет, прочный цифровой щит страны складывается из синергии передовых технологий, продуманной политики и консолидации общества вокруг идеи суверенитета в новом, цифровом измерении.

Список литературы

1. Гайдукова М.О., Шушунова Т.Н., Челноков В.В., Аверина Ю.М. Актуальные направления импортозамещения в сфере информационного обеспечения для цифровой трансформации наукоемких производств в РФ // Успехи в химии и химической технологии. 2022. №13 (262). С. 100—104.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г. №Пр-1895) // Парламентская газета. 2000. Ст. 187.

3. Еникеев Ш. М., Лукин А. В., Новиков Д. П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. №1. С. 129–148. doi: 10.17323/1996-7845-2024-01-06.
4. Загайнов М. Р. Вопросы развития сотрудничества США и России в сфере международной информационной безопасности // Социально-политические науки. 2024. №3. С. 115–124. doi: 10.33693/2223-0092-2024-14-3-115-124.
5. Зиновьева Е. В., Бай Я. Практика цифрового суверенитета в России и КНР // Российский Совет по международным делам (РСМД). 2023. 29 мая. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/praktika-tsifrovogo-suverenite-ta-v-rossii-i-knr/> (дата обращения: 05.08.2025).
6. Зиновьева Е. В., Шитыков С. В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. №3. С. 38–51.
7. Карасев П. А., Стефанович Д. В. Кибербезопасность критически важной инфраструктуры: новые вызовы // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, №6. С. 147–164.
8. Морозова Н. В., Мамчурев А. К., Хатуяев Т. А. Импортзамещение программного продукта в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. №6 (44). С. 367–370.
9. Прошла встреча глав государств – членов ОДКБ в узком составе. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/proshla-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-v-uzkom-sostave/#loaded (дата обращения: 12.08.2025).
10. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 №1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. №32. Ст. 5138.
11. Россия отразила более 200 тысяч кибератак в 2024 году // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/06/19/26069870.shtml> (дата обращения: 10.08.2025).
12. США и еще более 55 стран подписали «Декларацию о будущем интернета» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14505635> (дата обращения: 12.08.2025).
13. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 №646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. №50. Ст. 7074.
14. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон Российской Федерации от 01.05.2019 №90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. №18. Ст. 2214.
15. О персональных данных: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 №152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. №31. Ст. 3451.
16. Чернявская К. Ю. Деятельность ООН в информационном пространстве: история и документальная база организации в сфере борьбы с киберпреступностью // Русская политология. 2022. №4 (25). С. 38–42.
17. Эксперты назвали главные вызовы кибербезопасности страны // РБК. URL: <https://ekb.rbc.ru/ekb/14/07/2023/64b1478e9a79479172b7e5bc> (дата обращения: 12.08.2025).

Об авторе

Владимир Игоревич Евграфов – асп., Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

ORCID ID: 0009-0001-3607-9860

E-mail: vladimirevgrafov01@gmail.com

V. I. Evgrafov

**CYBERSECURITY AND INFORMATION SOVEREIGNTY:
THE ROLE OF TECHNOLOGY
IN PROTECTING RUSSIA'S INTERESTS**

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Received 8 October 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-10

132

To cite this article: Evgrafov V.I. 2025, Cybersecurity and information sovereignty: the role of technology in protecting Russia's interests, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 121 – 132. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-10.

The article presents the results of a political science analysis of the relationship between cybersecurity and Russia's information sovereignty, with a focus on the role of domestic digital technologies in ensuring national security. Theoretical approaches to the concept of information sovereignty are outlined, along with key cybersecurity challenges facing Russia in the context of global threats, as well as the importance of developing indigenous technologies and infrastructure to maintain the state's digital sovereignty. The contemporary legislative and institutional framework of cybersecurity in the Russian Federation is examined, including doctrinal documents and laws aimed at protecting critical information infrastructure and strengthening "digital borders." Particular attention is paid to the geopolitical dimension of the issue – Russia's cooperation with other states in the field of international information security and conflicts of interest in global cyberspace. The article substantiates the conclusion that strengthening cyber defense and achieving information sovereignty require a comprehensive approach that combines technological development, effective regulation, and international cooperation, while simultaneously ensuring the independence of the national digital space.

Keywords: cybersecurity, information sovereignty, critical information infrastructure, import substitution, sovereign internet, information security, international information security

The author

Vladimir I. Evgrafov, PhD Student, Institute of Philosophy, Social Sciences and Mass Communication, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

ORCID ID: 0009-0001-3607-9860

E-mail: vladimirevgrafov01@gmail.com

Д. Ю. Менчиков

**ЧЛЕНСТВО В ЕС ДЕ-ФАКТО:
ПОПЫТКА АДАПТАЦИИ К ТЕКУЩИМ ВЫЗОВАМ**

МГИМО МИД России, Москва, Россия
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Поступила в редакцию 08.10.2025 г.

Принята к публикации 14.11.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11

133

Для цитирования: Менчиков Д. Ю. Членство в ЕС де-факто: попытка адаптации к текущим вызовам // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №4. С. 133 – 147. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11.

*Исследована модель отношений с Европейским союзом, которую предлагается называть «членством де-факто». Высокая степень актуальности этого формата взаимодействия обуславливается стоящими перед Евросоюзом вызовами, в частности вопросом международной субъектности объединения, а также рядом инициатив в рамках ЕС по учреждению более гибкого сотрудничества, среди прочего, в области внешней политики. Концепция дополняет имеющиеся форматы дифференцированной интеграции и внешней дифференциации сотрудничества с Европейским союзом. Цель исследования состоит в выявлении существующих концепций сотрудничества с ЕС, выходящих за рамки стандартного членства де-юре. Методами исследования были выбраны ивент-анализ и сравнительный анализ. В результате представлены элементы выравнивания внешней политики, обусловленности интеграции, значимости энергетического компонента в области экономического взаимодействия, самостоятельная инициатива третьих стран по внедрению *acquis communautaire* в местное законодательство, важность фактора общей культурной идентичности, а также количественных показателей – ориентированности более 50 % объема внешней торговли страны на европейский рынок и имплементации более 50 % нормативно-правовых актов ЕС в национальное законодательство. Приведен сравнительный анализ кейсов Швейцарии как показательного примера членства де-факто и ОАЭ как страны, только ведущей переговоры о зоне свободной торговли с ЕС. Обоснован вывод о приоритизации руководством Евросоюза политического компонента модели членства де-факто в отношениях с третьими странами, нередко с риском для дальнейшего сотрудничества.*

Ключевые слова: выравнивание внешней политики, дифференцированная интеграция, европейская интеграция, обусловленность интеграции, членство в ЕС де-факто

Введение

В настоящее время сотрудничество в рамках интеграционных объединений приобретает большую значимость для государств, так как представляет собой возможность как извлечения экономической выго-

ды, так и усиления собственной политической позиции на международной арене в рамках организаций, что особенно актуально для малых государств с невысоким уровнем влияния.

Следует отметить и ряд рубежных моментов в функционировании Европейского союза и европейской интеграции. В Маастрихтском договоре была четко обозначена международная правосубъектность Евросоюза (статья 47)¹, что стало одной из ключевых составляющих внешнеполитической концепции блока [21, р. 279].

Тем не менее к середине 2020-х гг. стали наблюдаться тенденции снижения значимости ЕС как актора мировой политики. Примером может послужить российско-американский саммит в Анкоридже 15 августа 2025 г., когда в отношении одной из ключевых проблем современных международных отношений – украинского кризиса – предпринималась попытка найти решение без участия представителей Евросоюза. Встреча с европейскими лидерами была проведена Дональдом Трампом уже после переговоров с Владимиром Путиным и носила гораздо менее значимый, «вторичный» по отношению к предшествующей встрече на Аляске, характер. К примеру, в рамках Минских договоренностей, заключенных в 2014–2015 гг. в целях урегулирования украинского кризиса, ведущие стран – члены ЕС (Франция и Германия) играли основополагающую роль.

Кроме того, в июле 2025 г. между США и ЕС имело место заключение своего рода «торговой сделки», условия которой были однозначно более выгодны для американской, нежели для европейской стороны. При этом согласие Европейского союза на это обуславливалось риском введения еще более высоких пошлин, а также возможностью сокращения американского военного контингента в Европе². В условиях возврата к принципам реализма в мировой политике влияние фактора военного присутствия великих держав возрастает [2, с. 134].

Кроме того, в ходе резкого обострения украинского кризиса в 2023 г. в рамках ЕС была выдвинута инициатива отхода от принципа единогласного принятия решений в области внешней политики и перехода к принятию решения квалифицированным большинством, «коалицией желающих», или же иным способом, позволяющим обойти накладываемое на проекты решений вето несогласными странами. Так, 4 мая 2023 г. было заявлено о создании «Группы друзей для содействия голосованию квалифицированным большинством в рамках ОПБО». В данное неформальное объединение вошли Бельгия, Германия, Италия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Словения, Финляндия, Франция³. Ключевой целью данной акции обозначено повышение внешнеполитической (международной) акторности Евросоюза.

¹ *Treaty on European Union*. URL: <http://data.europa.eu/eli/treaty/teu/sign> (дата обращения: 15.09.2025).

² *The Times*: ЕС пошел на «ужасную сделку» с Трампом. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24696877> (дата обращения: 15.09.2025).

³ *Bulletin Quotidien Europe*. 2023. №13175.

Таким образом, можно наблюдать устойчивую тенденцию и потребность в поиске более гибких, адаптивных и реактивных форматов сотрудничества, сюда же можно отнести и более адаптивные форматы собственно интеграционного взаимодействия.

Здесь следует отметить, что как в теоретическом аспекте, так и в практическом измерении уже существуют концепции гибкого интеграционного сотрудничества. Сюда отнесем идею «гибкой (дифференцированной)» интеграции, предполагающей более адаптированное по темпам в соответствии с возможностями конкретного государства взаимодействие [4; 6; 7; 20, р. 454]. Схожим образом можно отметить концепции «Европы разных скоростей», «вариабельной геометрии», *Europe à la carte*. Во внешнеполитическом плане точнее представленную идею описывает понятие «внешняя дифференциация», сложившееся к середине 2010-х гг. [1, с. 9; 10, р. 1060; 11; 14; 19]. К его ключевым идеям можно отнести:

- в политическом плане:
 - участие в агентствах ЕС;
 - распространение сферы влияния на стран-кандидатов на вступление в блок;
- в экономическом плане:
 - различная степень участия в Едином рынке;
 - различия в предлагаемых моделях договоров;
 - различная степень инициативности стран-кандидатов;
- в правовом плане:
 - ключевая роль *acquis communautaire* как инструмента интеграции и вовлечения;
 - дополнение чисто правовой интеграции политическим влиянием на третьи страны.

Примечательным моментом в концепции внешней дифференциации является собственно «дифференцирование», четкое разграничение стран по уровню их ассоциированности с ЕС в различных аспектах.

В текущих условиях тем не менее нам представляется целесообразным дополнить вышеуказанные идеи гибкого, избирательного сотрудничества в рамках европейской интеграции, сформулировав концепцию «членства в ЕС де-факто».

Первым отличием нам видится отсутствие дифференциации как таковой, то есть градации стран в области их сотрудничества с ЕС. Это позволяет сделать концепцию более целостной, а также, как следствие, более широко, без излишних ограничений применять интеграционную политику в отношении третьих государств.

В области политических характеристик следует обозначить принцип обусловленности (*conditionality*), действующий в отношениях ЕС с третьими странами. Этот принцип предполагает зависимость предоставления помощи со стороны ЕС или же дальнейшей интеграции третьих стран от выполнения ими обозначенных Евросоюзом условий. Так, уже в преамбуле Соглашения об ассоциации Украины и Европей-

ского союза обозначены необходимость для украинской стороны следовать европейским стандартам демократии, а также зависимость дальнейшего продвижения интеграции от выполнения политических и экономических обязательств¹. Схожим образом статья 8 Соглашения о стабилизации и ассоциации между ЕС и Сербией увязывает прогресс в области евроинтеграции Сербии с прогрессом в выполнении страной Соглашения².

Кроме того, важно отметить и требование выравнивания внешней политики страны (*alignment*) с политическим курсом ЕС. В первую очередь это касается санкционной политики, в частности антиросийских санкций, однако могут присутствовать и другие направления, как, например, гуманитарные операции, миротворческая деятельность и т. п. Особую значимость данный критерий приобретает в настоящее время, так как остро встает вопрос о международном позиционировании Евросоюза, которому требуется подтверждение статуса значимого игрока в мировой политике.

В рамках экономического взаимодействия следует отдельно подчеркнуть интеграцию в энергетической области, а именно требование ЕС по имплементации Третьего энергопакета, а также внедрение ценовой политики Евросоюза в практики третьих стран.

Наконец, концепция членства де-факто предполагает и культурный компонент, заявленное культурное единство стран с Европой (в случае Евросоюза).

Таким образом, в сочетании с уже имеющимся форматом внешней дифференциации и в дополнение к таковому формат членства де-факто предполагает следующие критерии для определения и применения.

Критерии определения

Что касается политической сферы, одним из ключевых аспектов является выравнивание *внешней политики* страны в соответствии с внешнеполитическим курсом ЕС. Примером здесь могут послужить Великобритания, Швейцария, а также Украина, Албания, Черногория. Говоря о Соединенном Королевстве, следует отметить, что уже после выхода из Евросоюза на страну было наложено юридическое обязательство проводить внешнюю политику в фарватере политического курса ЕС до конца переходного периода. В дальнейшем, после окончания переходного периода, данная практика продолжилась уже без юридического оформления как такового — санкционная политика Великобритании

¹ *Ukraine* – European Union Association Agreement // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/2014/295/oj/eng (дата обращения: 15.09.2025).

² См. ст. 8 Соглашения об ассоциации между ЕС и Сербией. URL: https://www.mei.gov.rs/upload/documents/sporazumi_sa_eu/saa_textual_part_en.pdf (дата обращения: 15.09.2025).

во многом коррелирует с практиками ЕС. Что касается Швейцарии, в данном случае имеет место дилемма между политикой выравнивания и принципом нейтралитета во внешней политике государства. В настоящее время наблюдается тенденция к большему выравниванию внешнеполитического курса в отношении ЕС.

Таким образом, говоря о критерии выравнивания внешней политики в соответствии с курсом ЕС, можно отметить, что этот критерий является одним из ключевых и неизменно фигурирует в отношениях со всеми странами, попадающими под категорию членства в ЕС де-факто. Этому способствует, среди прочего, весьма консолидированная позиция институтов ЕС по вопросам внешней политики [18]. По мнению западных авторов, межправительственный подход преобладает в процессе формирования внешней политики ЕС, несмотря на порой существенные различия позиций стран-членов в различных отраслях [8, p. 111; 21, p. 282].

В дополнение к этому отметим такой критерий интеграционной политики Европейского союза, как обусловленность (*conditionality*). Он подразумевает зависимость дальнейшей интеграции и получения финансовой, технической и иной помощи от выполнения странами установленных Евросоюзом критериев. Помимо обозначенных выше правовых норм, инкорпорированных в договоры о сотрудничестве ЕС с третьими странами, упомянем также и механизм оценивания прогресса кандидатов на вступление по довольно внушительному ряду критериев (кластеров), претворяемый в жизнь Еврокомиссией и служащий, в зависимости от ситуации, основой для дальнейшего принятия решения о вступлении в Евросоюз или для начала переговоров.

Важным инструментом сближения является участие третьих стран в деятельности различных агентств ЕС. В данном случае может осуществляться как политическая, так и, например, экономическая интеграция, вследствие принятия третьими странами участия в различных проектах в рамках деятельности агентств. Здесь также может идти речь о частичной передаче суверенитета на уровень Евросоюза как еще одной составляющей членства де-факто, при этом на наднациональный уровень может передаваться преимущественно суверенитет политический (органов государственной власти), в то время как народный суверенитет может оставаться на национальном уровне [16, p. 600]. Подобные действия могут находить объяснение в рамках теории либерального межправительственного подхода, предложенного Эндрю Моравчиком в конце XX в. В частности, следует отметить стремление государств к рациональному извлечению выгоды от межправительственного сотрудничества как ключевую движущую силу [12, p. 1115].

Кроме того, важно подчеркнуть и общий для всех стран подход со стороны Европейского союза, который можно сформулировать как *membership matters*, когда страны – члены ЕС имеют большие преимущества в сравнении с теми государствами, кто формально не состоит в интеграционном объединении. Достаточно четко данная практика

просматривается в отношении Великобритании [22, р. 155]. Будучи членом ЕС, Соединенное Королевство имело весомые позиции и пользовалось рядом привилегий. После выхода из Евросоюза двусторонние отношения были выстроены не в пользу Великобритании.

Говоря о *торгово-экономической сфере*, следует отметить высокий уровень торгового сотрудничества, включая соглашения об экономической ассоциации, а также интеграцию технических и санитарных стандартов ЕС. Безусловно важно активное участие страны-члена де-факто в Едином европейском рынке, показательным примером чего может служить Швейцария [3, с. 35], причем в категории как экспорта, так и импорта товаров и услуг. Оба этих компонента являются ключевыми при определении подобного формата взаимодействия с Евросоюзом. Один лишь высокий уровень импорта из ЕС, к примеру, не дает оснований говорить о членстве де-факто. Некоторым ограничением здесь может выступить сложившаяся со стороны Евросоюза практика высокого уровня протекционизма. Это может касаться в том числе и союзников ЕС [5, с. 254–255].

Отдельно следует отметить *энергетический аспект* членства де-факто, который предполагает расширенное участие в европейском энергетическом рынке, включая ценовую политику, высокий уровень интеграции энергетических технических стандартов Евросоюза на национальном уровне. Надо сказать и о принятии положений Третьего энергопакета ЕС, а также проведении правительством страны политики диверсификации источников энергии. Последний пункт приобрел особую значимость после объявления о нацеленности ЕС на отказ от российских энергоносителей в 2022 г.

Также представляется важным дополнить качественные показатели некоторыми количественными индикаторами. Автор считает необходимым в качестве порога для применения концепции членства де-факто в экономической сфере ориентированность большей части объема (более 50 %) внешней торговли страны на рынок ЕС. Для стран – членов ЕС показатель внутриблоковой торговли в настоящее время в среднем составляет 58–60 %¹. Безусловно, для тех стран, которые формально не являются членами объединения, планка может и должна быть снижена. Однако если экономика страны ориентирована на европейский рынок лишь в меньшей своей части, при том что экономической интеграции с ЕС способствуют различные двусторонние соглашения, то вряд ли в этом случае представляется возможным говорить о тесном взаимодействии.

Значимым моментом является интеграция в *правовой сфере*. Особенностью членства де-факто является существенное интегрирование пра-

¹ EU Exports, Imports And Trade Partners // The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/profile/international_organization/eu#:~:text=In%202023%2C%2058.8%25%20of%20total,Digital%20Trade (дата обращения: 23.09.2025).

вовых норм Европейского союза, а также технических и иных стандартов в национальное законодательство. Данный элемент является составляющей частью Копенгагенских критериев, сформулированных в 1993 г., в частности, для приема в состав ЕС новых стран. В частности, страна-кандидат должна быть в состоянии внедрить в национальное законодательство правовые нормы Европейского союза. В рамках предлагаемой концепции членства де-факто принципиально важна самостоятельная инициатива стран по интеграции *acquis communautaire* в национальное законодательство.

По аналогии с количественными показателями в области экономической интеграции, предлагается также определять порог применимости концепции членства де-факто уровнем в 50 % внедрения нормативно-правовых актов ЕС в местное законодательство. Несмотря на указанную выше значимость инициативности национального правительства в вопросе внедрения *acquis communautaire*, а также требования европейских органов в этом отношении, практика правовой интеграции может наталкиваться на объективные внутренние сложности и несколько отставать от заданных, желаемых показателей [9].

Культурно-идеологический компонент включает в себя принятие европейских ценностей, положительное отношение большинства населения к членству в Евросоюзе и к ЕС в целом. В рамках данного компонента предполагается осознание себя частью «единой Европы», учитывая свои исторические корни. Западные исследователи отмечают, что, несмотря на свой транснациональный характер, концепция европейской идентичности в гораздо большей степени эффективно работает именно на национальном уровне [17]. Следовательно, чем больше изначально компонентов европейской культуры присутствует в государстве, тем легче проходит его сближение, славивание с Европейским союзом. В рамках культурного аспекта европейской интеграции, равно как и членства де-факто следует выделить развивающуюся теорию постфункционализма, делающую ключевым компонентом европейской интеграции культурную идентичность. В рамках этой теории недостаточная сплоченность стран ЕС объясняется дефицитом внимания к общеевропейской идентичности [13, p. 1215].

Говоря о практической значимости и применимости данной концепции, как уже было сказано в начале работы, к настоящему времени в вопросах как внутренней, так и внешней политики ЕС устойчиво существует потребность к адаптивному и дифференцированному сотрудничеству, а существующие концепции в этой области требуют дополнения. Своеобразным показателем является, например, периодически озвучиваемая инициатива отхода от единогласного принятия решений по вопросам внешней политики в рамках ЕС, натякающаяся на проблему необходимости также единогласного принятия решения по данному вопросу, что создает своего рода «замкнутый круг».

Сравнение кейсов

Рассмотрим также особенности соотношения формата членства де-факто и иных вариантов взаимодействия третьих стран с ЕС.

В качестве первого примера представляется уместным выбрать Швейцарию как страну с высокой степенью интегрированности с Европейским союзом, при этом не являющуюся его членом.

Политическими аспектами швейцарской модели отношений с ЕС являются следующие:

— следование внешнеполитическому курсу ЕС при сохранении по возможности собственных существующих принципов во внешней политике — нейтралитета и суверенитета. С другой стороны, после 2022 г. можно наблюдать некоторое размытие указанных принципов — в частности, когда речь заходит о санкционной политике ЕС, что является одним из наиболее важных компонентов членства в ЕС де-факто;

— политическая инициатива по интеграции в существенной степени права ЕС в национальное законодательство при сохранении некоторых местных правовых норм;

— активное участие в программах ЕС, при этом регулирование участия в программах Евросоюза достаточно существенно зависит от проводимой страной внешней политики или принятия тех или иных нормативно-правовых актов. Примером может послужить вопрос антииммигрантских законов в Швейцарии или вопрос интеграции Хорватии в различные проекты Европейского союза.

В области экономического сотрудничества ЕС и Швейцарии, рассмотрим двустороннюю торговлю товарами и услугами с ЕС за 2021 — 2023 гг. (рис. 1 и 2).

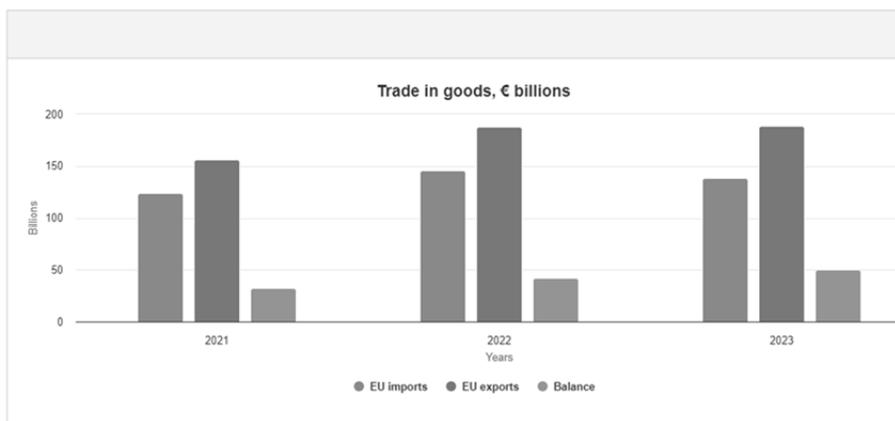

Рис. 1. Торговля товарами между ЕС и Швейцарией

Источник: European Commission¹.

¹ *Switzerland EU trade relations with Switzerland. Facts, figures and latest developments* // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/switzerland_en (дата обращения: 16.09.2025).

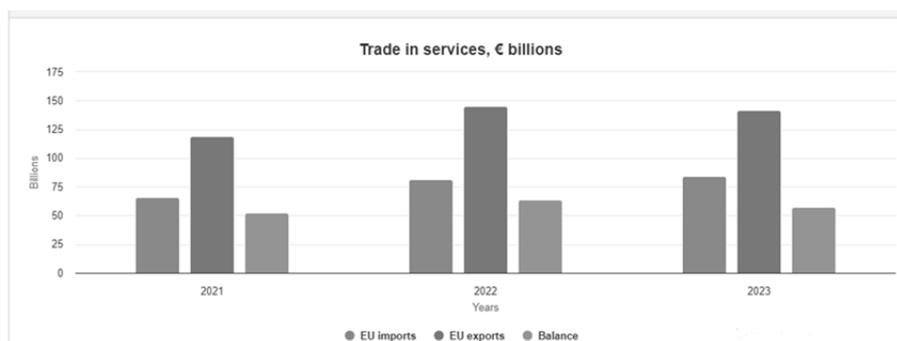

Рис. 2. Торговля услугами между ЕС и Швейцарией

Источник: European Commission¹.

Можно констатировать весьма высокий уровень торгового оборота между ЕС и Швейцарией за указанные годы, однако также можно наблюдать и постоянное отрицательное торговое сальдо Швейцарии в двусторонних отношениях или же положительное сальдо для Евросоюза. В особенности это примечательно в той связи, что Швейцария устойчиво является страной-экспортером, в значительной степени зависящей от экспорта.

В процентном соотношении 50 % (или чуть более, по другим оценкам) общего швейцарского экспорта направлено на рынок Европейского союза², что позволяет говорить о применимости концепции членства де-факто в этом аспекте.

Рассмотрим также и правовую интеграцию. Несмотря на ряд сложностей в данном вопросе, право ЕС в своем большинстве инкорпорировано в швейцарское законодательство [15, р. 838].

Говоря о нормативно-правовых актах Швейцарии, можно выделить закон о технических барьерах для торговли. Данный акт определяет свободный оборот на территории Швейцарии для продукции, находящейся в обороте в ЕС, а также выравнивание технических стандартов и требований Евросоюза и Швейцарии³.

Важно также отметить и де-факто инкорпорирование ряда европейских директив в швейцарское законодательство [23]. В частности,

¹ *Switzerland EU trade relations with Switzerland. Facts, figures and latest developments* // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/switzerland_en (дата обращения: 16.09.2025).

² *Switzerland – EU in figures* // FDFA. 07.07.2025. URL: <https://www.europa.eda.admin.ch/en/switzerland-eu-in-figures> (дата обращения: 16.09.2025).

³ *Loi fédérale sur les entraves techniques au commerce (LETC) du 6 octobre 1995 (Etat le 1er mai 2017)*. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1996/1725_1725_1725/fr (дата обращения: 16.09.2025).

Директива 2019/904 «О сокращении влияния некоторых пластиковых выбросов на окружающую среду»¹ была интегрирована в качестве Федерального закона о защите окружающей среды². Положения директивы 2019/790 «Об авторских правах»³ нашли отображение в законе о защите авторских прав⁴. Директива 2015/2366 «О платежных системах»⁵ тесно пересекается с законом о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма⁶.

С точки зрения культурной идентичности можно говорить о принадлежности к единому культурному, языковому, религиозному пространству Швейцарии и стран ЕС.

Таким образом, Швейцарская Конфедерация предстает как пример наиболее интегрированного в систему ЕС государства в рамках феномена членства де-факто с учетом некоторых национальных особенностей.

В качестве иного формата сотрудничества приведем кейс Объединенных Арабских Эмиратов – государства, к которому, во-первых, не представляется возможным применить концепт членства де-факто, а во-вторых, у которого в принципе не имеется полноценного юридического соглашения о сотрудничестве с ЕС (находится на стадии разработки⁷).

В том, что касается политического компонента сотрудничества, ключевые составляющие формата членства де-факто – принципы обусловленности сотрудничества (его принятие ОАЭ) и выравнивания внешней политики – здесь применения не находят. В своей внешней

¹ Directive (EU) 2019/904 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the reduction of the impact of certain plastic products on the environment. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/904/oj> (дата обращения: 16.09.2025).

² Federal Act on the Protection of the Environment (Environmental Protection Act, EPA) of 7 October 1983 (Status as of 1 January 2022). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1984/1122_1122_1122/en (дата обращения: 16.09.2025).

³ Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/790/oj> (дата обращения: 16.09.2025).

⁴ Federal Act on Copyright and Related Rights (Copyright Act, CopA) of 9 October 1992 (Status as of 1 January 2022). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1993/1798_1798_1798/en (дата обращения: 16.09.2025).

⁵ Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015L2366> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ Federal Act on Combating Money Laundering and Terrorist Financing (Anti-Money Laundering Act, AMLA) of 10 October 1997 (Status as of 23 January 2023). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1998/892_892_892/en (дата обращения: 16.09.2025).

⁷ ЕС и ОАЭ приступили к переговорам по соглашению о свободной торговле // Интерфакс. 28.05.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1028410> (дата обращения: 15.09.2025).

политике Объединенные Арабские Эмираты руководствуются принципом многосторонности, уделяя при этом немало внимания незападному миру. На «западном» треке внешней политики имело место, к примеру, присоединение страны к Авраамическим соглашениям по стабилизации отношений с Израилем под эгидой США. В последние годы, однако, активно развиваются и иные направления внешней политики. В частности, с 2024 г. страна является членом БРИКС. Речи о присоединении Арабских Эмиратов, к примеру, к антироссийским санкциям также не идет. С другой стороны, данная позиция руководства ОАЭ вызывает негативную реакцию ЕС, так как в интеграционном блоке желали бы видеть Арабские Эмираты в большей степени ориентированными на сотрудничество с западным миром. Помимо устной критики, имело место и введение санкций против компаний из ОАЭ. Произошло это на фоне переговоров о соглашении о зоне свободной торговли.

В вопросе экономического взаимодействия рассмотрим товарооборот между ЕС и ОАЭ. Как показывают данные TradingEconomics, экспорт Евросоюза (рис. 3) в Объединенные Арабские Эмираты существенно превышает импорт из страны (рис. 4).

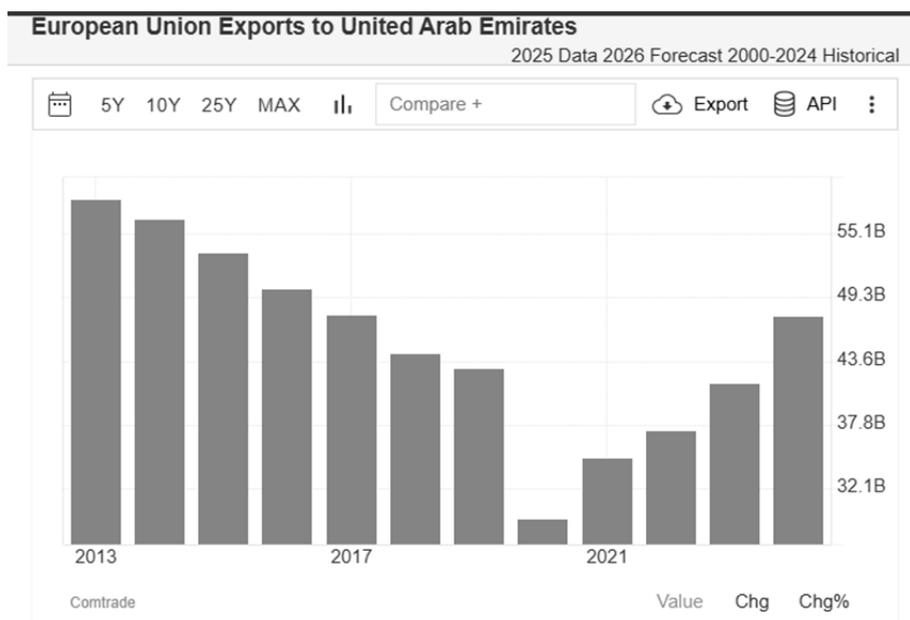

Рис. 3. Экспорт ЕС в ОАЭ. Источник: TradingEconomics¹

¹ European Union Exports to United Arab Emirates 2025 Data 2026 Forecast 2000–2024 Historical // TradingEconomics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/exports/united-arab-emirates> (дата обращения: 16.09.2025).

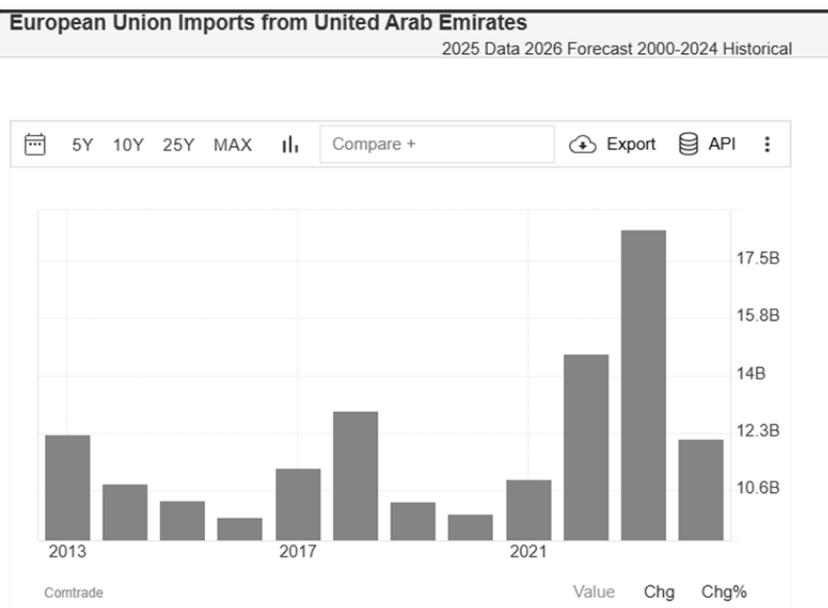

Рис. 4. Импорт ЕС из ОАЭ. Источник: TradingEconomics¹

При этом Объединенные Арабские Эмираты входят лишь в топ-20 торговых партнеров ЕС, в то время как Швейцария устойчиво занимает в списке четвертое место. В общем объеме экспорта ОАЭ (более 800 млрд долларов в 2024 г.²) составляющая ЕС незначительна.

Вопрос правовой интеграции в случае с ОАЭ к настоящему моменту не имеет существенной актуальности, так как сотрудничество сторон находится на умеренном по сравнению со странами-кандидатами уровне.

В вопросе культурного фактора говорить об общей идентичности также не приходится.

Сопоставляя представленные выше кейсы, можно отметить стремление ЕС перенести политическую и, в меньшей степени, правовую составляющую членства де-факто на те государства-партнеры, которые не вписываются в рамки указанного концепта и лишь намереваются углублять существующие связи с Евросоюзом. Подобный подход, однако, рискован и чреват снижением уровня заинтересованности в сотрудничестве с Европейским союзом, прекращением ряда совместных проектов.

¹ *European Union Imports from United Arab Emirates* 2025 Data 2026 Forecast 2000–2024 Historical // TradingEconomics. URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/imports/united-arab-emirates> (дата обращения: 16.09.2025).

² *UAE foreign trade reaches AED5.23 trillion in 2024, up from AED3.5 trillion in 2021* // Emirates news agency // WAM. 20.04.2025. URL: <https://www.wam.ae/en/article/bj9uwl-t-uae-foreign-trade-reaches-aed523-trillion-2024> (дата обращения: 17.09.2025).

Заключение

Подводя итог, следует определить концепцию членства в ЕС де-факто как ответ на возрастающую потребность в более гибком и адаптивном сотрудничестве с интеграционным объединением. Данная концепция дополняет существующее теоретическое знание по проблематике, вводя, в частности, фактор обусловленности сотрудничества, критерий выравнивания внешней политики, а также обращая внимание на значимость фактора культурной общности и количественные показатели экономического и правового критериев. Текущие практики показывают стремление руководства ЕС применять элементы концепции членства де-факто к государствам вне зависимости от текущего уровня кооперации и реализуемости данной модели, выделяя политический компонент как определяющий в данном формате сотрудничества.

145

Список литературы

1. Бабынина Л.О. Расширение как особый случай внешней дифференциации ЕС // Современная Европа. 2025. №1. С. 5–17. doi: 10.31857/S0201708325010012.
2. Глобальное военное присутствие США // Введение в прикладной анализ международных ситуаций: учебник / под ред. Т.А. Шаплеиной. М., 2014. С. 134–148.
3. Говорова Н.В., Бабынина Л.О., Тимошенко Е.П. Европейский союз и Швейцария: разнонаправленные векторы сотрудничества // Современная Европа. 2015. №2 (62). С. 34–47.
4. Кавешников Н.Ю. Заявка Украины на вступление в ЕС как импульс для реформирования политики расширения // Современная Европа. 2022. №6. С. 18–34. doi: 10.31857/S020170832206002X. EDN: goisff.
5. Кондратьева Н.Б. Европейская модель интеграции рынков: становление и перспектива. М., 2020.
6. Стрежнева М.В. Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита // Вестник МГИМО. 2022. №3. С. 39–60.
7. Amadio Viceré M.G., Sus M. Differentiated cooperation as the mode of governance in EU foreign policy // Contemporary Security Policy. 2023. Vol. 44, №1. P. 4–34. doi: 10.1080/13523260.2023.2168854.
8. Biscop S. European security strategy revisited // International Organisations Research Journal. 2009. Vol. 4, №2. P. 105–120.
9. Böhmelt T., Freyburg T. Forecasting candidate states' compliance with EU accession rules, 2017–2050 // Journal of European Public Policy. 2017. Vol. 25, №11. P. 1667–1685. doi: 10.1080/13501763.2017.1348385.
10. Dür A. EU trade agreements and external differentiation: a large language model approach // West European Politics. 2024. Vol. 48, №5. P. 1059–1085. doi: 10.1080/01402382.2024.2425549.
11. Gstöhl S. Models of external differentiation in the EU's neighbourhood: an expanding economic community? // Journal of European Public Policy. 2015. Vol. 22, №6. P. 854–870. doi: 10.1080/13501763.2015.1020834.
12. Hooghe L., Marks G. Grand theories of European integration in the twenty-first century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26, №8. P. 1113–1133. doi: 10.1080/13501763.2019.1569711.
13. Kuhn T. Grand theories of European integration revisited: does identity politics shape the course of European integration? // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26, №8. P. 1213–1230. doi: 10.1080/13501763.2019.1622588.

14. *Lavenex S.* The external face of differentiated integration: Third country participation in EU sectoral bodies // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22, №6. P. 836–853. doi: 10.1080/13501763.2015.1020836.
15. *Neri-Castracane G., Canapa D., Brander T.* The Swiss legislation on business and human rights: A reform needed towards harmonization with EU law // *European Business Organization Law Review*. 2024. Vol. 25. P. 809–841. doi: 10.1007/s40804-024-00325-6.
16. *Pavel C. E.* The European Union and diminished state sovereignty // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2022. Vol. 25, №4. P. 596–603. doi: 10.1080/13698230.2022.2042956.
17. *Risse T.* Neofunctionalism, European identity, and the puzzles of European integration // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12, №2. P. 291–309. doi: 10.1080/13501760500044033.
18. *Romanova T.* The concept of 'resilience' in EU external relations: A critical assessment // *European Foreign Affairs Review*. 2019. Vol. 24, №3. P. 349–366.
19. *Schimmelfennig F., Leuffen D., Rittberger B.* The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation // *Journal of European Public Policy*. 2015. Vol. 22, №6. P. 764–782. doi: 10.1080/13501763.2015.1020835.
20. *Thevenin E., Liedlbauer L., Petri F.* Conclusions on contestation of EU foreign policy: diverse causes, various modes and multiple effects? // *Global Affairs*. 2020. Vol. 6, №4-5. P. 451–459. doi: 10.1080/23340460.2020.1892417.
21. *Ugur O.* The European Union foreign policy system and the extent of europeanization after the common foreign and security policy // *The Journal of International Scientific Researches*. 2025. №10. P. 276–293. doi: 10.23834/isrjournal.1653350.
22. *Wachowiak J., Zuleeg F.* Brexit and the trade and cooperation agreement: Implications for internal and external EU differentiation // *The International Spectator*. 2022. Vol. 57, №1. P. 142–159. doi: 10.1080/03932729.2022.2030604.
23. *Epiney A.* How does the European Union law influence Swiss law and policies? // *Rediscovering public law and public administration in comparative policy analysis: A tribute to Peter Knoepfel* / ed. by S. Nahrath, F. Varone. Bern, 2009. P. 179–196.

Об авторе

Даниил Юрьевич Менчиков – соискатель кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России; старший преподаватель, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.
E-mail: dmenchikov@bk.ru

D. Yu. Menchikov

EU DE FACTO MEMBERSHIP: AN ATTEMPT TO ADAPT TO CURRENT CHALLENGES

MGIMO University, Moscow, Russia
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Received 8 October 2025

Accepted 14 November 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11

To cite this article: Menchikov D. Yu. 2025, EU de facto membership: an attempt to adapt to current challenges, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №4. P. 133–147. doi: 10.5922/vestnikhum-2025-4-11.

*The study examines a model of relations with the European Union referred to as “de facto membership.” The high relevance of this format of interaction stems from the challenges currently facing the EU, in particular issues related to its international actorness, as well as a number of EU initiatives aimed at establishing more flexible forms of cooperation, including in the field of foreign policy. The concept complements existing formats of differentiated integration and external differentiation in cooperation with the European Union. The purpose of the study is to expand existing concepts of cooperation with the EU that go beyond standard de jure membership. Event analysis and comparative analysis were employed as the main research methods. As a result, the study identifies key elements of de facto membership, including alignment of foreign policy, conditionality of integration, the significance of the energy component in economic interaction, independent initiatives by third countries to incorporate the *acquis communautaire* into domestic legislation, the importance of a shared cultural identity, as well as quantitative indicators – namely, the orientation of more than 50 % of a country’s foreign trade toward the European market and the implementation of over 50 % of EU legal acts into national law. A comparative analysis is provided of Switzerland as a representative case of de facto membership and the United Arab Emirates as a country currently only negotiating a free trade agreement with the EU. The study substantiates the conclusion that the EU leadership prioritizes the political dimension of the de facto membership model in its relations with third countries, often at the risk of undermining further cooperation.*

Keywords: European integration, differentiated integration, de facto membership, foreign policy alignment, conditionality of integration

The author

Daniil Yu. Menchikov, PhD candidate at the department of applied international analysis, MGIMO University; senior lecturer, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

E-mail: dmenchikov@bk.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Серия: Гуманитарные и общественные науки

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

в) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информации;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематике;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2025

№ 4

Редактор *И. О. Дементьев*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 03.02.2026 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,1
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 11

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14